

学
校

妖
怪

Annotation

Наследник древнего русского рода прибывает в Страну восходящего солнца, чтобы найти нареченную в школе монстров.

Брюки? Погладил. Ботинки? Почистил. Носки? Удобнее, чем у нас, нужно будет прикупить про запас. Рубашка? Новая, ни разу не надетая. Пиджак? Ни пылинки. Осталось всё это нацепить, расчесаться — и готово, можно выходить из общежития. Благо здесь недалеко, и по пути я догонял других учеников в такой же форме.

Старшая школа Сайтама встретила меня шикарными коваными воротами, на которых изгибалась не то какая-то змея повышенной пафосности, не то глазастая коряга, которую море выбросило на берег. За воротами вековые деревья, затененные газоны, пара питьевых фонтанчиков, от обезвоживания не загнусь. Пахнет какими-то цветами, немного деревом и нагретым камнем. Здесь только апрель, а температура уже как в сауне. А зимнюю форму меняют на летнюю... когда? Надо уточнить этот момент в школе. О горячей еде, наверное, поначалу придется забыть, иначе зажарюсь к чертям.

Возле школьных ворот меня уже ожидали. Высокий для японца парень с длинными, зачесанными назад волосами. Старшекласник, судя по вежливым поклонам, которыми его приветствовали другие школьники, и довольно популярный, если посмотреть на реакцию девушек. Учитывая особенности школы, дело не только во внешности потомственного аристократа.

— Кощев Константин? — обратился он ко мне.

— Верно.

— Приятно познакомиться, Кощев-кун. Я президент нашего школьного совета, Кицуки Казуя. Поскольку ты единственный переведенный ученик во втором старшем классе, я решил встретиться лично. Если ты не против, помогу осмотреться здесь до начала уроков и отвечу на все возникшие вопросы.

Еще одна особенность чудной Страны восходящего солнца — крайне формализованное и запутанное для иностранцев межличностное обращение. Фамилия плюс суффикс «кун» или «тян» — признак близкого отношения. Для только что встреченного «человека» выглядит странно, но здесь играет фактор должности президента: снисходительное отношение старшего к младшему, причем как по положению, так и по возрасту.

Помощь была очень своевременна. Учитывая весеннюю жару, я бы со всем в одиночку до вечера разбирался. Особенно памятуя, как здорово я читаю эти их иероглифы.

— Большое спасибо... Кицуки-сан, — я слегка запнулся, подбирая подходящее обращение. Судя по отсутствию реакции, не ошибся. — А разве это не работа классного руководителя?

— Нет, большинством организационных вопросов школы занимается студсовет.

Странно, необычно и противоречит тому, что я прочел в интернете по запросу «школа в современной Японии».

— Вот как... Тогда, пожалуйста, позаботьтесь обо мне, — произнес я одну из положенных по местному этикету шаблонных фраз.

— Прошу за мной.

Казуя плавно развернулся, демонстрируя тем самым немалый опыт в боевых искусствах, и моментально подстроился под мой широкий шаг.

— Ты опоздал на церемонию поступления, — по пути начал разговор президент.

— Да, с дорогой возникли некоторые... сложности, — поморщился я от воспоминаний.

Попробуйте добраться из глухой сибирской тайги до ближайшей точки цивилизации. Тут вам не там, в начале апреля снег и не думает таять. А еще семья посовещалась и решила, что лучше не беспокоить соседей, и меня «на собаках» отправили прямым курсом на Камчатку. История, каким чудом я опоздал всего лишь на неделю, заслуживает отдельного тома в семейных хрониках.

Кицуки вел меня по аллее, попутно рассказывая о школе. Всё, что я прочитал до текущего дня в официальных источниках, не слишком-то совпадало с его рассказом.

— Видишь ли, йокаи в современном мире имеют определенные проблемы. Даже древние кланы, годами и веками сидящие в родовых поместьях на каких-нибудь горах, специально купленных с этой целью, рано или поздно понимают: если младшее поколение не научится жить бок о бок с людьми, то заработать на содержание даже этого самого поместья будет уже некому. Покупки акций и банковское дело, открытие собственного магазина или семейного ресторана, научная деятельность или даже участие в спортивных состязаниях — всё требует изучения, погружения, развития какого-то навыка. Это актуальные проблемы, и их решение тоже должно идти в ногу со временем. А те, кто давно проживает в городе, уж тем более хотели бы, чтобы их дети не затруднялись в простом городском быте.

— Поэтому все ученики выглядят как люди? — уточнил я.

— Да, конечно. Это обязательное требование, без которого йокай даже не переведут в среднюю школу.

Мы зашли в холл, переобулись в сменку и двинулись дальше, в кабинет школьного совета. Хотя Кицуки и был несколько велеречив, говорил он по делу. Я подумал на секунду, что мы сработаемся. Когда-нибудь. Как только он начнет разговаривать по-человечески. Конечно, в идеальном случае еще и по-русски.

— Однако не в повседневной жизни дело. Мы здесь, в Японии, пока лучше всех учим, как свою внутреннюю силу обернуть на благо, чтобы использовать ее. В западных заведениях преимущественно учат мимикрии, а у нас, можно сказать, школа жизни. Поэтому Сайтама и популярна среди переведенных студентов со всего света.

Я чувствовал, что еще немного рекламы, и я засну прямо под самым ветвистым деревом. Слова Казуи текли сквозь уши и вообще в них не задерживались. Историю школы, которую я слышал буквально пять минут назад, я уже забыл.

— Также тут учатся наследники многих древних кланов йокаев. Для которых ты, Кошечев-кун, бельмо на глазу. Так что же тебя сюда привело?

С меня ненадолго сползла сонная хмарь.

* * *

— Костик, а ты чем хочешь заниматься, когда вырастешь?

— Не знаю, бабуль. А что мне на роду написано?

— Я старая уже стала, давай младшую сестрицу позовем, она гадает лучше. Аля!

Покатав крошечное яблоко-дичку по блюбочку, Аля с недоумением подытожила:

— Бабуль, или я гадаю совсем криво, или братику нужно куда-то далеко идти, мимо царства поднебесного в царство восхода, а там остаться и поискать какую-то узкую тетку.

Марья Моревна закатила глаза.

— Алечка, не царство поднебесное, а Поднебесная, сиречь Китай. То, что ты обозвала царством восхода — это Япония, Страна восходящего солнца. А тетка не тетка, а дева, и не узкая, а суженая. С одним «н». То есть нареченная, уже с двумя «н». Но спасибо за твои труды. Ты куда быстрее меня, да уж и талантливее. Ступай, малышка, возьми себе пирожочек.

Аля радостно убежала на кухню выпрашивать пирожок, а бабуля устало воззрилась на меня.

— Ну, Костик, жениться бы тебе. Вот что на роду Навью написано. Поближе невестушку найти не получилось, придется тебе лететь в Японию. Чем смогу, помогу, и репетитора тебе по японскому тоже найдем.

* * *

— Кощеев-кун?

— А, почему я здесь... Скажем так, по семейным обстоятельствам.

— Можно узнать, каким именно?

— Можно, узнавайте.

Казуя с поистине японским стоицизмом повторил. До меня дошло, что отвертеться не получится. Хорошо хоть болтуном он не выглядит.

— Семья решила, что здесь я найду будущую жену.

— Оу, — тихо и немного сочувственно произнес Казуя. Кажется, и он осознал, какая буря может подняться, стоит этой новости выползти на свет.

— Поэтому прошу оставить причины моего прибытия в тайне. Наверняка есть же более благовидный предлог, по которому гайдзину срочно понадобилась школа именно в Японии?

— Конечно. Например, некий гайдзин осознал, что на Западе учат слишком поверхностно, и приехал постигать глубины знания. Или отправил своего сына, поскольку сам уже стар. Глубины — вопрос сложный, тут все делают вид, что их постигают. Еще один белокожий студент, которого принесло по этой причине, вообще никого не удивит.

— Спасибо, отлично подходит.

— Далее... — начал было он, но нас прервал стук в дверь.

— Президент, прошу прощения, — на пороге появилась девушка модели «строгий секретарь». — Вас ждут главы клубов для обсуждения годового бюджета.

Я был благодарен Казуе, но еще десять минут разговора усыпили бы меня с гарантией.

— К сожалению, время, — с долей сожаления констатировал президент и позвал: — Ичика!

— Да, нии-сама? — словно из ниоткуда появилась девушка, назвав Казую «многоуважаемым старшим братом», если я правильно помню обращение.

— Позаботься, пожалуйста, о госте.

— Будет сделано. Кощеев-сан, я Кицуки Ичика, — поклонилась мне девушка. — Состою в Дисциплинарном комитете.

Я склонил голову и невольно приподнял бровь. На вид Ичика выглядела типичной японкой: росточек маленький, сама худенькая, дышит мне в пупок. Женская школьная форма — пиджак с повязкой «Порядок» на плече, рубашка с галстуком, плиссированная юбка до колен. Но форма сидит идеально, как и на брате, словно Ичика уже родилась в ней,

создавая облик образцовой ученицы и стража порядка. Обнять и плакать.

— А еще я член клуба айкидо, кэндо и джиу-джитсу, — добавила она, видимо, что-то прочитав на моем лице.

— Вверяю себя в ваши руки, Кицуки-сан, — я быстро произнес традиционную вежливую фразу, убрав лишние мысли.

Она вывела меня в коридор, и мы, провожаемые любопытствующими взглядами, прошли мимо старшеклассников, которым тоже нужен был президент. Вот теперь я верю, что Ичика его сестра: чувствуется что-то общее в поведении опытных бойцов. А еще с братом она милашка и пай-девочка, а на людях — ровно такое же благородно-пафосное выражение лица «вы все говно, а я королева», помноженное на японский менталитет, где все нижестоящие молча стоят и вежливо обтекают.

Кицуки Казуя внимательно смотрел на переведенного ученика, которого передал в руки сестры, понимая, что порядочно утомил не привыкшего к японской речи гайдзина. Стиль разговора Казуя пока что менять не собирался — до поры до времени. Он достал из кармана пиджака очки и, нацепив их на переносицу, сосредоточился. Через линзы, позволяющие наблюдать ауру души живых и не очень живых существ, молодой шинигами видел странное. Ауры практически не было, разве что тоненький слой, покрывающий тощее тело Кощева и стекающий по нему, словно вода, в никуда. Такая аура бывает у людей, которые скоро умрут. Кощев умирающим не выглядел, разве что от голода. Или это какой-то магический конструкт, гомункул или голем. Или это мастер контроля, который не позволяет просочиться даже фоновому излучению.

Хотя кое-что было заметно. Казуя напряг боковое зрение и нашел что искал. Тоненькая, едва различимая нить шла от тела Константина Кощева куда-то в небо. Кицуки машинально проследил за ней и в один момент оказался в другом месте.

Огромный мрачный зал, украшенный множеством черепов поверженных врагов. Стены, уходящие ввысь, теряющиеся за дымкой. Черный трон, совсем простой. На троне — самый могущественный маг смерти в мире, смотрящий на Казую немигающим взглядом.

— Пожалуйста, если это не затруднит вас, многоуважаемый шинигами, позаботьтесь о моем внуке, — на идеальном японском произнес Кощей Бессмертный, после чего едва заметно склонил голову.

Ниточка здесь не обрывалась, а вилась дальше. Казуя, не в силах оторвать глаз от черной дымки за тронном, боковым зрением проследил ее. На мгновение над стариком проявилась аура царства Кощевых. Она сконцентрировалась дымкой погуще и, собравшись маской смерти, улыбнулась слишком любопытному гостю. Казуя тоже чуть заметно склонил голову.

Очки треснули.

«Вышлю счет», — решил шинигами. Прекрасно, он только что пытался рассказывать о правилах грядущей школьной жизни очередному монстру в человеческом обличье. Каждый день этим заниматься — головой поехать можно. Еще и заботиться о нем. Как хорошо, что скоро выпускаться. Плохо, что придется оставить сестру на съедение русскому чудовищу. А русские чудовища, по рассказам, коварны: не съедят, так понаядкусывают. Сестра, в свою очередь, терпеть это не станет, и полетят клочки по закоулочкам. Возможно, нужно посоветоваться с отцом?

Я смотрел в спину идущей впереди школьницы, раздумывая, как начать разговор. Если не ошибаюсь, надо как-то так:

— Президент Казуя удивительный человек.

— Да, брат такой, — кивнула Ичика с просветленным видом, но тут же спохватилась. — Вам не следует называть его по имени.

— Но вы оба Кицуки. Как быть?

— Мы можем обращаться друг к другу по имени. Но без фамильярности. Здесь так не принято.

— Тогда... Ичика-сан? Можно вопрос?

— Конечно.

— Это нормально? — я показал рукой в сторону, где за окном назревала драка.

Группа старшеклассников окружила одинокого паренька и громко не давала ему пройти.

— Нет, — вздохнула девушка, доставая из сумки яркие перчатки и с ловкостью их натягивая. — Вообще никак не нормально. Прошу прощения.

Она распахнула окно, и с улицы немедленно донесся шум драки. Моя спутница, не изменившись в лице, забралась на подоконник и шагнула с третьего этажа в пустоту. Остальных учеников, толпящихся в коридоре, явно ничего не смутило: не переставая болтать, они прилипли к окнам, показывая пальцем и что-то обсуждая. Я понял, что и мне беспокоиться не о чем. В тот момент я уже знал, что она не упадет. Будто смазавшись в воздухе, в следующее мгновение она оказалась возле хулиганов.

— Воу... — удивленно выдохнул я, когда хрупкая девушка одним плавным движением швырнула здорового парня на землю, чтобы угомонить. — Это не джиу-джитсу, ей массы не хватит. И айкидо вряд ли.

Я рассмотрел второй прием, которым Ичика успокаивала следующего желающего подраться. Она слегка махнула рукой, словно отгоняя муху, и парня перед ней сложило пополам. Я заинтересованно приподнял бровь при виде фокуса. Заявив таким образом о себе и одновременно расчистив проход, она встала между хулиганами и их жертвой. Рослые парни моментально сдулись. После нескольких резких отрывистых фраз на японском (шансов разобрать, увы, не было) цирк аннигилировался вместе с клоунами. Спасенный паренек взлохматил свою гриву, глубоко поклонился Ичике и начал собирать книги, разбросанные по земле. Кицуки-сан кивнула в ответ, что-то сказала на прощание, развернулась и...

— Извини за ожидание, — появилась передо мной.

— Ага...

— Поскольку ты иностранец, дам еще один совет. В нашем обществе не принято лезть в личную жизнь других людей.

— В том числе, полагаю, дело касается и настоящего облика?

— Верно.

— Спасибо за наставление.

Дальнейший путь прошел в молчании, пока я переваривал еще одну мысль. В одном я был уверен точно: Кицуки Ичика не тронула их и пальцем.

Кажется, здесь интереснее, чем я думал. И посмотреть есть на что.

— Кстати, а почему именно?.. — я указал на ее повязку, решив уточнить один момент.

— Хотя мы одноклассники, попрошу учесть, что я очень занята своими обязанностями,

поэтому тебе лучше завести друзей, — спокойно, но прохладно прояснила наши будущие взаимоотношения Ичика, открывая дверь в класс. — Доброе утро! Ребята, минуту внимания!

Шумные разговоры перед уроком затихли, и будущие одноклассники с любопытством уставились на мою интригующую персону.

— Сам справишься? — уточнила Ичика.

— Должен, — с ноткой неуверенности отозвался я, беря мел и встав у классной доски.

Сперва я написал свое имя японскими иероглифами (для иностранщины — вроде бы катакана), вертикально сверху вниз справа налево. Потом повторил латиницей английского языка, сперва аналогично, потом по правилам, горизонтально слева направо — Konstantin Koshcheev. И, наконец, написал на русском фамилию и имя.

— Кошечев Константин, — представился я, проявив благородство и милосердие и не став взрывать мозги японцев понятием «отчество». — С этого дня буду учиться вместе с вами. Я многого не знаю о Японии, поэтому надеюсь на ваше понимание и помощь. Приятно познакомиться.

И поклонился. Раз в меня не стали кидать тухлые помидоры и вызывать на дуэль за оскорбление чувств потомков самураев (а также восточной нечисти и прочих темных синтоистов), многократно отрепетированное приветствие прошло как надо.

— Доброе утро, гайдзин Кошечев-кун! — пара девочек улыбнулась, показав мелкие остренькие зубки. Стараются не рассматривать мои серые волосы. Ну не захотел я краситься, не захотел, извините. А девочки вежливые.

На разных концах класса несколько парней подняли руку в знак того, что увидели меня. Но подходить не стали, как и представляться. Странные.

— О, да ты высокий.

Одна из девиц подскочила ко мне и внезапно оказалась ростом до моего плеча. Впечатляюще для японки.

— Давай смахнемся!

— А? — удивился я.

— Ну ты же Константин! Значит, русский! Я про вас много слышала. Вы по утрам боретесь с медведями! Самбо! Борьба! Это так круто! А ты владеешь секретной техникой Карательной руки КиГиБи?

— Э... нет.

— Ну да, логично, это же секретная техника, — закивала девушка. — А, наверное, ты можешь выпить vodka и стать мастером стиля Пьяного горника! Ты должен показать мне медведесносный прием Dat' Leshcha!

Я не удержался и приложил ладонь к лицу. Эта девица явно слишком много знала о русских. Жаль, не о тех.

— Сейф! — распахнувший дверь уже знакомый мне лохматый паренек стремительно занял место неподалеку от меня, оказавшим крайним у окна. Первым делом он достал из сумки какую-то книгу (я скосил взгляд и прочитал название: «Преступление и наказание») и только потом обратил внимание на происходящее и нового соседа:

— Томоко-тян, не пугай гайдзина. Он и так от нашего языка, наверное, в ужасе. А тут еще твое обратное отаку с медведями.

Я перестал фейспалмить и повернулся к говорящему. Невысокий и достаточно типичный парень с чуть вытянутым лицом, держа открытую книгу на коленях, улыбался, не показывая зубы.

— Я Акихико Изаму. Занимаюсь тем, что читаю книжки. Не читаю книжки, только когда сплю, а сплю я редко. Если что, обращайся. Это Танака Томоко, она любит русских и уверена, что вы сильные.

— Осу! — Томоко развела прямые руки по швам. — Рада познакомиться!

— И мне приятно, Томоко-тян. Спасибо, Изаму-кун, — выдохнул я. Постепенно всё прояснялось. Кажется, с этими пацифистами мне в дальнейшем и придется учиться.

— Класс, встать! — скомандовала староста, и я поспешно последовал всеобщему примеру. — Поклон!

— Садитесь, — позволил нам сэнсэй, подошел к доске и написал на ней какие-то крокозябры. Крокозябры при дальнейшем изучении сложились в слова «специальная социология». Название предмета, по-любому. Я быстро достал шпаргалку, которой заранее запасся. Предмет: специальная социология. Преподаватель: Ёсида Юкио.

— Как я вас и предупреждал в рассылке на прошлой неделе, сегодня мы проведем небольшое промежуточное тестирование.

В смысле промежуточное? Эй, а я?

— Меня предупредили о вас, Кощеев-сан. Поэтому я подготовил для вас особый вариант.

Я поднял руку.

— Да, Кощеев-сан?

— Ёсида-сэнсэй, можно ли мне будет взглянуть на общий тест?

— Конечно, только не вздумайте его решать.

Под хихиканье девушек сэнсэй положил мне на стол два листа вместо одного.

— После написания теста можете быть свободны. Но, скорее всего, это займет вас на весь урок.

Да что ж там написано такое, с чем старшеклассник должен справляться почти час?

Я взял лист с пометкой «Кощеев». В глазах зарыбило. Кажется, чтению нужно было уделять чуть больше времени. Строки на листе поплыли в неизвестном направлении, но я волевым усилием заставил себя собраться и положил под нужную строку линейку. Вот, буду двигать ее и читать, и ничего никуда не уползет.

«Какой вид японского оборотня считается самым вкусным, из-за чего многие представители этого вида были съедены в период до XX века включительно?»

Ну, здесь просто. Про тушенку из енота-тануки только ленивый не знает.

«Сколько хвостов может иметь старый лис, проживший вдали от человеческого общества?»

Если верить легендам, то там что-то типа восьми, девяти, они же специально уходили жить подальше в горы, чтобы люди не мешались. Ладно, так и запишем. Или это должен быть не только старый, но к тому же опытный лис? Или там вообще от пола всё зависит? А этот лис, который в тестировании — он мальчик или девочка? В смысле, старик или старуха? Да блин. Ладно, что там дальше...

«В каком веке оммедзи Киото впервые сняли все печати с города, чтобы привлечь в Киото йокаев, желающих проживать бок о бок с людьми?»

Это тоже просто. Шестнадцатый век. Там была мутная история. В «эпоху законов» VII–IX веков Японию буквально пожрало конфуцианство, и так бы всё и оставалось, но в XII столетии служители культа оммедо и простые священники синто заметили, что к учителям конфуцианства уплывает вся власть. Они начали было популяризировать синтоизм и

наткнулись на активное противодействие. Тем временем жизнь в стране улучшалась, цивилизация развивалась, и растущее общество японцев стало территориально расширяться. Чем больше людей в государстве, тем больше им требуется места — поэтому священные рощи вырубались, болота и пруды осушались, леса прорежались. Забывались старые алтари, йокаи и боги-ками не получали подношений, к тому же многие из них были выселены с привычных мест обитания. Недовольные потусторонние сущности сочли такое отношение пренебрежительным и в качестве напоминания о себе устроили Ночь Сотни Демонов. Когда она не возымела ожидаемого действия, духи и демоны приняли решение разжечь войну против людей. Однако они не ожидали, что в процессе спора синтоистов с теснившими их конфуцианцами оммедзи так тщательно обучили молодое поколение служителей, что смогли изгнать полчища йокаев, вылезших из своих мест обитания для истребления человеческого рода. Никто не знал, через какое время йокаи смогут снова появиться (и появятся ли они еще когда-нибудь), но оммедзи выиграли войну.

Меня, помню, эта байка поразила. Но не тем, что храмовники оказались умны и подготовлены. А тем, что было потом. Спустя почти триста лет в столице, Киото, жил Верховный оммедзи, не очень старый мужик. И когда вся страна по привычке радовалась, что йокаи больше не придут, втихаря он пообщался с местным царьком и убедил его снять с города печати, не позволяющие йокаям зайти в Киото. Всё ради того, чтобы приток в столицу был не только за счет людей, но и за счет йокаев, которые хотели жить рядом с людьми.

Как показала история, этот парень вообще всех обыграл. Если бы не он, то не было бы ни Японии, которую мы сейчас знаем, ни заведений, подобных Старшей школе Сайтама.

Кажется, я слегка задумался, а время на расшифровывание крокозябр идет.

«Как определить инугами в человеческом обличье?»

Так... Очень часто во внешности йокая есть какая-то характерная черта, напоминающая его истинный облик. Что могло бы выдать волка-инугами?

Я оглянулся.

У преподавателя Ёсида Юкио лицо мелкое, несколько мышинное, но хищно вытянутое. Ставлю на ласку, итачи. Если у него настолько дрянной характер, как это описано в легендах, то хуже всего будет услышать, как он на кого-то кричит. Предзнаменование зла, всё такое. А когда они собираются пачкой, им под лапу лучше вообще не попадаться.

У девицы, которую при мне назвали Томоко, лицо широкое в скулах, волосы собраны в два пучка. Кожа необычного хрустального цвета, чуть синеватая. Я присмотрелся: руки сильные, ладони широкие, будто привыкшие к ударно-дробящему оружию. Ее родственники наверняка бни, горные великаны.

За соседней партой сидит девушка с охренительно длинными ногами. Больше совершенно ничем не отличается. Ноги... Машинальным жестом красotka достает бутылку с водой, отпивает немного, кладет на место. Нурэ-онна, морская змея.

Я присмотрелся к Изаму, сумка которого даже по виду была тяжела и набита не то кирпичами, не то книгами, скорее второе. Вытянутое лицо. Когда задумывается, морщит нос, вместе с тем приподнимается верхняя губа, будто обнажая клыки.

Нашел. Вот ты какой, книжный волк. Хороший парень, в тестировании помогает, даже не помогая в тестировании.

Последние вопросы оказались настолько всратыми, что я разобрал их, но отвечать даже не рискнул.

«Поют ли кицунэ в опере?»

Помню только, что пошляки еноты-тануки играют на ударных. Не то чтобы это были барабаны, но...

«Какой вид искусств характерен для тэнгу из горной местности?»

Блин, ума не приложу. Чем можно занять непоседливого ворона? Рисуют они, наверное? Что там еще в этих горах можно делать?

«С какой целью камаитачи чаще всего воруют сборники стихотворений?»

Эээ... Наверное, они ценители поэзии. Действительно, а зачем им стихотворения? Найду хоть одного — спрошу. Надеюсь, что не найду, эти мелкие хищники по трое ходят и любят когтями поскрежетать не по делу.

«Какой вид йокаев водится только в стоячей воде?»

Да у вас их сотни, откуда мне знать?

Я вздохнул и любопытства ради взял листок с тем тестом, который решали все остальные.

«Назовите особенности поведения банковского клерка по отношению к начальству, проявляющиеся до полудня».

«Какая наценка делается на сувенирную продукцию в префектуре Канагава?»

«По какой причине йокаям официально запрещено посещать Курильские острова?»

«Какой обменный процесс должны контролировать йокаи младше 24 календарных лет?»

Почему он связан с социальными причинами?»

«Какой процент населения долгожителей Японии составляют йокаи? Почему проявление долгожительства небезопасно?»

«Каков предельный размер родового имени йокаев, располагающегося в Токио?»

«Как называется должность министра, занимающегося делами йокаев?»

«Подача какой формы заявления регламентирована для решения проблем, связанных с дискриминацией по количеству хвостов?»

Очень интересно, ни хренашеньки не понятно. Это что, нужно изучать?

Чертово Алькино блюдечко, ты куда меня послало?

Как и говорил сэнсэй, тестирование пролетело быстро и незаметно. Урока на него не хватило. Надеюсь, я не совсем безнадежен. На половину-то вопросов ответить удалось!

— Константин-кун, — передо мной стояла Акира Кагами, наша староста и представитель девушек. — Тебе нужно определиться со школьным клубом. У нас этого добра огромное разнообразие, что-нибудь точно приглянется. Как определишься — сообщи, а то интересно.

Я проводил старосту задумчивым взглядом. Стройная фигура, прическа с хвостиками, изящные очки, блестящие колготки. Настолько похожа на шаблонный вариант «обычная японская староста», что уже становится любопытно, какой йокай может так идеально маскироваться под человека.

Я выдохнул, прогоняя лишние мысли. Мало мне было проблем, так еще нужно выбрать совершенно ненужное и бесполезное занятие, которое сожрет часть и без того драгоценного времени. Как там, проблемы нужно решать по мере их поступления?

Изаму-кун, словно услышав мои мысли, подошел неслышными шагами и протянул мне книгу. Я прищурился. «Скоростное чтение», гласила надпись на обложке.

— Не повредит, наверное. Это сейчас редкость, моя, не библиотечная. Вернешь, как осилишь.

Я был искренне благодарен. Мне бы не пришло в голову специально искать такую информацию. Репетитор, паршивец, ни словом о подобной технике чтения не обмолвился.

— Спасибо, Изаму-кун. А ты, наверное, в книжном клубе?

— И не только. Но запах страниц я нежно люблю, этого не отнять.

— Кощев-кун, а пойдешь на рукопашный?

До меня долго доходило, что таким незамысловатым образом Томоко приглашает посетить клуб рукопашного боя, одновременно адаптируя для гайдзина сложные японские понятия. Мне было известно порядка двенадцати-тринадцати стилей рукопашек, и подобное упрощение на пользу не пошло.

— Ещё найдётся клуб флористики (ИКЕБАНА, поправил я мысленно), развитие художественных способностей, кэндо, трехмерное моделирование, написание приложений под Android, надевания традиционной одежды, — продолжала перечислять Томоко. Мне оставалось лишь надеяться, что ее не интересует одновременно всё, что она только что перечислила.

Изаму не замедлил вылезти из книги:

— И ещё из интересного есть лингвистика и ораторское искусство. И клуб АСМР.

— Клуб каких мр?

— Ааааа, — протянул шерстяной волчара. — Ты не знаешь. Значит, тебе туда лучше не ходить.

Следующим уроком была биология. Крошечная преподавательница, одетая в зеленую юкату, была чем-то похожа на наш российский одуванчик: ее миниатюрное тело напоминало тонкий стебелек, а голова с объемной прической, украшенной тяжелой национальной заколкой с каким-то травяным мотивом, мерно раскачивалась в процессе лекции. Студенты обожали ее и называли исключительно «Ая-годзэн», что означало примерно «достопочтенная храбрейшая Ая, жена самурая», или еще что-то столь же

многословное. Оставалось только догадываться, какой воительницей эта милая женщина была в далекой молодости.

К концу урока я знал базовые свойства метаболизма хищных йокаев, нормальное количество позвонков в хвосте трехлетней кицунэ и особенности пищеварения каппы, переселенного в другую реку после полового созревания. Отсутствие знаний о последнем я однозначно смог бы пережить.

Я уже почти привык оперативно двигать линейку по нужным строчкам, но голова продолжала закипать при попытке прочитать предложение на японском с наскака, а не вникая в каждое слово. Книжка по скоростному чтению, изучение которой было назначено на ближайший вечер, добавляла оптимизма откуда-то из недр сумки.

Я отчетливо начал уставать уже к концу второго урока, но пришлось до кучи высидеть еще почти час химии. От органики, привычной для меня по российским занятиям, она отличалась только тем, что была записана иероглифами. Ну, хоть что-то не нужно осиливать с нуля. У меня забрезжила надежда, которую подпитывало ожидание обеда.

Всё это время за моей рукой, медленнодвигающей линейку, вполглаза наблюдал малозаметный парень, торчавший за соседней партой. Если бы меня спросили, что он за йокай, я бы не рискнул ответить без длительного раздумья. Почему его так интересуют линейки? Может, что-то личное? Все-таки слишком мало я знаю о йокаях.

Как выяснилось, о еде тоже.

— А гречки у вас не бывает, да?

— Соба? — удивилась Томоко. — Так вот же она.

Я разглядывал странного цвета лапшу, пытаюсь понять, как сказанный ответ связан с заданным вопросом.

— Нет, Томоко-тян, не лапша, а гречка. Мелкая крупа коричневого цвета, ее варят с солью, потом кладут туда масло.

— Что такое «крупа»? — поинтересовалась девушка.

Кажется, я слегка махнул с ее происхождением от великанов-земледельцев.

— Кошечев-кун, — пришел на помощь Изаму, — то, что ты назвал, у нас едят только в таком виде.

Кому пришло в голову перемолоть гречку в муку и слепить из этого квадратные макароны, я решил не выяснять, но мысленно записал этому бака-хентай огромный минус в карму.

— А вообще что на обед?

Изаму устроил мне краткую экскурсию по подносу, уложившись в тридцать секунд. Соба — гречневая лапша, вызвавшая во мне бурю возмущения. Карааге — обжаренная в крахмале курица небольшими кусочками, ее маринуют в какой-то особой смеси. Скромная миска овощного салата. стакан чая, какая-то сладкая булка. И тарелочка бульона. Призрак бабушкиного борща вознесся над столом, образовавшись прямо из облачка пара от горячей еды. В бульоне грустно плавала какая-то зеленая субстанция. На борщ похоже не было. Цвет поражал воображение, заняв среднюю позицию между оттенком жидкого черного кофе и отблеском лужицы на асфальте.

— Суп с чем?..

Одноклассник объяснил еще раз.

Я мысленно застонал. С водорослями. Без мяса. Из забродивших бобов, поросших грибами.

Кажись, мне пи... не очень хорошо здесь придется, потому что умру я не от жары, а от голода. Резко захотелось домой, к бабулиным пельменям, маминым пирожкам, фирменным тетиным котлетам и прочим разносолам, которыми щедро баловали меня женщины в моей семье.

Как следовало из моей горестной мысли, готовить я умел никак, а лежащего передо мной обеда хватит на один зуб. Есть приходилось много: мое тело по сути было магическим конструктом и требовало просто дохрена энергии. Вчера я перехватил горсть каких-то рисовых колобков, купленных чуть ли не в автомате за углом. А утром я разнервничался и поесть забыл, к тому же ни одного колобка в сумке не завалилось.

Обед исчез подозрительно быстро. На вкус терпимо.

— Кошечев-кун, а ты не хочешь глянуть на пару клубов? Они даже во время обеда продолжают заниматься.

— Можно просто Константин. Спасибо, Изаму-кун, я бы взглянул, раз обед всё.

— Кстати, я знаю, как решить твою проблему с едой. Единственное — придется подождать до завтра. Доживи уж как-нибудь.

Клуб лингвистики для иностранцев при первом рассмотрении смахивал на секту, в которой впаривают гербалайф. Сэнсэй стоял на подиуме, вытянув позвоночник как стрелу, анфас к аудитории и рисовал что-то рукой в воздухе, а ученики сидели перед ним на татами и смотрели на него замороженно, напоминая кроликов, отслеживающих каждое движение опытного удава. По всей периферии татами в страшном беспорядке были разбросаны дощечки, испещренные скандинавскими рунами. «Главное в рунистике — это никогда не вырезать знаки железным инструментом», — вспомнил я. Кажется, руны от этого или вообще не функционировали, или работали не в ту сторону, поскольку обижались.

Сэнсэй не произносил ни слова, но иногда кто-то из учеников хватал блокнот, записывал что-то на первой попавшейся странице и снова концентрировался на размахивании учительской конечностью. Что здесь происходило — оставалось загадкой. Кажется, в эту секту идти не надо.

По соседству через две стены сидел клуб ораторского искусства и современной музыки. Именно так мне его описали, в результате чего я захотел посмотреть, как одно совмещается с другим, а главное — зачем. О да, это стоило внимания. Куратор клуба был очень занят чтением буддийских мантр вслух и, судя по секундомеру в руке старшего ученика, разогнался уже где-то до пяти слов в секунду. Как только он делал заметную паузу для вдоха, весь клуб забывал японскую национальную сдержанность и буквально взрывался восторженными воплями и аплодисментами. Шумно здесь было, как на небольшом концерте.

— Изаму-кун, а, собственно, нахрена?

— Да всё просто. Это, по сути, демонстрация дуэльного искусства оммедзи. Ты еще их чемпионаты не видел. В последний раз эти ребята выступали на культурном фестивале и устроили рэп-баттлы заклинаний. Поставили очередные незарегистрированные мировые рекорды и разбросали кучищу бумажных печатей, которую забыли убрать, потому что пошли праздновать в ближайшую цукеменную. Там, к слову, выпили всё чили-масло прям из бутылочек, продолжили баттл, побили еще один рекорд и только потом угомонились.

Напоминание о еде прозвучало грустно. Я предпочел бы более физическое воплощение, посему этот клуб тоже забраковал. Изаму хитро на меня глянул, но ничего не сказал. Кстати, выглядит он жилистым. Наверняка тоже ест как медведь и по-любому знает место, где

можно поужинать по-человечески. Все-таки я слишком русский — вот, уже медведей поминать начал. Котлеты из них ничего такие, кстати.

На уроке математики не произошло ничего, что стоило бы внимания. К счастью, цифры и математические обозначения умеют обходиться без иероглифов. Линейка пролежала в сумке до конца занятия, а я исполнился мысли, что не так уж и туп. Под занавес случилась современная литература, и я небезосновательно ожидал, что мне придет пипец. Все до единой прочитанные мной книги были русскоязычными изначально или хотя бы переведенными на мой родной язык. Я ни разу в жизни не удосужился осилить ни единой даже самой коротенькой истории, которая не была бы переложена или адаптирована. «Говорил мне дедуля: читай, Костя, побольше, — бухтел я на себя, спасая самооценку. — Читай, блин, а не упрощай задачи. Нет, надо ж было обязательно выпендриться, что басурманский не интересует. Скажи еще кому-нибудь, что английский до сих пор не выучил. Поржут, обзовут, что я бака». К счастью, преподавателя больше интересовали синие занавески в трудах кого-то из современных писателей. Кажется, мое появление в классе для учителя вообще осталось незамеченным, поскольку я не был ни синим, ни занавеской.

После уроков, ощущая порядочную вымотанность, я направлялся к воротам в компании молодого инугами.

— Изаму-кун, а я заметил, что парень за соседней партой за все пять уроков ни слова не произнес, его ни разу не спросили, как будто его и нет вовсе.

— А, эта мышь некормленная? Ханаваро Кавагути. Он недзуми.

— Почему мышь?

— Я же сказал: недзуми. Грызун, крыса. С ними осторожничают. Очень сильные кланы торговцев информацией. Могут просочиться буквально куда угодно, узнать что захотят. Они становятся свидетелями самых странных дел, постоянно появляются там, где их никто не ждет, и потом почему-то становятся богатыми и влиятельными, даже если изначально были бедными как церковнослужители.

До меня не сразу дошло, что Изаму шутит, пытаясь перевести на японский наше типичное выражение «беден как церковная мышь». Юмор я оценил. Кажется, Изаму забавляло смотреть, как я улыбаюсь.

— На самом деле что до Ханаваро-куна, я бы советовал его со счетов не снимать. Он школьный ботан высочайшего уровня. Если у тебя затруднения буквально с любым предметом, он может помочь, однако же его социализация — удивительное дно для обычно общительных и ловких недзуми. Вечно витает где-то в своих мыслях, а если о чем-нибудь его спросить — так ощущение, что он сначала переводит с японского на какой-то собственный язык, после этого отвечает в своей голове на этот вопрос на нем же, потом переводит обратно на японский, и уже в конце операции ты можешь услышать от него ответ. И то, если честно, я его не всегда понимаю. Тебе так вообще, наверное, конец настанет.

Я отговорился от последующего просмотра клубов тем, что еще не закончил обустриваться. К слову, я не соврал: Константин Кощеевич Кощеев, сын Кощя Бессмертного, вне зависимости от желаний и собственных предпочтений самолично взял в руки швабру и тряпку и ушел биться с силами хаоса за порядок в своей крошечной одноместной комнатке.

К девяти часам вечера бардак был повержен, вещи заняли подобающее место на полках и в ящиках, корзина для грязного белья похудела, и даже торчащий на окне кактус модели «золотой баррель», доставшийся мне в наследство от предыдущего хозяина, был протерт от

пыли и полит. Надеюсь, он проживет еще какое-то время... Растения меня не очень любят. Увы, из-за моего близкого знакомства со смертью меня хотя и тянет ко всему живому, что способно источать энергию, но рядом со мной то, что слабо духом, чахнет, стоит мне хоть немного развернуть ауру. Золотой баррель, к счастью, хляком не казался.

Замыленный и запыленный, я таки успел до закрытия душевой. Отмывшись и отчистившись, я вспомнил, что рисовые колобки сами себя не купят. Кстати, Изаму рекомендовал попробовать какую-то местную лапшу как эталон еды, которую невозможно испоганить. Вроде как просто кипятком ее заливаешь — и вот он, ужин. Надо заглянуть в магазин.

— Бака, какого черта? Это моя коробка!

Мимо меня пролетел чей-то кроссовок.

— Отдай, сын собаки!

Еще один.

— Да чтоб тебя!

Непередаваемые чавкающие звуки, смахивающие на неудачную попытку отжать чайный пакетик в чашке неудобной ложкой.

— Шесть дней не ел, твою мать!

Бульканье, похожее на звук, который издает толстый старый чайный гриб.

Я стоял, сжимая в руке коробочку с той самой рекомендованной лапшой. Перед глазами разворачивалось действие, которое я мог описать разве что как легендарный триптих Иеронима Босха «Сад земных наслаждений». Деталей у Босха было меньше, а наслаждений больше. Куча народу в магазине образовывала стремную змеиную свадьбу, в клубке участвовали в том числе шнурки от ботинок, порванная лямка от рюкзака и длинные ноги в носках (вероятно, принадлежащие владельцу летающих кроссовок).

Я присмотрелся, из-за чего сыр-бор. А, вот оно что. На полке стопочками стояли контейнеры с готовой едой. Каждый лоточек был украшен ярким ценником: «-50 %». Воистину, на что только люди не идут во имя дешевой еды... Я аккуратно обошел клубок, взял себе три контейнера с чем-то мясным и слился в сторону кассы. Кто ж знал, что после десяти вечера в магазин вообще лучше не заглядывать?

На ночной улице было тихо. Из-за каждого угла торчала стильная сакура, распространяя слащавый концентрированный запах. Днем, кажется, она выглядела как-то пристойнее.

Офисные небоскребы скрылись в ночи, напоминая о себе только красными сигнальными огнями. Точно, это чтобы вертолеты спецслужб за них не цеплялись по темноте. Солнце закатилось еще в шесть вечера. Пакет с дешевой едой приятно оттягивал руку, а скидки радовали душу. Может, и не так уж плохо ходить в магазин по вечерам? Семья, конечно, высылает мне достаточно денег, но даже пригород Токио весьма недешев... Да и вечно грабить автомат с рисовыми колобками мало удовольствия. Наконец-то стало прохладно, и мозг перестал закипать как чайник при каждой попытке напрячь его. Что поделать, я вырос в тайге. Можно было бы еще днем развернуть ауру, гарантированно стало бы прохладнее. Но я был постоянно окружен живыми людьми, которые такой маневр могли бы не пережить. От этой шикарной идеи пришлось отказаться.

Первый день. Уроки в Старшей школе йокаев Сайтама. Предпоследний класс. Социология, биология, органическая химия, математика, современная литература. Ничего удивительного, если не считать количество позвонков в лисьих хвостах. Разговор с президентом школьного совета, который может проваливаться под землю, и его милой

сестрицей, которая из этой земли умеет вырастить. А еще кидается здоровыми хулиганами, особо их не трогая в прямом смысле этого слова, и прыгает с третьего этажа, растекаясь по воздуху.

Обед. Чертов суп с водорослями, чтоб икалось тому, кто его придумал.

Новые знакомства. Книжный волк. А ведь инугами — знатные воины. Этот, кажется, не получился. Девочка-великанша, козыряющая в разговорах КиГиБи и медведями. Крыса-ботаник. Вежливые пацифисты вокруг, старательно не смотрящие на мои серые волосы и не спешащие представляться в ответ. Преподаватели, которых обо мне уже предупредили. Интересно, что им рассказали? И кто?

Мелькнула чья-то тень.

Я точно был уверен, что рядом со мной пробежал кто-то очень легкий и быстрый. Я не успел осознать происходящее. Дорожная брусчатка чуть качнулась под ногами, и мою грудную клетку зашатало диким рёвом.

Всё-таки стоило сегодня обойтись колобками.

— От теста ушел, от выбора клуба ушел, а теперь попал, — задумчиво хмыкнул я, рассматривая стремного вида тушу, что перегородила мне дорогу. Нечто повернуло голову в мою сторону и заревело еще раз. В свете фонарей я разглядел эту массу плоти, покрытую толстым панцирем ауры, и волей-неволей вспомнил инструктаж по технике безопасности, который мне с подачи семьи вкатили еще перед отъездом. Кажется, сесть за книжку о скоростном чтении вечером не получится.

Главное правило при встрече с аякаси — игнорировать, не обращать внимания, не дать понять, что ты его видишь.

Ну, уже не зря приехал. Это как Эйфелева башня в Париже. Как Сфинкс в Гизе. Как Стена Плача в Иерусалиме. Стоит увидеть. Нигде, кстати, из перечисленных мест еще не был, слишком жарко. Аякаси — в каком-то смысле тоже достопримечательность, уже японская. Если йокай хотя и потусторонен, но совершенно разумен, то аякаси просто туп, агрессивен и мощен. Я особо не сумел выяснить, что оно такое и почему появляется. В общих источниках информации особо не разгуляешься, да и упор в подготовке репетитором был на другое. Одно точно: внимание привлекает мама не горюй. Да и кто же знал, что я встречу эту тварь в первый же день приезда в Японию?

Не смотреть. Не смотреть. Не смотреть. Я отвел глаза.

Сработало, но в другом смысле. Мое внимание привлекла фигура в черном, стоящая на фонарном столбе. Шаг вперед, чем-то показавшийся знакомым. Импульс энергии, будто выброшенной с единственной целью. Злобный дух открывает рот, но не издает ни звука. Его аура идет страшными огромными волнами и распадается, как будто неудачно встряхнули старое лоскутное одеяло.

И пустота.

На месте, где торчал аякаси — ни единого следа пребывания чего-то столь массивного.

На близлежащих домах — ни кусочка поврежденной штукатурки на стенах. И стекла целые.

И фонари горят, как ни в чем не бывало.

И фигуры в черном ни следа.

Шуршит в руке пакет с дешевой едой. Но скидка на нее уже не так греет душу, как шелковые волны родовой памяти, текущие из самого сердца.

Мой отец в свое время убил Чудо-Юдо, подозрительно похожее на этого аякаси. Байки о

подобном до сих пор циркулируют в моей семье в качестве страшилок. Тогда кто этот таинственный незнакомец, что может то же самое?

Глава 3

Я вернулся, ознакомился с надписями на купленных коробочках и горестно вздохнул. Привык, называется к комфорту дома. Скатерть-самобранка, сестры, мама, бабушка, тети — и вот, пожалуйста, нулевой навык самостоятельного приготовления пищи. Не то чтобы приходилось умирать без еды, но жизнь будет тоскливой и безнадежной.

— Сложные времена требуют адекватных решений.

Я внимательно посмотрел на экран смартфона. Дома на два часа меньше, еще не ночь, годится...

— Да, бабушка, привет. Да, нормально. Нет, не кушал. Тут такая проблема... расскажешь, как приготовить... алло? Алло?

Как там говорят люди? Хана котенку. Неловко вышло. Деда жалко, но ничего, бессмертный, не помрет. Так, что там в инструкции... залейте лапшу кипятком.

* * *

— Старый пень!

Марья Моревна гоняла по дворцу благоверного артефактной сковородой. Благоверный привычно уклонялся и сливался со стенами. Сковорода шипела, показывая, что Марья не в духе. Ошибки бабуля признавать не любила.

— Отправил на чужбину! Родного внука! Изверг! К черту гадания! И репетитор этот по японскому: «да пусть посмоооотрит! Подросткам важно путешееееествовать! Меееее!»

— Да что ему будет? — донеслось из-за двустворчатого шкафа.

— Там жара жуткая, как представлю — будто в баню ходила! Отощает! Оголодает!

— Да не помрет же!

— В спартанцы записался, чертов хрыч?! И эти голодные пытки специально задумал?!

— Женщина, не извращай. Пусть парень хоть чему научится без недреманного ока.

— Сказал мужик, прячущийся за шкафом. Так это моё око, значит, недреманное? Это ещё и я во всём виновата? А ну-ка вылез и скажи мне это в лицо!

* * *

Информация не стыковалась. Ауру аякаси разможили одним ударом. Кажись, батя с Чудом-Юдом больше возился. Может, здесь это норма? Каждый день вылезает вот такая херня, вопит как резаная, по ее тушку приходит фигура в черном, быстро навешивает люлей и как ни в чем не бывало уходит в закат под звуки взрыва. Работа у этой фигуры такая. Подумаешь, блудный злой дух. Не медведь же с бодуна и не лшак с позапрошлого Бельтайна, нажравшийся неведомого зелья. Проходная такая повседневная штука.

Ужин закончился не так стремительно, как обед. Вот что мясо животворящее делает. Лапша порадовала, потом надо ещё такой взять, главное — на собу не напороться. У японцев гречка не в почете, вероятно, из-за выраженной благородной горечи во вкусе. Здесь яркость не любят, предпочитая оттенки, напоминания, полунамеки.

Если соба — это полунамек на гречку, в виду я имел такой подход.

Этим утром я был умнее и запасся рисовыми колобками заранее и в избытке. Несколькими позавтракал, остатки распихал по сумке, чтобы достать пару штук в том числе на обед. Я уже почти любил того, кто догадался класть в рисовые колобки мясо. Как я понял, не все готовящие в этой стране настолько умны.

— Константин-кун!

Голос принадлежал Ичике, и я обрадовался, подозревая, что разговор с живым существом поможет привести вчерашние мысли в порядок.

— Доброе утро, Ичика-тян!

Та подошла к вопросу с профессиональной точки зрения.

— Как в нашей школе, не слишком много нагрузок для первого дня?

— Ну, читаю до сих пор из рук вон, разговариваю куда лучше. Одноклассник поделился книгой по скоростному чтению, — я выразительно потряс сумкой, — с этой проблемой надеюсь разобраться в ближайшем будущем. Кроме чтения, ещё бы поскорее привыкнуть к еде. В России готовят по-другому.

О себе, наверное, лучше умолчать. Я не слишком умно поступил, проигнорировав заблаговременное знакомство с национальной кухней.

— А с клубом уже определился? — вспомнила Ичика вчерашний инструктаж.

— Ещё не все посмотрел, — пришлось снова отвечать уклончиво. — Одноклассники обещали помочь и предложить нечто загадочное. Сказали, понравится. Точно не знаю, чтобы это могло бы быть, но их выбору на первое время доверяю.

— С едой, говоришь, проблема? — ехидно улыбнулась Ичика одними глазами. — Знаю, куда тебя сегодня поведут, но сюрприз портить, конечно, не буду.

Мы дошли до школьных ворот, и по-прежнему нас встретили кованые змеи (или всё-таки коряги — так и не разобрался). По-весеннему теплый порыв ветра разметал пышный куст неподалеку. Тот зашуршал и чуть накренился. Ичика резким движением повернула голову, прическа растрепалась, а подбородок выдвинулся вперед, заставив напрячься тонкую шею.

Я был уверен в том, что увидел. То движение, с которым девушка обратила внимание на шорох, было быстрым и как будто смазанным, неподвластным стороннему наблюдению. Я лихорадочно вспоминал, пока не дошло.

Вчерашняя фигура в черном, с одного удара расплескавшая ауру аякаси, двигалась так же. Или я наблюдал работу кого-то из семейства Кицуки, или, что казалось более вероятным, вчера вечером пробежки на ночь совершала Ичика. Я вспомнил ощущения присутствия пронесшегося рядом ниндзя, убравшего с дороги ревущего монстра. Рост, приблизительный вес, пластика и характерная скорость движения. Мой глазомер не сбоил.

Так что, эта девица подрабатывает ночным дозорным? На полставки, потому что ещё несовершеннолетняя? Ходит такая по ночам с колотушкой: «Спите, жители Багдада, в городе всё спокойно!» Да хрен там плавал. Одна заколка, которая декорации ради зацеплена в девичьей прическе, стояла... не скажу в йенах, но нормально стояла, там не стекляшка и не поделочный камень. Кицуки-старший оборванцем тоже не выглядел, вспомнить только нашу первую встречу. Я по сравнению с ним смотрелся как британский бездомный, хотя костюмы носить люблю и умею. Клан при деньгах, и раз уж Ичика позволила себе заколку с дорогой каменюкой, а не довольствуется спартанской шпилькой, то с карманными деньгами тоже не ржавеет. Она не вынуждена подрабатывать кем бы то ни было.

Я мысленно закрыл лицо рукой. Как же мало я об этом знаю. Может, здесь каждый йокай в состоянии двигаться со скоростью звука, только я один медленный. В этом случае Ичика тоже лохушка, иначе я бы ничего и не заметил, ведь остальные как-то скрываются?

Предположение выглядело как попытка натянуть сову на глобус. Я искал любую причину, по которой вчерашний ниндзя в черном был бы кем угодно, но не Кицуки Ичикой. Сова не натягивалась.

Если у рядовой старшеклассницы (ну ладно, не такой уж рядовой!) достаёт сил бегать по ночам после школы, клубов и домашних дел, прыгать по фонарным столбам и кошмарить аякаси, то остаются ровно три вопроса.

Куда я, нахрен, попал?

Кто они, нахрен, все такие?

Это ж как, нахрен, будет выглядеть моя суженая, если мне ничего не мерещится и они тут реально все такие?

— Константин-кун, ты в школе уже ориентируешься, провожать не требуется? — мое замешательство, к счастью, прошло мимо Ичики, продолжавшей по поручению старшего брата изображать заботу для новенького. Единственного в школе, кого ещё удивляет способность кидаться взрослыми бугаями... и, пожалуй, аякаси.

— Большое спасибо за помощь, Ичика-тян, — протянул я, изображая, что раскис от жары. — Вчера всё более-менее выучил.

Мы раскланялись, и я пошел измерять шагами лестницу на положенный третий этаж. Урок астрономии сам себя не посетит, как и все прочие.

Тамагояки, он же японский омлет, подкрался незаметно и догнал меня на уроке домоводства, точнее, уроках, которых было два подряд. Вела занятия, между прочим, лично госпожа комендант общежития, на вид дзасики-вараси-сэнсэй. И если я правильно опознал вид, то лучше ей не перечить, вообще и никогда. На своей территории японский домовой способен скрутить в бараний рог даже ками.

Данная мне в пару большегрудая лоля мило краснела при каждой попытке завязать разговор и опускала глазищи, обмахиваясь пушистыми ресницами. Несложно было догадаться, что ее навыки готовки мало отличаются от моих, а есть она предпочитает сырое мясо, желательно человеческое. Шутка сомнительная, но а вдруг? Времена, впрочем, нынче такие, что и людоеды-сыроеды с немалым удивлением для себя превращаются в хипстеров-веганов.

Может, для кого-то все и выглядело просто: полтора ингредиента и одна квадратная сковородка. Итак, начнем, рецепт я записал на листочке и следил за каждым движением преподавателя. Лоля старалась не мешаться и обмахивала ресницами заодно и меня. Было и в самом деле жарковато.

«Возьмите яйца куриные, пять штук». Пересчитал. Ага, вот пять штук.

«Соевый соус с низким содержанием натрия, одна столовая ложка». Отмерил, отлично.

«Рисовый уксус, одна столовая ложка». Есть, отлично. Может, не так уж я безнадежен, как привык думать.

«Сахар, две чайные ложки». Зачем во второе блюдо сахар? Ладно.

«Растительное масло». Вот, полбутылки.

«Соль, одна щепотка». Ну да, этот соус же почти несоленый.

Всё, продукты подготовили. Дальше что?

«В чашку нужно разбить куриные яйца. Добавляем соль и сахар». Шлёп!

Ладно, будет четыре яйца...

В чашку они помещаться отказались, даже несмотря на уменьшение количества. Вероятно, имелась в виду миска. Заменял. В миске четыре яйца, соль и сахар.

«Взбиваем с помощью венчика».

Что из этого венчик?

— Сэнсэй, как выглядит венчик?

Весь класс получил краткую инструкцию, что такое венчик, какой формы его клепают на фабрике и как им пользоваться. Стараясь удержать в голове эту, без сомнения, нужнейшую информацию, я чуть не выронил из рук миску, но вовремя спохватился.

«Добавляем рисовый уксус и соевый соус. Хорошо взбиваем».

Добавил. Куда уж лучше? Конструкция и так скоро в пену превратится.

«Процеживаем яичную массу через мелкое сито в чашку. Получается однородная смесь».

А эта чашка, которая в рецепте — это чашка или, как в прошлый раз, все-таки миска? Ладно, была не была. Кстати, что такое сито и почему непременно мелкое?

Мы стали счастливым обладателем познаний в ситах, а также степенях мелкости. Разумеется, пока справлялся с задачей, снова чуть не выронил миску. Сколько нужно рук, чтобы готовить? У меня явная нехватка.

«Горячую сковороду макиякинабэ смазываем растительным маслом».

У сковороды свое имя. Бабуля оценила бы, она с трепетом относится к кухонному инвентарю, особенно к тому, на котором жарят.

Как сделать сковороду горячей? Наверное, поставить на огонь. И какое-то время подержать. Столько хватит? Я проверил пальцем, насколько нагрелась сковорода. Хорошо, что окружающие не говорят на русском, хотя Изаму и пытается не ржать.

Так, теперь смазать. «Нанесите на сковороду тонкий слой масла. Чтобы достичь этого, поверхность сковороды протирается бумажным полотенцем или куском ткани, смазанным маслом. Иногда для этого употребляется хлопковый абсорбент (к примеру, ватный диск)». Бумажное полотенце подойдет, наверное. Смазано.

«Вылейте на сковороду тонкий слой смеси».

Тонкий — это как? Ладно, вылью половину.

«Закрученные омлеты делаются следующим образом: готовится тонкий прямоугольный омлет, который затем сворачивается палочками для еды в цилиндрическую форму либо в форму вытянутого куба. Чтобы ролл был одного диаметра по всей длине, исходный омлет должен быть прямоугольным».

В смысле палочками?!

Кажись, пока я пытался свернуть свое комковатое произведение искусства, всё стorerело к хренам. По цвету, по крайней мере, выглядело примерно так. В попытке не сильно ругаться я взмахнул рукой и зацепил миску с половиной яичной смеси. Вместо того чтобы цивилизованно упасть на пол и расплескать содержимое, миска подпрыгнула прямо на сковороду. Залило сразу и огонь, и обе палочки, и плиту, и до кучи меня самого.

Приготовление еды — это сложно, понятненько?

Впервые в жизни я пожалел, что не курю. И на всякий случай, выключив плиту, отошел от греха подальше. Одежду еще можно было отчистить.

Весь обед я приходил в себя и выглядел настолько жалко, что меня даже не подкалывали.

Развлекается и отдыхает раз в полгода, покупая новую шпильку.

Я с тоской подумал, что так скоро привыкну. Так и буду звонить домой: да, бабуль, хорошо, поел, что нового — да тут опять местное чудо-юдо по улицам ходит, да ничего, тут такое каждый вечер, но их быстро кто-то шинкует на щи, я даже не разглядел ни одного, доброй ночи и привет семье.

Разобравшись с потребностями организма и закинув в стирку всё, до чего дотянулся, я устроился поудобнее, достал «Скоростное чтение» и слегка оторопел. Книга была на японском, но создавала впечатление дежавю. Ладно, на первое время линейка — лучший друг.

Примерно через полчаса я понял механику чтения японских иероглифов всех азбук, а через час открыл учебник по специальной социологии и стал тренироваться на нем за неимением кошек. К полуночи я благословлял репетитора, который вкачал в мой мозг тысячи японских слов, и сносно читал уже без помощи линейки. К часу ночи книга закончилась, а я выдохся и, благословляя прошедший день, выключился мордой в подушку.

— ЫЫЫЫ! ЯйцыЫЫЫ!

На меня надвигался изуродованный омлет, держа транспарант. На плакате кто-то нарисовал кандзи «ребенок». Омлет смахивал на зомби.

— ЫЫЫЫЫ! Маааасло!

За ним шла сковородка без ручки. Ее транспарант был украшен кандзи «сила».

— ЫЫЫЫЫЫЫ! Венчиииик!

А вот и ручка от сковородки. Предсказуемо, на плакате присутствовал кандзи «ручка».

— ЫЫЫЫЫ!

Пучок зеленого лука, армия бумажных полотенец, стол с плитой, разлитая омлетная масса и яичная скорлупка — все от меня чего-то хотели, все ползли в моем направлении и тянули ко мне транспаранты.

В зомби нет для нашего рода ничего удивительного. Растения-монстры-зомби — уже необычнее, но и такое бывает. Одержимым предметам домашнего обихода посвящена отдельная секция библиотеки.

Я привычно потянулся к окружающей мане, и тут что-то пошло не так. Мир не поддавался моей воле. Пока я находился в удивленном недоумении, волна монстров подступила совсем близко, после чего погребла меня в своей массе всего, что имело отношение к готовке и чтению.

Я же сейчас сдохну... сожранный циничным японским кабачком. И вот тут мне стало страшно.

Я заорал и все-таки проснулся.

Что ж, до будильника сорок пять минут, а заснуть с таким фоном точно не получится. Сегодня буду промаринрован ещё лучше, чем обычно: жара плюс недосып вместе куда эффективнее, чем по отдельности.

В голове со вчерашнего дня трепыхалась какая-то мысль, на которую меня натолкнуло увиденное при просмотре клубов. Руновязи. Познаниями в рунических футарках я владел на достойном уровне. Если связать символы в нужном порядке, можно увидеть эффект на окружающей действительности. Осталось понять, что и как лучше нарисовать, а главное — зачем. Использовать руны, чтобы компенсировать недосып — это глушить тараканов ядерной бомбой. Усатые падлы все равно выживут. Соберись, Константин Кошечевич. Мертвые не знают усталости.

Утренние занятия порадовали: человеческая психология (одна штука) и йокайская психология (две штуки) подряд. Из них я вынес главное: во-первых, пора читать учебники. Во-вторых, подготовка к будущей жизни здесь суровая. Нужно не только знать особенности психики, которая должна оставаться устойчивой при переходе от дел семейных к делам общественным, но также и представлять, чего ожидать от людей, моральная устойчивость которых тоже далека от идеальной. Особенно учитывая, сколько стоит час работы специалиста по психотерапии. Они здесь получают как очень дорогие продажные женщины, даром что поголовно мужчины. Эх, до чего же у нас проще: пришел домой, с близкими поговорил, с другом стопку-другую хлопнул, в баню сходил — и вот уже сидишь довольный после парилки, и никаких терзаний. Места до чертиков, душе есть где развернуться. А здесь всё понатыкано как иглы в ежике, дома сплошными линиями, небоскребы гнездами по всему городу, скверик найти и то редкость, на работе задержаться милое дело, и никакой тебе бани по первому желанию, крутись в добыче своего кусочка хлеба, а отдохнешь, когда сакура зацветет и можно будет легитимно сидеть под деревом и делать вид, что любишься. Фух. Неудивительно, что все, кто такой подход не разделяет, носят гордое звание «гайдзин».

Я сидел и был по уши в мыслях о бренности сущего, разглядывая скудный обед (кусочек макрели, рис, вездесущий салат и очередной загадочный суп). Впрочем, передо мной выросла Ичика, и я понял, что грустить придется вечером, потому что для меня нашлось какое-то дело.

— Константин-кун, я знаю, что ты очень быстро ешь.

Я начал оперативно заглатывать суп, чтобы услышать дальнейшую мысль. С колобками справлюсь позже, они из сумки пока не сбегают.

— Не хочешь заглянуть в клуб кэндо? У нас сегодня по плану серия коротких спаррингов. Поспорим, ты такого никогда не видел?

Я кивнул.

Ичика была права, такого я не видел. Кэндо не было для меня принципиально новым искусством, я имел представление и о механике боя, и об истории, и о философии. Синай чем-то смахивал на косточку, а одоспешенный воин — на типичного самурая с картинок.

Но здешнее кэндо... На спарринге противники настолько концентрировались, что с них порой слетала визуальная маскировка. Лица удлинялись, призрачные хвосты бодро торчали из-под хакама, когти грозили пропороть перчатки котэ. Многие обращались с двумя синаями так, будто в запасе имели еще несколько пар рук. Молниеносные движения, запах пота и

дробленого бамбука. И вертикальные зрачки, посверкивающие из-под защитных сеток.

— Константин-кун, а ты владеешь фехтованием? — невысокий парень снял шлем и оказался Казухиро Куродой, одним из моих одноклассников, торчавшим за задней партой и особо при мне не блиставшим ничем, кроме бледной наружности. Держа шлем под мышкой, он выжидательно и немного задиристо, что ли, смотрел на мою реакцию.

И понесло же меня сюда.

— Да, я владею, Курода-кун. Ты хочешь посмотреть?

— Я бы встал с тобой в спарринг, но для начала тебя бы одеть.

Я согласился, и мне помогли облачиться в тренировочное.

На мой рост достали самый крупный костюм, который повис на мне как на вешалке. Хакама отчетливо поддернулись над щиколотками, а перчатки были неприлично коротки. Ну да ладно. Я оценивал противника. Казухиро выглядит достаточно вертким и опытным кэндоком. Форма на нем как влитая (с детства они ее учатся носить, что ли?). Скорее всего, сшита на заказ. Он уверен в себе, спокоен, в руке один синай. Вряд ли он силен, скорее вынослив и быстр.

Мы встали на площадке. Я выдохнул и, вспоминая философию боевых искусств, начал с главного.

Кэндо начинается «рей» и заканчивается «рей».

Поклон, основа любой тренировки и любого спарринга.

«Рей», первый шаг. Я поклонился противнику, он — мне.

Потом «рей» — это этикет. Практикуя кэндо, каждый должен наизусть знать свод неукоснительно соблюдаемых правил и обычаев.

А главное, «рей» — это благодарность и проявление уважения к тому, с кем ты скрещиваешь клинок. А также к оружию и владению собой как с твоей стороны, так и со стороны противника.

На самом деле всё как у нас.

Казухиро был хорошим партнером для спарринга. Четкость ударов, правильность парирования, гладкие и ровные шаги. Тело расслаблено только там, где это нужно, и движения не напряжены. Дыхание ровное, аура спокойная. Немного азарта разве что.

И я был неплох. Противник не ожидал от меня легких движений и ловкости. Удары разрешенные, без финтов, хорошо отработанные. Парирования и блоки ровно той частью синая, которой это разрешено. Моя европейская стойка оказалась не такой уж неудачной, и скоро оба обменивались ударами, как будто стояли в парной тренировке не впервые.

И мы, как мне казалось, спокойно сражались на равных, пока Казухиро не стал отчетливо быстрее.

Я был уверен в том, что с моей стороны не изменилось ничего. Дыхание не сбилось. Оружие не потяжелело. Хакама не стали менее удобными, а перчатки не начали давить. Но он двигался быстрее, чем раньше, и продолжал ускоряться, осыпая меня градом ударов, которые мне было всё труднее парировать. Я успевал — до определенного момента.

Синай был направлен кончиком в мое горло. Я помнил, что колющие удары кэнсэном разрешены только в шею, причем исключительно когда она закрыта защитой от шлема. Мой противник формально был прав, а я формально проиграл. Поэтому я опустил синай и отошел на изначальную позицию, чтобы поклониться и выйти из спарринга.

Все участники клуба сидели на периферии площадки и беззастенчиво пырились на нас вместо того, чтобы заниматься своими делами. Наверное, со стороны мы выглядели

интереснее, чем это казалось из боя.

Я закончил раздеваться, еще раз поклонился и вышел из додзё. Сложно сказать, был я доволен или нет, но в клуб кэндо меня точно не тянуло. А вот за едой — пожалуйста.

Спустя еще пару уроков я и моя сумка, набитая библиотечными книгами из списка и полная оберток от рисовых колобков («онигири», подсказал Изаму), стояли перед школой и ожидали обещанный сюрприз («в четверг после занятий, и ни часом раньше!»).

Томоко и Изаму, хихикая, явно наслаждались, сопровождая меня на просмотр клуба («того самого клуба, между прочим!»), в котором я, по уверениям, останусь навеки и буду умолять, чтобы меня там похоронили прямо под столом. Мы переступили порог. Я отчетливо захотел умереть сию секунду, чтобы обещанные похороны не задерживались.

— Добро пожаловать в самый востребованный клуб в школе! К нам так редко заходят студенты, приехавшие по обмену! — девица, явно главная здесь, расплылась в кавайнейшей улыбке, и ее примеру последовала большая часть присутствующих. — Сегодня как раз много новеньких, и мы проверяем, кто на что способен, готовя овощные блюда! Я Нагаки-тян, обращайся в случае любых затруднений!

Клуб домоводства. То есть уборка, мелкое шитье и рукоделие, немного фэншуй и создания уюта, может, даже бисероплетение. Стирка. Снова уборка.

ГОТОВКА ЕДЫ.

Учитывая, что один человек готовит не одну порцию, а сколько получится.

Похороните меня прямо здесь под столом, а?

— Привет, я Кощеев Константин, всех очень рад видеть, и мне бы научиться домоводству.

— Привет, Кощеев-кун! — расцвели приветственные девичьи улыбки со всех сторон. С чего бы мне здесь были так рады, по мне же видно, что в готовке ноль?

Горсть овощных очистков все-таки свалилась со стола. Морковка модели «мечта хозяйки» вызывающе демонстрировала слишком зеленый срез, хотя точно была сорта «красная». Греть сковородку я не рискнул и складывал всё пока в холодную.

Через два стола от меня стояла пара девиц, которым явно рановато было подходить к готовке в силу возраста.

— Сотен-сан, кажется, кулинария — не наше.

Рядом с плитой лежали три раздавленные тыковки, осколки бутылки с уксусом, полпачки рассыпанной соли и ручка сковородки. Черная как нефть масса пузырилась и, кажется, была готова в скором времени протянуть ручки к создательницам.

— Ибараки-тян, зато смотри, мы сегодня такие не одни, — та, которую называли Сотен, ткнула подружку остреньким локтем под ребра и засмеялась, показывая на меня рукой.

Кажется, я должен был как-то ответить.

— Я-то ладно, я хоть мужик, но взрослый. А что в старшей школе забыли такие малышки?

На меня одновременно воззрились чуть ли не все воюющие с омлетом. Кажись, я пытался сказать «зачем в старшей школе на уроке домоводства детсадовцы», а получилось... что получилось. Обе лоли покатались со смеху, после чего напряженная атмосфера рассосалась. Не хватало мне еще клейма бака-хентай-педофила. Пусть уж лучше выглядит как попытка подката. К тому же, кажется, им нравится.

Как я потом узнал, эти воспитанницы детсада в самом деле были учащимися старшей

школы. Ибараки Додзи — класс 1–3, Сотен Додзи с моего потока, но из соседнего класса. Обе приняли решение записаться в клуб домоводства, потому что Сотен удавалось готовить под видом еды исключительно сплошную отраву. Для куратора она была чем-то вроде личного челленджа — или врага, которого надо сокрушить и перевоспитать, не обязательно в таком порядке. Ибараки же в качестве верной последовательницы всюду ходила за Сотен хвостиком. А выглядели они как ловушка для педофила, потому что представляли собой редкую разновидность демонов они, возникших в современное время под влиянием верований людей (если быть совсем уж точным — японского двача). Азиаты те еще извращенцы.

— Ай, — я поморщился от боли и недоверчиво уставился на кухонную доску.

Кулинария сегодня шла не по плану, как, впрочем, и всегда. Мастер-некромант в тридцатом поколении, повелитель мертвых, призыватель душ, специалист по руновязи и внук самого Кощея порезался обычным кухонным ножом. Ладно, острым кухонным ножом. То есть умудрился повредиться о батат, презренную сладкую картофелину.

— Что случилось? — простодушная и вездесущая Ибараки повернулась на звук.

— Порезался, — я продемонстрировал сочащийся кровью палец.

— Бывает, я постоянно так делаю, — она развернула ко мне ладонь в пластырях.

Я внимательно взглянул на нее. Кожа хрустального цвета, рука широкая, на голове два пучка. Ага.

— А разве у они не повышенная регенерация и не дубовая непробиваемая кожа?

— Так это в естественной форме, а не человеческой... — отмахнулась она. — Что там надо сделать... Сотен говорила... ага!

И прежде чем я успел отреагировать, она засунула мой палец себе в рот.

— Ибараки-тян! — прямо вспыхнула от смущения Нагаки, наблюдавшая за разговором. — Ты что делаешь?!

— Обефффразываю, — невнятно ответила она.

— Как непристойно, — донесся до меня тихий возбужденный шепот.

...Ибараки медленно облизнулась. В школе существовало негласное правило: нельзя спрашивать одноклассников о своем виде или истинной форме, если те не хотят ее показывать или говорить о ней. В конце концов, эта школа существовала как раз для получения опыта жизни с людьми, которые известны постоянным ношением масок.

Но этот парень и его кровь... это же был вкус человека. Более того, очень-очень лакомого человека. Ощущение железного вкуса людской плоти породило цепочку желаний. Долго смотреть на объект. Внимательно обнюхать его и исследовать. Облизать, быть может. Отрезать себе кусочек и наслаждаться.

Чем-то напоминало влюбленность так, как молодая она ее понимала.

— Костик-кун, ты так приятно пахнешь... я так хочу тебя...

— Э... — я опешил.

— Твое сердце будет моим...

— Мне, конечно, очень приятно...

— Сердце, кишки, кровь... печень... кости...

Я понял, что влип.

— Я так хочу проглотить тебя. Съесть целиком.

«Да ты лопнешь, деточка», — хотел возразить я, намекая на разницу габаритов. Со стороны картина выглядела не то комично, не то пошлово: миниатюрная лоли, встав на

цыпочки, отобрала у большого дядьки палец и сунула его в рот, не переставая при этом разговаривать и смотря снизу вверх с неясным подтекстом и возбужденным выражением лица.

Очень вовремя Нагаки-тян несколько раз хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание и собрать всех за огромным квадратным столом. Она выплюнула мой палец и сделала вид, что ничего не было. Овощеводы дружно начали размахивать тарелками, на которых лежали блюда разной степени удачности. Кто-то потушил овощи с пучком зелени, а получившуюся конструкцию положил на свежесваренный рис. Кто-то опалил мелко порезанные кусочки на большом огне, после чего забросил их в стеклянную лапшу и сказал, что так и было задумано. Остальные просто пожарили как умели, и чудесный запах свежей еды висел как туман над Лондоном.

— Все молодцы, у кого получилось! У кого не получилось — не расстраивайтесь, в следующий раз возьмите себе в пару опытного сэмпая! Помните, что жарка продуктов — это наисложнейший тип готовки! В будущем всё у всех будет просто отлично, и если сегодня не вы победили овощи, а они победили вас — будьте внимательны и усердны, и вам покорится что угодно! — даже скептический я немного проникся оптимизмом Нагаки и решил научиться хоть чему-нибудь.

— Давайте поедим!

— А я наелась, пока готовила, — картофель на сковороде Томоко выглядел как с картинки, ровно порезанный и идеально прожаренный.

— Я тоже, — начали жаловаться девочки с разных концов зала. Парни, давно поделившие свои кулинарные произведения, уже хищно подкрадывались к ним, заранее делая голодные глаза.

Лишнюю еду отправили на стол.

— Константин-кун, а сможешь с этим справиться?

Я слегка погряз в мыслях, уже минут десять выстраивая стратегические планы по захвату мира. Точнее, прикидывая семейный бюджет. Мне, конечно, высылали денег на карманные расходы. Еще утром я, не будучи транжирой, намеревался наведываться в уже известный магазин и пробавляться там лапшой и мясными тефтельками за полцены. Кажется, планы требовали серьезной корректировки.

— Я что, правда могу все это съесть? — неуверенно спросил я, любясь проблеском надежды, что в последний миг явилась перед погибающим от голода страдальцем (эх, как завернул, чуть сам себя не пожалел).

— Конечно. Мы же столько наготовили, здесь явно с избытком.

То есть если я вступлю в клуб, то у меня каждый день будет халявная еда? Еще и готовить научусь? Да нафиг эти боевые клубы. Спасибо, Изаму, ты был прав: вот он, идеальный вариант.

— Девочки, я вас люблю, — пробормотал я на родном языке. — Итадакимас.

Если бы я тогда знал, что мою непонятную фразу запомнят, напрягутся, но переведут, из-за чего возникнут заблуждения и странные ситуации... но будущее было сокрыто плотной завесой.

Придя домой, я убрал в холодильник пару порций еды, которые для меня бережно завернули «на ужин», взял себе в компанию линейку и ринулся покорять учебники, грозившие разодрать мою сумку одним своим весом. Через три часа, порядочно утомившись, я уже знал, при чем тут позвонки кицунэ (при правильном развитии позвоночника лиса с

большей вероятностью доживет до старости и уйдет на небо), зачем каппу нужно переселять из одной реки в другую (нашлась целая кипа статей про биоценоз) и почему недзуми становятся лучшими офисными работниками, если их вдруг заносит работать в какую-нибудь крупную корпорацию (разумеется, из-за умения подлизаться буквально к каждому начальнику на своем сложном жизненном пути). Яснее не стало, но информация не помешает хотя бы для тестирований.

Решив отдохнуть, я вернулся к утренним размышлениям о рунах. Двадцать минут я соображал, что именно связывать в конструкцию. Получилось, что нужно отвадить всяких магических и околomagических гопников появляться поблизости от места, где мне возжелалось погулять за дешевой едой. Подойдут райдо (путь), турисаз (шип), манназ (человек) и лагуз (вода), причем последних несколько штук и желателно перевернутых. Должно хватить, а если будет маловато — перевяжу.

Конструкция, набросанная простым карандашом на черновике, вышла приятно асимметричной и радовала глаз. Даже будучи намеченной символическими штрихами, она уже давала небольшой фон, вибрирующий где-то на подсознании. Работает. Осталось изготовить итоговую версию. Итак, руновязь должна быть написана на ровной поверхности, которая не будет деформироваться в процессе, при этом гладкость или рыхлость материала не имеет значения. Писать следует без использования железных инструментов, то есть железо вообще не должно касаться материала. Шариковая и гелевая ручки не годятся.

Я взял чистый блокнот, воззрился на новый белый лист бумаги. Впервые в жизни купил записную книжку дороже, чем привык: мне понравилось сочетание жесткой обложки и листков, размеченных точками, а не обычными клетками или линейками. Единственное — нельзя будет писать рядом другую вязь, придётся избавиться от первой. Но это несложно.

Бирюзового цвета маркер-текстовыделитель тоже был приобретен интуитивно. Я редко ими пользовался. Ну, настало время. Я бережно перенес руновязь на чистый лист, и блокнот легонько запульсировал в руках.

«Отлично, на первое время поможет». Осталось положить в сумку, и эта штука будет со мной, пока смерть не разлучит нас.

Я забросил сумку на плечо и с чистой совестью отправился на поиски скверика, вооружившись онлайн-картами. Вроде бы там рядом был еще и круглосуточный магазин. Зайцев лучше убивать пачками.

Когда я услышал знакомый рёв, я уже не удивился и просто продолжил дорогу. Наихудшее, что я мог сделать — привыкнуть. Кажется, на этой скользкой дорожке я уже не только стоял, но и весело по ней катился ко всем чертям. Как назло, мне было именно в ту сторону.

Черное кимоно было на месте... кхм, то есть на фонарном столбе. Ошметки ауры таяли в воздухе. Ладно, в этот раз я вовремя. В смысле хорошо опоздал, всё правильно сделал.

Неведомый ниндзя слился со столба и оказался внизу, где я заметил, что он не один. Или не одна. Размахивая рукавами над щуплой фигуркой, он помог кому-то встать, взял его на плечо и растаял на ночной улице. Мелькнул пушистый хвост с серыми поперечными полосками.

Кто-то пострадал?..

— Сон-Хо-семпай, я вызвал объект на спарринг в рамках занятия в клубе кэндо.

— И как оно? — Сон-Хо, ученик третьего года обучения, прибывший в Старшую школу Сайтама из Южной Кореи, поднял одну бровь.

— В технической стороне боя — не так плохо, как я ожидал. А потом я подключил ки, и он перестал за мной успевать за полминуты.

— То есть формально гайдзин ничего не стоит.

— Я не самый быстрый камаитачи, но даже меня он не сумел отследить.

— Так и запишем. Спасибо за работу.

Камаитачи не торопился уходить и неловко топтался на месте.

— Сон-Хо-семпай, простите за любопытство. Я знаю, что это не мое дело, однако чем этот гайдзин заинтересовал вашу персону?

— Это действительно не твое дело, но я уважаю чужое желание знать подробности. В мире многое предсказуемо и поддается просчету и планированию. Иногда в этом уравнении возникает неизвестная величина, в нашем случае русский гайдзин. Теперь он стал немного понятнее, а значит, однажды ему сделают предложение, от которого невозможно отказаться.

Нечто бежало по ночным крышам, еле касаясь их стопами. Кровля не звучала под быстрыми шагами.

Здесь, в этом квартале, совсем недавно повесилась девушка, ее тело найдут только утром. Точно известно, что стало причиной: семья постоянно давила на бедняжку, не желавшую общаться с противоположным полом. Мать с завидной регулярностью размазывала тушь по лицу, стеная, что у всех нормальные дети, только ее единственная дочь не получилась, и отбирала учебники по биохимии, так необходимые для подготовки к поступлению в медицинский. Бабушка хваталась за сердце и увещевала неразумную. Отец самоустранился от воспитания, делая вид, что дочери у него нет. Соседи качали головой. Весь мир смотрел осуждающе на ту, что не хотела жить как все.

Петля была сконструирована со знанием дела. Спасти ее не было шансов. Может, в следующей жизни она станет удачливее. Хотя была ли она, эта следующая жизнь?

Таинственный марафонец нашел нужный дом. Девичья душа стояла в комнате и со скептическим видом рассматривала висящее тело, будто оценивая, насколько удачно всё прошло.

— С прибытием. Молодец, у тебя всё получилось, как и было задумано.

— Да. А что будет дальше?

— Ты бы лучше спросила, что было раньше и почему не нашлось другого выхода. Ты столько лет мечтала стать врачом. Столько старалась, тратила море времени. У тебя был талант и золотые руки. Учеба сложилась бы лучше некуда, карьера пошла бы в гору, и дети эти будущие тебе не сдались, и за плитой ты стоять не должна была, чтобы ублажать мужа, которого вряд ли полюбила, от безысходности выйдя замуж за первого попавшегося. Могла бы спасти множество жизней, а вместо этого из-за чужого намерения загубила собственную.

Внутри души появился черный сгусток. От него поползла дымка и стала заполнять комнату, просачиваясь в каждую щель.

— И вот теперь молодая и талантливая женщина не найдет себе семью, даже если вдруг сама этого захочет, и учебник больше в руки не возьмет. И она стоит передо мной, разломанная фрустрацией, разрезанная изнутри на лоскуты и думающая: за что они так со мной, я ведь не сделала ничего плохого. Со мной так нельзя было.

Голос ночного гостя звучал с пониманием и резонировал с каждой струной в груди. Непрошенный посетитель продолжал говорить с душой. Боль поднималась изнутри и сжимала фантомное горло. Расплавленная злость клочкотала, и чем больше ее становилось, тем гуще была дымка, ползущая по щелям.

Аура взбесившегося духа формировалась стремительно, закручиваясь причудливыми спиралями. К ночи он загустеет и будет уже полноценным мононокэ.

Попавшая под автомобильное колесо собака. Юноша, который шагнул с моста на проезжающий поезд от неразделенной любви к айдолу, позабывшему ответить на его последнее письмо. Умерший от кровопотери инженер-технолог, надевший с утра новую форменную одежду — его руку затянуло за неудобный манжет в цепной транспортер прямо посередине ночной смены. Крыса, прожившая свой век в подвале овощной лавчонки и наевшаяся отравы, любезно рассыпанной хозяином магазина. Девочки, наглотававшиеся таблеток, и те, кто хотя и вышел из окна, но передумал прямо в полете. Ночного гостя

интересовали все, каждый не оставался обиженным. Один шаг, чтобы найти источник эманаций смерти, вечных вибраций обиды и несправедливости. Один шаг, чтобы с понимающим видом погладить по шерсти. Чтобы показать: ты умер зря, всё могло быть по-другому. Ты не виноват, конечно же. У тебя не было выбора. Всего шаг — нашептать в чувствительное ухо то, что начнет раздирать душу изнутри, что пустит густую дымку антрацитового цвета, что перевернет мир и сделает темным даже то, что всегда было белым.

На астрономии был интереснейший рассказ о черных дырах. Оказывается, пока я потрошил книги, умные ученые открыли вероятность существования черной дыры, которая не поглощает материю, а порождает ее. Класс активно обсуждал результаты открытия до самого конца занятия. Я и не думал, что йокаев может настолько интересоваться то, что напрямую не входит их жизнедеятельность.

Я немного поучаствовал в дискуссии, после чего притворился ветошью и, сидя в углу, раздумывал над результатом вечерней прогулки. Краем уха я зацепил тихий разговор с задней парты.

— Она так сильно повредила ногу вчера. Ей родители говорили: да утром в магазин заглянешь, ничего страшного. А она: да ладно, сейчас спать неохота, быстро прогуляюсь, я туда и обратно. Ее почти ночью принесли, врача сразу вызвали, тетя сейчас присматривает, чтобы всё было хорошо. А вечером тете на работу, и сидеть с сестрой придется уже мне.

Собеседница с сочувствием кивала.

— Я вот и думаю. Раны не очень серьезные, но ходить с неделю не сможет. Что лучше: обезболивающих прикупить, и пусть со школьными вопросами сама разбирается? Или уроки за нее поделать? Она вообще любит учиться, сейчас пропустит — потом сложно будет нагонять...

В голове лихорадочно забегали мысли. Говорящая не очень красива по человеческим меркам: полновата, личико круглое, носик картофелиной, ушки оттопыриваются. Но была в этой пышке миловидность, передние зубы с легкой щербинкой, плавность движений. Руки иногда потирает одна о другую. Когда изображает гримасу задумчивости, кожа на середине лица морщится, и губы вытягиваются вперед.

Потом я взглянул на флягу для воды, украшенную наклейкой маленького круглого заварочного чайничка, и уверился, что передо мной тануки. Всё сходится: у них большая семья, они не оставляют друг друга в беде, но и гиперопекой не страдают. Хозяйка полосатого хвоста вполне могла быть объектом девичьего разговора. Отвечая на мой вчерашний вопрос: да, кто-то пострадал, и это конкретное живое существо. И оно всего в «одном рукопожатии» от меня.

Остальные уроки были скучноваты: познаниями по математике и химии я владел в достаточном количестве. Обед ознаменовался явлением Изаму, упавшего за мой стол.

— Нет, этим решительно невозможно наесться, — волчара в мгновение ока расправился с порцией риса с печеной индейкой и закидывал в рот салат. — Жрать я начал в этом году как не в себя, расту, наверное. Пора озаботиться бенто.

Что такое бенто, я знал. Как его добывать — нет.

— Смотри. Бенто — это когда ты ухлестываешь сразу за целой стопкой девиц, обходителен с ними, вежлив и иногда сетуешь на скудный обед и на то, что сам готовишь примерно как выглядишь. А выглядеть нужно худым и голодным.

— То есть как мы с тобой.

— В точку, именно как мы с тобой. Тогда в твоей жизни появляется бенто, и это уже

совсем другая история. А если ты достаточно вежлив и обходителен, бенто сразу становится больше одного.

Я начинал понимать, как это работает. Однако знание теории мало подходило под практические навыки. Следовало найти достаточно отчаянную девицу, а потом понравиться ей настолько, чтобы она была готова спасти тебя, дурака, от голодной смерти. Эту проблему моя семья предпочитала решать похищениями... статья 126 УК РФ, от пяти до двенадцати, как сейчас помню. Впрочем, нас это редко останавливало. Пусть сначала догонят и докажут.

Меня подмывало спросить у Изаму, что за засилье аякаси в городе и кто занимается решением проблемы с огромными ревущими тушами. Что-то останавливало поток вопросов, поэтому мы ограничились постройкой планов по добыче бенто и ушли грызть гранит науки и воевать с ножами и сковородками. Уносить с собой еду из клуба мне понравилось, и девочки смотрели на меня уже с пиететом: наконец-то нашелся герой, которому не просто нравится их еда, а который еще и только этим и питается. Включить режим «я ловелас» параллельно с чисткой картофеля было сложно, но сегодня я порезался всего дважды, что, как мне кажется, квалифицировалось как удача. Ибаракки старательно игнорировала меня, но иногда принимала. Режим ловеласа в такие моменты выключался, я всерьез опасался за свою жизнь. Обнадеживало, что убить меня не так уж просто, но перспектива оказаться в ситуации «даже если вас съели, есть два выхода» — такое себе удовольствие.

Не было ничего удивительного в том, что вечером после учебы и принятия душа я отправился на приключения. Привычным жестом найдя в онлайн-картах еще один сквер («Маршрут построен!»), я забросил на плечо сумку с блокнотом и пошел в ночь. Судя по тому, какой рёв включился через пятнадцать минут прогулки, спать мне всё равно бы не светило: аякаси орали непрерывно и сегодня сообщали о своем присутствии сразу с нескольких сторон. Звук разбивания ауры я уже научился отличать от остальных. Он чем-то напоминал шлепок при игре в городки, когда бросальная бита встречается с целью.

На большом перекрестке сразу три туши, толкаясь, пытались подобраться к фигурке, в которой я опознал одну из клубных девушек, отлично купившуюся на мой режим ловеласа и обнадежившую меня по поводу будущих бенто. Я не был уверен, но мне казалось, что крутобедрая обладательница мурлыкающего голоса была из кошачьих. Сейчас, слившись со стеной, она напоминала загнанное животное, готовое в любой момент выпустить когти.

Бац, первый аякаси вернулся в небытие. Хорошо хоть орать перестал. Черное кимоно переместилось своим немислимым шагом на соседний фонарь и замахнулось на второго и третьего. Бакенэко получила свободу и, радостно дав рукой знак неведомому ниндзя, побежала куда-то по своим кошачьим делам.

Провожая ее взглядом, я увидел, как рядом с фонарным столбом из темноты конденсируется холмоподобная фигура. Она сгущалась, чернела, потом покрывалась аурой — и вот новый экземпляр.

Я вышел в свет фонаря и наудачу решил окликнуть бойца.

— Что, черна девица, тяжело тебе сегодня?

Разумеется, я не ошибся. Хотя ниндзя и была в маске, голос принадлежал Ичике.

— Кошечев-кун, ты что тут делаешь?! Здесь опасно!

— Вижу. Так, мимо проходил, решил посмотреть, что здесь. К тому же не могу я оставить в беде милую девушку, которая мне каждый день помогает.

— За меня особо не волнуйся, я справлюсь.

Свежий аякаси ушел по адресу, известному предыдущим.

Свет фонарей выхватил еще одну фигуру: по улице шел юноша, который явно не видел, что происходит. Я больше не нашел причин, по которым он мог переть напролом через перекресток. Прямо перед ним конденсировалось новое чудовище. Ичика замахнулась...

И ее отбросило ко мне. Рукав кимоно был почти оторван, на плече сочилась рана, по маске змеилась трещина. Аякаси, вытянув свою ложноножку, радовался удачному маневру. Я сочувственно смотрел на девушку сверху вниз.

— Ну что ты за йокай такой, людишек защищает?

— Шинигами.

Это было настолько предсказуемо, что даже не стало новостью.

— Ну, шинигами так шинигами.

Я вытянул руку и положил указательный палец на края раны. Та задымилась и начала затягиваться. Ичика подняла брови. Я решил не объяснять теорию о близости плана смерти и концепта японских шинигами. С детства меня учили: мы не единственные, кто обращается с тонкими материями. Если существо ближе к живому, и при этом его род отличался какой-то способностью к самоисцелению, то оно при должном знании об энергетических потоках может поделиться какой-то частью исцеления с другим живым созданием. То же справедливо и для существ с обратными свойствами. Не просто так в русской культуре существовала сказка о мертвой и живой воде. Если герой умер, это не значит, что его путь закончен. Иван-царевич убит, из его смертельной раны вытекла кровь. Однако с точки зрения истории он не убит, а находится между двумя мирами, Навью и Явью, а значит, может вернуться в Явь, вотчину людей, вурдалаком, не живым и не мертвым. Серый Волк смотрит на как-бы-не-мертвого Ивана и добывает две воды. Первая заживляет раны, а на деле превращает героя в полноценного мертвеца, выбивая его из пространства между мирами и отправляя в Навь. Вторая вынимает Ивана из Нави и возвращает в Явь, потому что не дело болтаться где попало. Запутанно звучит, но не сложнее, чем японская сказка о ками смерти.

Я всего лишь предположил, что шинигами, как и я, кстати, ближе к Нави. Если мы не совсем живые, то метафорическая мертвая вода, она же энергия Нави, в состоянии залечить физические повреждения, и этого должно быть достаточно. Если ею пользуюсь я, то как мертвое существо я при должном знании об энергетических потоках могу поделиться какой-то частью исцеления с другим мертвым созданием. Начинаю повторяться, но не совсем тот момент, в котором стоит идеально формулировать теорию.

Я кратко подмигнул шинигами, отнял указательный палец от ее плеча и оглянулся. Лоснящиеся от ауры туши аякаси конденсировались по всем сторонам перекрестка. Я выпрямился. Раньше сядем — раньше выйдем, да?

Как-то не думал, что здесь придется делать такие вещи. Подозревал, конечно, но старался не брать это во внимание. Вытянуть правую руку параллельно земле. Выпрямить пальцы. Мастерским пробуждением оружия традиционно считается безмолвная активация, но я не настолько самоуверен, чтобы понтоваться этим здесь и сейчас. Для упрощения контроля используется магический конструкт — заклинание из одного слова. Учителя убеждают, что если на фразу повесить условный рефлекс, управляться с оружием станет проще, а пафос можно приберечь для кинематографических сцен когда-нибудь в будущем.

— Карачун.

Из небытия в ладонь прыгнула длинная большеберцовая кость. Пальцы сомкнулись на ней как на рукояти. С двух сторон полыхнули мертвенного цвета духовные клинки. Удобнее

своей глефы оружия я не знал. Шинигами, вставшая рядом, оторвала рукав у своей формы и выглядела еще более стильно, чем раньше. Ее короткий посох вибрировал тем сильнее, чем ближе к нам была толпа живых ревуших гор.

— Ичика-тян, а как, говоришь, у вас их правильно убивать?

После восьмого монстра их поголовье заметно поредело. Не то место закончилось, не то точка респануа выдохлась. Я размахивал трехметровой глефой не без удовольствия, думая, что не только развлекаюсь, но и приношу пользу обществу. Из благостного боевого транс меня вывели два события.

Во-первых, вокруг одномоментно стало тихо.

Во-вторых, Ичика, схватив меня левой рукой за ремень, задвинула мое тощее тело за свою спину. Со стороны наверняка смотрелось забавно, но я верно полагал, что у шинигами есть серьезные причины так поступить.

К нам кто-то направлялся.

Она будто шла, не касаясь земли. Наверное, так и было. Хорошо подогнанная одежда, не скрывающая ладную фигуру. Белое лицо, подведенное синими чертами. Поперек шеи броский шрам, побелевший от возраста. Босые узкие стопы, шаг за шагом несущие духа ночи в нашу сторону. Длинные волосы, окутывавшие непрошеную гостью. И марево густой черной дымки, клубящееся причудливыми изгибами и будто живущее собственной жизнью.

Она не стала реветь, не начала увещевать и вообще, кажется, не планировала с нами разговаривать. Она просто подняла глаза, и я чуть не задохнулся, прибитый волной страшной обжигающей ненависти ко всему существу. Концентрация мести, жестокой нечеловеческой мести всему, что смеет двигаться, дышать, разговаривать и жить. Квинтэссенция злобы и отвращения.

Она вытянула руку и сжала пальцы. Фонарный столб сам выломался из асфальта и был отправлен в нашу сторону с молниеносной быстротой. Я провернул глефу, и куски армированного бетона разлетелись, не задев нас, но повредив стену одного из зданий.

Она повторила движение. Ограда тротуара, выполненная из стали, скомкалась в плотный металлический шарик. Ичика стукнула посохом по асфальту перед собой, и траектория движения куска железа изменилась. Монстр, по-прежнему не произнося ни единого слова, начал жестикулировать, и движения ее белых пальцев слились в какую-то неведомую магию. Пристрелка была окончена, и теперь против нас был весь вещный мир, подчинявшийся командам так и не представившейся ночной гостью.

Она успокоилась и ушла в небытие, только когда нас буквально завалило ошметками деревьев, асфальта, рекламных щитов и стекла из побитых витрин. Шел четвертый час утра. На горизонте светлело.

Я лежал в грудe мусора и особо не верил, что мы дожили до рассвета.

— Я самого главного не понял, — поделился я с Ичикой, пока не решаясь встать. — Если мы всю ночь с тобой бодро били аякаси, то вот это последнее — что за чудо-юдо?

— Константин-кун, бака ты гайдзин, — таким же тоном откликнулась Ичика из соседней кучи бетона. — Мы всю ночь убивали мононокэ. Эти воплотившиеся духи — сильные, злобные, но тупые. А последним, что к нам пришло, и было аякаси. Очень сильное, очень злобное и, увы, разумное создание, ненавидящее все живое. Конкретно с нами случилась онрё, дух мщения и проклятия. Живет только для того, чтобы уничтожать. Чем эффективнее уничтожает, тем лучше живет. Ты бы в наш храм заглянул на выходных. И, кстати, будь готов: у дисциплинарного комитета в моем лице есть вопросы.

Учитывая, в каком виде я заявился домой, можно было предположить, что просплю я до вечера. После чего, видимо, снова пойду за приключениями. Но организм решил за меня, и в полдень я открыл глаза. Жрать хотелось немилосердно. Больше я жаждал только постирать шмотки после ночной прогулки — или выкинуть то, что не поддастся стирке.

Судя по краткому инструктажу, который Ичика уже сбросила мне в мессенджер, идти мне было недалеко: Старшая школа Сайтама, равно как и общежитие, в одной из комнаток которого ютились мы с кактусом, располагалась на территории клана Кицуки. В том числе по этой причине молодое поколение шинигами не только училось здесь, но и занимало определенные должности в школьном и дисциплинарном совете. Легко было догадаться, что и родовое поместье шинигами, и их храм находились неподалеку. Удобно. Меня ожидали сегодня «в любое разумное время с предварительным подтверждением посещения». В переводе на человеческий что-то вроде «приходи как-нибудь днем и черкни за час до прибытия».

Минут тридцать я оставил в запасе, чтобы прогуляться по территории храма. Поэтому времени у меня было до чертиков. Как раз когда я стоял и оглядывал парковые дорожки, одна из которых вела именно туда, куда мне было нужно, на плечо села бабочка. По ее виду я сказал бы, что она сразу начала медитировать, не слезая с ручки моей сумки. Однако то, что я нахожусь на территории Японии, не значит, что здешние бабочки умнее или выдержаннее и потому познали дзен, еще будучи гусеницей.

— Здравствуйте, я Кощев Константин, по приглашению Кицуки Ичики-сан.

А если я не угадал, что мало ли кто что подумает, смотря, как белокожий гайдзин болтает с бабочкой.

Хотя скорее угадал. Я же в Японии.

Бабочка слетела с моего плеча, как только я нашел достаточно закрытую беседку, и в один неуловимый момент превратилась в мужчину среднего возраста и невыразительной внешности. Но его глаза... Лучистые, светлые, огромные для восточного жителя.

— Здравствуйте, вежливый гость Кощев-сан. Я Кейтаро, храмовый шикигами, хранитель места. В мои обязанности входит отслеживать порядок на вверенной территории. Будучи предупрежден о вашем сегодняшнем посещении, я подумал, что мне следует встретить вас. Наверняка я смогу ответить на какие-то возникшие вопросы, чтобы вы не испытывали неловкости перед высокородными шинигами.

Неловкость я начинал испытывать уже сейчас. Все, кто имеет отношение к семье Кицуки, так многословны и пафосны? Я собрал в кучку всю вежливость, бывшую сегодня в наличии.

— Спасибо за ваше участие, Кейтаро-сан. Я не так хорош в японском и буду счастлив, если вы снизойдете до уровня моих познаний.

— В общем, говорить попроще?

— В общем, да.

— Да не проблема, — Кейтаро улыбался чуть шире, чем это ожидалось при его статусе. — Так я могу чем-то помочь? Если нет, то хотя бы проведу экскурсию по храмовой территории.

Так, шикигами, божественная бабочка, охраняющая здешнее святое место и призванная

на службу кем-то из храмовых оммедзи, оказалась дзен-мужиком, спокойным и доброжелательным. А теперь еще и добровольно предлагает нормально и по-человечески ответить на какие-то (видимо, любые) вопросы, чтобы я не испытывал неловкости. Отличное знакомство, между прочим. Нужное.

— Кейтаро-сан, я бы хотел знать об устройстве местного общества. В учебниках, добытых в библиотеке, всё слишком официальное. А мне нужно...

— А вам нужно неформальное, я понял. Давайте присядем, и я вкратце всё сообщу.

Кейтаро был офигенным рассказчиком, и я не приукрашиваю. За какие-то двадцать минут он поведал ровно то, чего мне не хватало.

Я узнал, что на территории Японии живут люди и йокаи. После того как эксперимент Самого Мужичкого Мужика Верховного Оммедзи Киото увенчался ослепительным успехом, храмовники других городов последовали примеру тогдашней столицы, и приток йокаев не заставил себя ждать. Мелкие и крупные кланы выкупали землю под поместья, какие-то шли служить сёгунам и получали человеческое дворянство, какие-то просто находили себе работу. На протяжении последней пары веков уже никто из йокаев особо не задумывался, человек его сосед или такой же йокай, как он сам.

— Но людей никто не ставил в известность?

— Конечно, нет. Их психика может не пережить такого. Конечно, человечество в курсе, что окружено целым веером потусторонних сущностей. Но ведь одно дело верить в шикигами, а другое — узнать, что твой сосед шикигами и работает в храме Цукиёми, причем не уборщиком.

Мирное сосуществование людей и йокаев длилось долго. Наука, банковское дело, открытие магазинчиков и кафе национальной кухни кё-рёри, сфера обслуживания, легкая промышленность, производство умной техники и даже сборка автомобилей — йокаи применяли себя и свои навыки буквально везде. Жизнь в человеческом обществе принесла им спокойствие — если, конечно, именно оно и было нужно. Что до маскировки внутри общества — школа появилась совсем недавно, буквально лет двадцать назад. Раньше молодым демонам и зверьям приходилось обучаться дома, и это не всегда было удачным маневром. Заведение Сайтама основали как раз представители клана Кицуки, и территории предоставили они же. Многие кланы одобрили идею шинигами собрать в одном месте знающих преподавателей и интересующихся студентов, которые в будущем планировали поступать в университеты и заниматься квалифицированной работой, востребованной в человеческом обществе.

Что до моих ночных прогулок и того, что я там увидел... Токио — исполинский мегаполис, здесь проживает огромное количество народа. К сожалению, люди не всегда умирают «правильно», сразу уходя в загробный мир. Если они не получают правильное посмертие, их душа не может упокоиться. Так возникают мононокэ, движимые постоянной жаждой. Их привлекает чужая энергия: души людей, души йокаев, кто угодно, лишь бы повкуснее. Если мононокэ проживет достаточно долго — он может стать аякаси, а особо наевшийся аякаси способен превратиться в злого ками, по силе сопоставимого с богом. Такую тварь уже нельзя просто убить, зато можно запечатать. Поэтому Идзанами-сама, властительница подземного царства Ёми, создала отдельный клан шинигами, богов смерти, а точнее, посмертия. Шинигами служат ей верой и правдой, выполняя порученную миссию, и по-другому не могут: власть Идзанами-сама над йокаями абсолютна, богиня не для красного словца зовется Великой Матерью Сотни Демонов.

— Кейтаро-сан, а я правильно понимаю из вашей истории, что мононокэ и аякаси привлекает не каждый живущий? Например, чем сильнее йокай, тем больше у него энергии и, соответственно, тем больше шанс, что он привлечет к себе мононокэ?

— Да, Коцеев-сан, всё верно. Сейчас вам кажется: то, с чем вы столкнулись ночью, является прямым опровержением моих слов. Если вы чуть лучше разберетесь в деле, то поймете, что история — не опровержение, а как раз прямая иллюстрация.

Я поднял бровь. Кейтаро был осведомлен достойно.

— А что до аякаси... Увы, от появления демона такого уровня общество до сих пор не застраховано. Есть территории, где шинигами слабы и не могут патрулировать местность. Есть и мононокэ поумнее, они научились скрывать свое присутствие. Вероятность больше нуля. И тогда приходится мобилизовывать силы не только шинигами, но и вообще сильных кланов. Если аякаси станет чрезмерно мощен, то проблемы будут у всех.

Что-то запиликало. Шикигами откинул рукав кимоно и посмотрел на умные часы.

— Вас ожидают, пойдёмте.

Огромный сад рядом с беседкой состоял из пышной сакуры. Еще не наступила ночь, и запах цветущих деревьев был сдержанно-нежным, не взгрызающим в нос и мысли. Я невольно залюбовался розовыми облачками, которым осталось цвести всего ничего. Местные нравы: оценить скоротечность жизни, нестабильность ее существования и текущего статуса можно, если просто оглянуться вокруг и заметить то, чего не замечал раньше. Для обитателей Коцеева царства скоротечным было буквально всё: строения, вещи, продукты... и люди. Любой хомяк, чья задача, по сути, ограничивалась демонстрацией смерти для ребенка, по ощущениям покупался вчера и заканчивался завтра. С домашними растениями то же самое. Существование всего, что живо, было для нас совсем как цветы этих вишневых деревьев: появилось, побыло в Яви недолго, поцвело, подарило нежный запах, засыпало всё памятными розовыми чешуйками и ушло.

— Коцеев-сан, вам нравится сакура?

Вопрос явно был с подвохом.

— Да, мне нравится цветение, оно заставляет задуматься о смысле жизни.

— Я не о цветении, — вокруг глаз Кейтаро собрались веселые морщинки. — Я о сакуре.

— Дерево как дерево, — удивился я. — Как оно может нравиться или не нравиться? Оно ведь растёт здесь вне зависимости от моего желания. Будь я на своей земле, я бы мог спилить то, что мне не по душе, или посадить что-то приятное.

— Помните на всякий случай, что мы порой привязываемся к самым неожиданным вещам.

Пока мы в тишине осиливали дорогу, ведущую за храм, я не мог отделаться от мысли: куда он деваёт свои умные часы, когда становится бабочкой?

Мы пришли в додзё. Я привычно разулся, поклонился и зашел.

Меня ожидали оба Кицуки.

Ну, дисциплинарный комитет так дисциплинарный комитет.

Крошечные чашечки, из которых предлагалось пить зеленый чай, вмещали пару столовых ложек. Самая маленькая чашка, из которой я пил за последние лет десять, стояла у меня в комнате, и ее маркировка гласила: «350 ml». На один зуб здесь были не только порции на обед. Чай-то чем провинился?

Казуя, велеречивый как всегда, рассказывал мне о шинигами. «Раз уж Константин-кун помогает нам с мононокэ, следует хотя бы рассказать ему, по какому принципу мы

работаем, иначе нахождение с ним в одном строю может оказаться вредным или даже разрушительным». Я боялся, что меня опять начнет вырубать от его стиля изложения, однако в додзё было приятно прохладно, да и день в целом располагал к нормальной работе мозга. В процессе разговора я собрал еще несколько кусочков недостающей информации.

Мононокэ — не очень устойчивый конструкт, его по сути сдерживает только аура. Если повредить ее или как-то по-другому нарушить целостность, злобного духа распылит в пространстве, и обратно он не соберется. Поэтому для шинигами важно отлавливать мононокэ на ранних стадиях развития. От них быстро можно избавиться. Баланс сил не нарушается, лишних смертей не происходит, все упокаиваются по расписанию, никто никого не ест.

Шинигами получили от Идзанами способность кимэ, посыл повреждающих волн. Для простоты обращения с ними каждый шинигами завел себе некий аналог духовного клинка, которым владел я сам. Для призыва оружия используется магический конструкт в виде короткого заклинания в несколько слогов. Я мысленно продолжил: «в то время как мастерским пробуждением традиционно считается безмолвная активация». Кажется, или Идзанами-сама позаимствовала кое-что у Кощеев, или Кощеи обучились чему-то у Великой матери йокаев. За тенью времен уже и не разберешь. Помимо шинигами, также кимэ обучаются долгоживущие и энергетически сильные йокаи: воители-тэнгу, шикигами храма Хатимана, бога войны, и некоторые ками. (И еще одна пачка русских, торчащих в тайге, где ничью ауру повреждать не надо, сострил я. Шутка получилась так себе.) Также я узнал о способах накопления силы. Выходило, что кланы и ками, практикующие кимэ, могут пользоваться в том числе энергией, которую молящийся в храме отдает добровольно в процессе молитвы. Соответственно, на примере места, в котором мы находились, чем крупнее храм и чем больше в нем молящихся, тем сильнее на его территории шинигами и тем большую физическую площадь они способны покрывать. Сами себе на своей земле полиция, каратели, чистильщики и судьи.

Я поймал момент, когда Казуя сделал секундный перерыв на глоток чая.

— Кицуки-сан...

Он жестом замахал рукой, показывая, что формальности остались ночь назад, до того момента, как мне стало не плевать на раны его сестры.

— Казуя-кун, я знаю, о чем ты говоришь. В моей семье всех молодых кощеев и кощеек учат базовым упражнениям, помогающим управлять внешней энергией. Сейчас ее называют мана на западный манер. Я думал, на Востоке к этому какой-то другой подход.

— Да, ты прав, Константин-кун. Здесь, в Японии, традиционно изучают в первую очередь использование внутренней энергии, ки. У нас изначально разные подходы.

Я заинтересовался.

— А в чем сила внутренней ки?

Казуя рассказал. Я на секунду оторопел, вспоминая, как кэндока Казухиро раскатал меня в блинчик, показавшись очень быстрым. Не показавшись, а став. И не быстрым, а скоростным. Значит, в этом особенность его вида как йокая, наверняка какой-то мелкий хищник. И он такое провернул, не выходя из человеческой формы. Вот это ки. Нас не обучали подобному.

— Константин-кун, а тебя не затруднит показать, каким оружием ты пользуешься?

— Казуя-кун, ты хотел бы только посмотреть, или тебя интересует спарринг? — я уже вставал с татами, мне надоел чай и захотелось движения.

— Предпочту второе. Но сначала экскурсия по оружию.

Совсем недавно я это делал. Сейчас выдохнуть, очистить мысли. Правая рука вытянута параллельно земле, пальцы прямые.

— Карачун.

Большеберцовая кость, отполированная ладонями за годы тренировок. Бледно-зеленые клинки, выходящие с обеих сторон как продолжение рукояти. Мне нравится, хотя сестры называют такой цвет «трупным», их ножи и волшебные палочки совсем короткие и обычно сиреневые. А у меня двухлезвийная глефа, при моем росте оружие очень легкое и маневренное. Мне пытались сосватать косу жнеца смерти, типа мой дед такой пользовался, мой отец такой пользовался, и мне бы тоже неплохо, но я пару раз мрачно пошутил по этому поводу, и от меня отстали.

— Собственно, вот.

— Извини, а как ты его назвал?

Я повторил. Ичика полезла в смартфон, но поисковик отказался выдавать ей результаты. Вот и хорошо.

Казуя встал напротив меня. Ровно таким же жестом вытянул руку и выпрямил пальцы. Надо будет позвонить бабуле, поболтать, в каком веке они с великой Идзанами-ками-сама чаек распивали. Кажется, меня ждут еще открытия.

Из воздуха шинигами схватил полноростный посох бо. А взяв его в правую руку, еле-еле стукнул кончиком посоха по татами.

Стены додзё завибрировали.

— Ну, у нас это выглядит примерно так.

Спарринг не был коротким и не был длинным. Он, разумеется, начинался с «рей», продолжался «рей» и заканчивался тоже им, но я бы не сказал, что мы мерялись силами, как это обычно бывает в спарринге. Просто смотрели, кто на что способен. Посыл волн кимэ был несильным, додзё осталось на положенном месте, а мы особо даже не выдохлись.

Вернувшись на исходную, я испытал приступ сарказма, чем не преминул поделиться.

— Это все, конечно, интересно, но примерно то же самое мы вчера показали аякаси, и оно... кстати, что оно вообще такое?

— Онрё-онна.

— Ага, это еще и она? Шикарно. Мертвая мстительная длинноволосая девушка с телекинезом. Кого же это напоминает? — не совсем вовремя я вспомнил череду кинематографических баб, кидающихся фонарями при помощи телекинеза и заросших гривой по самые колени. — Неважно. Так вот, онрё-онна-сан не впечатлилась, забросав нас горой мусора. Мы даже подойти к ней не сумели бы. Так что вы используете? Усиление тела ки? Заклинания? Печати?

Казуя сделал важный вид и пояснил тупому мне:

— Духовное оружие — это не какая-то палка с магическими свойствами. Это часть тебя самого. Нечто важное, осмысленное, имеющее значение.

Классическая фраза «оружие должно быть продолжением твоей руки», излюбленная всеми в мире мастерами фехтования и стрельбы, внезапно заиграла новыми красками.

— Через тренировки и медитации мы познаем таящиеся в нашем внутреннем мире силы и слабости, обуздываем желания и страсти, вырастаем над собой и получаем первое высвобождение формы.

Казуя взял посох бо и ударил им перед собой. На мгновение мне показалось, что прямо

в дождё передо мной растёт развесистое дерево. Я таких сакур по дороге сюда видел, без преувеличения, десятки. Вот только обычные цивилизованные вишни не косплеят катушки Теслы, и лепестки, которые с них регулярно сыплются, в падении не похожи на маленькие шаровые молнии. Воздух насытился электричеством, резко потянуло озоном. Жужжащий звук разрядов на периферии слуха предупреждал, что это ещё не все неправильные пчелы на сегодня.

— Громовая сакура, — возвестил Кицуки Казуя название освобожденной формы. Порозовевшее дерево начало потрескивать. — Активация.

По крайней мере, теперь я понял, откуда он берет столько пафоса.

Б-333!

Я рефлекторно дернулся и кубарем скатился с кровати. Это была лишь вибрация будильника телефона, сигнализирующая, что мне пора вставать.

Вчерашний день принес открытия. Опять.

Просто спарринг, как же. Шинигами испытывал меня на прочность, пытаюсь выяснить предел моих сил. А я решительно не собирался показывать всё, что умею, в обычном спарринге. Ведь оппонент может выжить, запомнить твои приемы и обратить твои сильные стороны против тебя самого.

Условия все те же: пропустил удар по ауре — очко. У меня Карачун, глефа с двумя энергетическими лезвиями, у Казуи — Громовая Сакура, дерево, заставляющее физиков ускорять вращение Земли. Мне и самому было интересно, а что я смогу против такого занимательного конструкта.

Шаг вперед, и я отбиваю шар, с треском летящий в меня. Что хорошо: Карачун способен противодействовать электричеству. Что плохо: громовой лепесток был не один. И не два, и не три, а дохрена.

Б-333 — откликнулась во мне первая пропущенная молния. Отскок, уклонение, взмах глефой, чтобы мощным ударом бейсболиста отбить шар обратно. Игрок в бейсбол из меня оказался такой же, как обычный русский школьник: я слегка промазал. Коротенькая пауза.

Нужно подавляющее преимущество в скорости, чтобы избежать атак — путь быстрых йокаев. Нужна броня, которая позволит не обращать внимание на укусы — вариант усиления защиты. Нужно превосходящее число снарядов — способность онрё-онны.

Обдумав ситуацию и мысленно согласившись с выводами, из всего этого я выбрал самый доступный для меня вариант. Я погасил Карачуна, слегка поморщился на пропущенный лепесток и сказал, опустив голову:

— Сдаюсь.

— Хороший ход, — после паузы признал Казуя, поклонившись в ответ.

В воскресенье меня ожидали там же с целью продолжения разговора. В дизайнерских дорожках, разрезающих храмовую территорию, я уже неплохо ориентировался и лишнее время закладывать не стал.

У входа меня не встречали. Или храмовый шикигами был занят кем-то поважнее, или он уже был уверен, что я способен не заблудиться в трех сакурах. Я прошел дорогу к додзё в царственном одиночестве. Но перед входом поклонился. Мне может сколько угодно казаться, что за мной никто не следит. Умные бабочки не дремлют.

Со вчерашнего дня додзё изменилось только в том, что озоном в нем не пахло. Зато чай был на месте, равно как и школьный комитет в лице двух уже известных мне шинигами.

— Константин-кун, мы за вечер навели справки. В вашей семье правда столько детей?

Я усмехнулся внутри себя. Не то чтобы о нас было просто узнать.

— Не только детей, — я сел напротив Казуи. — В нашем доме живет целый, если хотите, клан. Тетушек армия, у них есть их дети, я сам, плюс мои сестры. Все чем-то занимаются в меру сил и пожеланий. Бабушка и дедушка по старшинству главные, разумеется. Мой отец, Кощей Кошеевич Кошеев, дома редко появляется.

Я решил не рассказывать, по какой причине. У нас с сестрами были разные матери.

Хобби моего отца — похищать себе жен. Выглядит со стороны страшновато, а изнутри семьи — скорее забавно. Я однажды понял, что Кошей подбирает себе новую пассию не только исходя из симпатий, но преимущественно по степени личностного женского пофигизма. Все восемь его жен живут в доме деда, и ни одна не сказала, что ее что-то не устраивает: моющий робот-пылесос не разгибается, в посудомойку можно запихнуть целую кухню, скатерть-самобранка является востребованной поминутно. Домашними делами никто не перегружен, в рабстве не находится. В любой момент можно читать книжки хоть целыми днями, творчески работать и рисовать картины. Ни один ребенок не чувствовал себя заброшенным, каждому уделялось внимание, за которое никогда не нужно было конкурировать. Большая дружная семья, в которой всем хватало еды, места, книг и компьютерной техники — с детства я в ней рос и другого образца просто не знал. Что до моего отца, сейчас он как раз ушел на поиск очередной прекрасной дамы. Правда, его навигационный спутник модели «карманное-зеркальце-положи-сверху-яблоко» засбоил, поэтому путешествие затянулось. Батя периодически писал нам в мессенджере, как идут его дела, и вся семья вечером собиралась за чьим-нибудь смартфоном, читала о его похождениях и не стеснялась комментировать этот роман-путешествие. Сказать, что мы дружно над таким опусом ржали — промолчать. С этого можно было написать какую-нибудь книгу среднего пошиба.

Кажется, примерно такой рассказ Казуя и хотел от меня услышать. Взамен он сделал глубокий вдох, и я понял, что сейчас получу подобной же длины лекцию и о его клане. Не ошибся, как назло.

— У шинигами тоже большая семья. Не как у вас, конечно. Формально мы друг другу не родственники, а просто отдельный вид ками, собравшихся в клан. У нас один храм и одна территория. В ее пределах мы несем ответственность за упокой заблудших душ, также решаем проблемы с аякаси, бакемоно и мононокэ, буде такие заводятся. Все злые духи в нашем ведении. Чем лучше мы работаем, тем меньше их на вверенной территории. Вот в последнее время завелась аякаси. Соответственно, она порождает стаи мелких духов. Пока мы от нее не избавимся, прирост мононокэ не остановится.

— А у вас случайно нет отрядов с командирами? — уточнил я.

— Зачем? — удивилась Ичика. — Мы же боги смерти.

С такой точки зрения я еще японские кланы не оглядывал. Стало яснее. Их родство было достаточно условным. Никаких детей и отцов, никаких матерей и теток. Душа попадала к Идзанами-сама, в пространстве Ёми делала что-то неведомое, эволюционировала до шинигами. Великая мать решала, что на какой-то территории маловато богов смерти. Душа козыряла, шла в храм и пополняла стройные ряды шинигами. На святом месте ставили еще один маленький алтарь, у которого начинали молиться. И вот рождалось новое божество, и оно уходило в «семью», становясь там братиком, сестричкой, дядюшкой или еще кем-нибудь. Все они являлись ками одного храма, и им служили шикигами, прикрепленные к святому месту, а также люди — жрецы синто и их воспитанники мико. Вот такая аристократия среди йокаев-духов. Прав у этих ребят хоть отбавляй, но и обязанностей в достатке. Чем больше воззваний к ками, тем больше энергии циркулирует в храме, и тем величественнее клан, получающий такие вливания.

У меня появились еще соображения, не слишком радужные:

— Я правильно понял, что люди молятся всем, у кого есть свои храмы? Или количество молящихся всё-таки никак не связано со святыми местами? Ведь молиться чисто технически

люди могут не только ками, а посещать — не только официальные храмы, нанесенные на карту.

Казуя поморщился, подтверждая мои опасения.

— Да, Константин-кун, здесь ты прав. Кому только не молятся, и где только не ставят алтари.

— А как это происходит? Возникают секты сатанистов? По улицам курсируют свидетели Иеговы? Старые евреи молятся золотому тельцу? Появляются распространители «Гербалайф»?

Любому ответу я бы не удивился. Учитывая количество отаку, весьма странно, что по городу не бегают йокаи и ками в виде грудастых кошководочек, нацепивших форму горничных. Не к ночи будь помянута, я вспомнил старосту с ее почти картинным внешним видом. Надо будет уточнить потом, какой она йокай. За такой вопрос я в лучшем случае могу получить хвостом по лицу. Предварительная подготовка не помешает.

— Не знаю, что такое гербалайф и зачем тельца красить в золотой цвет. Однако же многие уверены, что мир во всем мире полностью противоречит воле Идзанами-сама, по тексту старой легенды пригрозившей забирать каждый день из мира тысячу человек. Нарращивание мощности за счет неофициальных алтарей — проблема известная и, увы, нерешаемая. По многим вопросам Идзанами-сама комментариев не дает, подразумевая однозначность формулировок.

Казуя замолчал и прирос к чашке с чаем, давая слово Ичике.

— Константин-кун, ты вчера спросил, что используется для сражений. Я хотела немного рассказать об этом до того, как мы с тобой пойдем побьем друг друга духовными палками.

То есть шутить она все-таки умеет. Хорошая новость.

— Ичика-тян, ты о духовных клинках? Только они могут убить аякаси и отправить их в другой мир?

— Нет. Ты как раз упомянул усиление, заклинания и печати. Начну с простого. Духовными клинками владеют не только шинигами, скорее это нужно трактовать как форму запечатывания силы йокай или ками как оружие, не обязательно режущее. Сам видишь, у нас посохи бо и хан-бо. Во-первых, это заставляет нас тренироваться в нужном направлении. Во-вторых, позволяет быстрее расти внутренне и внешне. А то, о чем ты спрашивал — оно больше и сложнее. Например, усиление тела — это целый спектр боевых искусств, от айкидо, на котором ты постигаешь баланс обращения с собственным физическим организмом, до кэндо, где ки можно использовать напрямую. Именно в ки мы наиболее сильны здесь, на Востоке. А вот с прочим у нас не так впечатляюще. Оперирование энергией внешнего мира для нас начинается кимэ и заканчивается им же. Например, один раз у нас выполз такой аякаси, что мы с половины Японии собирали всех шинигами в приказном порядке. И всё равно не справились, потому что где мы, локальные ками, а где злобная тварь размеров Хатимана. Вовремя спохватились и запросили помощь у мага с Запада. Он помог с печатью, фактически спас половину мира, но, кажется, сам того не заметил. Вот если бы можно было уговорить подобного сэнсэя, мы лет за пятьдесят этот пробел в техниках закрыли бы. А так... Сторонние консультанты наше всё. Ты допил чай?

— Да, спасибо. Сегодня ты мой противник?

— Какой уж там противник. Так, партнер по спаррингу.

Что-то подсказывало, что дева лукавит.

Встав друг напротив друга, мы с Ичиной одинаковым жестом вытянули правые руки и выпрямили пальцы. Я призвал Карачун, Ичика молча достала из воздуха короткий посох хан-бо и ударила им перед собой. Я ожидал очередную сакуру, и я не ошибся: не просто так Кейтаро предупреждал меня, что здесь, в Японии, можно привязаться к самым странным вещам. Но ее сакура не плевалась электричеством и не призывала дух Николая Теслы. Потянуло мерзким ноябрьским сквозняком, и цвести зимняя вишня по очевидным причинам отказывалась. Не сезон. Висящие на хрупких веточках плоды, увядшие, но не потерявшие свой густой багровый цвет, покачивались в такт неведомому ветру, иногда тонко позвякивая. Присмотревшись, я понял: дерево заковало в мороз и облило коркой льда.

В дождь резко стало очень холодно. Скорее всего, будь здесь повлажнее, прямо из-под крыши пошел бы снег.

— Ледяная сакура, — прошептала Кицуки Ичика название освобожденной формы. Деревце, залитое голубым морозным маревом, пахнуло на меня холодом. — Активация.

Я не уверен, что мне в спарринге пришлось бы так легко, не родился я в тайге. Пронизывающий холод. Поток стылого зимнего воздуха. Волны кимэ, многократно усиленные ледяным ветром. Здесь, в Японии, это было смерти подобно.

Однако же не против меня.

Краем глаза я заметил, как Казуя набросил на плечи большую медвежью шкуру.

Итого, если у аякаси нет собственного меха или хотя бы медведя под рукой, Ичика явно могла бы попробовать свои силы еще в ночном сражении. Но не стала. Почему?

Оружие вроде бы знакомое, но с другим стихийным элементом. Может, владеет им не так хорошо, как старший брат?

Девушка взмахнула рукой. Порыв ледяного ветра сорвал висевшие на дереве замерзшие плоды, превратив их в метательные снаряды. А Казуя, если мне не изменяет память, весь бой простоял безмолвным истуканом. Контроль, значит?

Я уклонился в сторону и рывком сократил дистанцию. В ответ на меня дохнуло настоящим сибирским морозом. Потолок ледяной, дверь скрипучая... Тепло ли тебе, пацан костлявый? Или шкурку от медведя дать?

Поскольку холод имел энерго-духовную природу, мои движения сразу же замедлились. Одновременно и атака, и защита. Подойду ближе — рискую замерзнуть к хренам, и тогда никакое бессмертие не спасет от вечного сна в магических льдах. Эту слабость лучше не показывать. Зато можно продемонстрировать один фокус, идея которого родилась буквально прошлой ночью.

Клинки глефы гаснут, я перехватываю рукоять и делаю широкой замах. На самом конце дуги Карачун активирует выросший до двух метров клинок, хлопнув противника по плечу.

— Я проиграла, — со вздохом признала Ичика.

— Скорее ничья, — подсластил я пилюлю поражения. — Я же вырос в России. Если бы не устойчивость моего тела к холоду, то удара мертвой руки, точнее, сакуры, мне было не избежать.

— Отличная идея, — задумалась шинигами.

— Пчхи, — выразил я «всегда пожалуйста».

Казуя, не вылезая из импровизированной шубы, разливал чай. Рядом с теми местами, где полагалось сидеть нам с Ичиной, были положены ещё несколько бывших медведей. Хороший маневр, демонстрация заботы.

— Константин-кун, я правильно понимаю, что твое оружие имеет пока только одну

форму?

— Да, — я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Но ты же не тренировался десятилетиями, чтобы это выяснить? Значит, всё впереди, — обнадеживающе улыбнулся Казуя.

Я вообще не был уверен, что до вчерашнего дня мне кто-то говорил об эволюции оружия. Как можно прогрессировать самому, я представлял прекрасно. Как можно заставить развиваться Карачуна, особенно если он сам на это не настроен — не очень.

Казуя отпил чай и продолжил. Я понимал, что о самом важном он еще не упомянул. Интересно, что это будет?

— Ты потенциально очень силен. Происхождение, род, семья — всё говорит о том, что ты только в начале пути.

На кой Казуе были знания о моей семье?

— Ты ни от кого не зависишь.

Хорошо, что он не видел сражение Константина Кошечева с омлетом.

— Твоя сила и независимость пригодились бы в наведении порядка в школе и не только. Сам видишь, аякаси решили разбушеваться именно в момент, когда приехал ты. Может, специально тебя ждали, чтобы вылезти, — шинигами-то улыбался, а вот у меня появилось кое-какое соображение, которым я бы пока не делился, конечно.

— Зачем?

— Ты хотел спросить, зачем тебе это? Ну, мы здесь достаточно властные ребята. Взамен мы прикроем тебя во время выполнения твоей истинной цели и окажем актуальную помощь. А там, кто знает. Кстати, что ты думаешь о моей сестре?

Я покосился на Ичику, которая изображала статую маленького медведя. Ох уж эти азиаты и их культурные различия. Как в присутствии человека вообще можно обсуждать самого человека?

— Ну... она милая девушка? — слегка неуверенно отозвался я. — Надёжный боевой товарищ. Смогла выжить в бою против онрё, что уже показатель.

Ичика легко, еле заметно порозовела. После чего опустила глаза.

Чудесатее и чудесатее. Если Казуя знает, какого хрена я забыл в Японии, явно знает и она. Мне что, сейчас предлагают в жены ками?..

В целом, если подумать, для клана шинигами это выгодно. Породниться таким способом с загадочной большой русской семьей. Мы о смерти, вы о смерти, у нас товар, у вас купец, если вы понимаете, о чем мы. Но брак с гайдзином... Это им уже невыгодно. Что-то одно явно перевешивает по причинам, скрытым от стороннего взгляда. Не очень силен я в местечковой политике. Однако если мне предлагают рассмотреть Ичику в качестве кандидатки в жены, мне бы в дальнейшем следовало принимать во внимание интерес влиятельного клана, которому старательно молятся все, кому не лень.

Отмахавшись какими-то формулами вежливости и отчетливо давая сигналы, что я ничего из его монолога не понял, я постарался поскорее закончить встречу. К тому же это дело на текущий день не было последним.

— Сестра. А что ты думаешь о Константине Кошечеве?

Казуя не ожидал такого увидеть. Ичика смутилась и начала накручивать на палец прядь волос. Кажется, девушки молились ей чрезмерно.

— Ну... он назвал меня милой... — начала она лепетать странные вещи. — Так что... он тоже неплох? Высокий... прикрыл меня во время атаки... должна ли я приготовить ему

бенто в благодарность?

Шинигами модели «влюбленная школьница». Казуя мог лишь горестно вздохнуть. Молитвами людей Ичика и была обычной японской школьницей, которой не чуждо все... обычное.

На воскресенье клуб домоводства назначил выходной урок с барбекю-вечеринкой. Разной степени прожаренности мясо привлекало меня куда больше сватовства. Курица, индейка и рыба (Нагаки-тян особенно отметила, что если рыбу передержать, то получится полная фигня, так не лучше ли сожрать ее сырой) ждали желающих надеть особый фартук и взять в руки двузубую вилку. Вечеринка получилась что надо, но, к сожалению, быстро закончилась: не я один забыл поесть с утра. Мы решили, что поход по забегаловкам — лучшее продолжение отличного воскресного дня.

Раменной владел нестарого вида кот, с которым сразу полезла обниматься бакенэко, уже знакомая мне по ночной встрече на перекрестке. Он провел для нас кратенькую экскурсию по кухне, дал потыкать свежую яичную лапшу и угостил мини-порцией. Рамен уже напоминал нормальный суп, который привлекал хотя бы наличием в нем элементарной курицы. Под шумок я взял две порции. Вот к этим кошачьим можно было бы иногда заглядывать на ужин: клепать рамен семья умела и вкусно, и красиво.

Следующей кафешкой был икаяки. Я зачарованно смотрел на кальмара, полный цикл приготовления которого занимал минуты две. Небольшой свежий обладатель щупалец быстро жарился на углях, а потом его накальвали на палочку, щедро поливали сладким соусом, сверху капали лаймового сока — вот и весь рецепт. Обманчиво просто. Я же думал, обкусывая у своего икаяки щупальце: чем проще выглядит процесс, тем больше времени требует его освоение. Кальмар оказался очень нежным и быстро закончился. Одноклассница расцеловалась с отцом, державшим эту уличную лавку, и мы продолжили дорогу.

Через половину квартала следующая ученица показала рукой, куда идти. Знакомый запах защекотал ноздри. Женский голос распевал: «Яки-имо! Яки-ииимомо!». Обладательница голоса, названная тетушкой (снова родственники, наверное), показала нам крупную сырую картофелину сацума-имо, а также печь, где корнеплоды выпекались на дровах. Увидев, что в числе гостей есть гайдзин, она подозвала меня, научила разламывать коричневую кожуру и отдельно пояснила для истории: печеный картофель здесь считался зимним перекусом, поэтому скоро, когда будет совсем жарко, яки-имо больше не будут продавать. Мне почему-то стало грустно, но как можно по жару точить горячую картошку, я тоже не понимал.

Наша прогулка закончилась закрытой кондитерской, где готовили рыбок тайяки. От вида чугунной сковороды я впал в священный ступор, а потом вспомнил слова Изаму про вежливость и обходительность и вместе с прочими участниками клуба облазил всю кухню, записал процесс приготовления печенья, достал поваров горой вопросов и вообще развлекался здесь как мог. Наконец-то я чувствовал себя достаточно наевшимся. Поварам гайдзинский интерес был приятен, поэтому мои карманы вскоре оказались набиты тайяки. Разве не прекрасно? Учитывая нескольких кальмаров, остывавших в сумке рядом с запакованной картофелиной, вечером можно было не готовить. И утром тоже.

Кажется, странные ситуации, которые случались со мной вне комнаты, не думали заканчиваться. Потому что дальше был щенок.

Точнее, всё началось с местных гопников. Те собрались кружком и почему-то громко смеялись, тыкая пальцем куда-то в центр компании. Нехорошее ощущение поднялось к

горлу. Я почему-то не к месту вспомнил слова Казуи: «Твоя сила и независимость пригодились бы в наведении порядка». Какого хрена мне наводить порядок в окружающей действительности, в процессе разговора я не понял. Зато сейчас пришлось отчетливо осознать: происходит не то, что должно, и я обязан вмешаться.

Надев самое brutальное из имеющихся в наличии выражений лица, я отогнал гопников, особо даже не раздавая пинков. На месте, где кучковались хулиганы, лежал раненый щенок. Мне пришлось присесть рядом и начать ломать голову, что дальше. Щенок вымирать не торопился и не убегал от меня.

Японский я читал уже сносно, но искать по вывескам ветеринарную клинику... В кошечей усадьбе никогда не было домашних животных, как не было и цветов на окнах, и прочих атрибутов обычной семьи. Живое не могло существовать рядом с теми, кто одной ногой стоит в Нави и оперирует понятием «мертвая вода». Ну найду я сейчас ветеринарку, дам им денег. Что дальше? Теперь это будет мой щенок? А долго ли он проживет?

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ С МОЕЙ СОБАКОЙ?

Я повернул голову и, получив шикарного леща, ненадолго выпал из действительности.

Я открыл глаза. Мне прилетел так называемый «малый лещ», как его называла моя бабуля. «Большой» укладывал отодравшегося недобро настроенного медведя. «Простого» хватало, чтобы оставить отпечаток взрослого мужика на близлежащей стене. «Малый» годился, чтобы припугнуть — или вырубить уставшего лещеполучателя. Как сейчас.

По крайней мере, примерно так Марья Моревна описывала женскую магию в рамках ликбеза.

— Ну и рожа у тебя, кощеево отродье. Как взгляну — так сразу понимаю: кирпича просит, кир-пи-ча.

Я сел в исходную позицию и оглядел лещевыдавательницу.

Так исторически сложилось, что у Кощеевых был родовой дар: девиц тырить. Как видел молодой кощей плохо сидящую девицу, так сразу ее тащил к себе в гнездо. Сначала это было на уровне «гляди, трофей». Потом наградная лента с девицами разрослась до неадекватного размера. Оказывается, когда весь дом набит служанками, наложницами, а также стащенными просто из спортивного интереса — это очень, прямо-таки баснословно дорого.

Поэтому Кошеевы мужики в свое время этот родовой дар проапгрейдили и пропатчили, превратив его в бизнес. Приходит злой Кощей, берет красну девицу, кладет ее в сумку и тырит в неизвестном направлении. Кому ее спасать? Конечно, это должен быть настоящий герой. Таким образом для девицы находится достойная партия, а у Кощеевых появляется свой маленький гешефт.

Схема была воплощена тысячи лет назад и, к счастью, в легенды не вошла, чего один из родоначальников небезосновательно опасался. Но были и неловкие моменты. Например, с восточной многохвостой принцессой, не то китайской, не то айнской. Когда японский принц решил погеройствовать, он заказал ее похищение у Кощеевых, и с нашей стороны всё прошло идеально (по-другому не могло). Только вот спустя пару десятков лет выяснилось, что до места заточения прекрасной девы принц не дошел — и имел на то полное право, поскольку был сожран амурским тигром. Призывать уже было нечего, тигр был обычным и сотрудничать отказался, и дева была похищена зазря. У меня было подозрение, что на этот-то случай я и напоролся со своей оооочень узнаваемой физиономией.

— Тамамо-но Маэ-доно.

Увы, я угадал, кто эта женщина в традиционной японской одежде. Ее лицо было густо накрашено, но никакая пудра не замаскировала бы маковые пятна, расцветшие на ее щеках.

— Эх, расплющила бы тебя, черт остроскулый. С каким удовольствием, ты не представляешь. Как только увидела знакомый профиль, рука аж автоматически дернулась.

Старая лисица (упаси Навь назвать такую вслух старой, тетушкой или бабушкой, Кошеев, твоих костей потом никто не соберет) подошла неожиданно легкими шагами, подняла пораненную собаку и завернула в длинный рукав, не заботясь о дорогом кимоно. Щенок заскулил и стал лизать палец хозяйки.

— Быстро за мной.

Вообще-то я мог отказаться, но понимал, что не надо.

Расплатившись картой в ближайшей ветеринарной клинике и оставив животное под бдительным присмотром ветврачей, Тамамо-но Маэ повела меня к небольшому киоску, где продавали, судя по запаху, весьма приличный кофе. Взяв две чашки и протянув одну мне

(особо не спросив, пью ли я кофе — очевидно, это старуху интересовало в последнюю очередь), она с силой выдохнула.

— Спасибо. Я не знаю, как тебя зовут. Фамилию-то точно угадала.

— Я Константин.

— Я Тамамо-но Маэ. Спасибо, и извини меня. Я поступила неправильно.

Я чуть не поперхнулся.

— Видишь ли, девятьсот лет назад твой гребаный родич, кощеевский любитель приключений, похитил меня. Причем с видом, будто так и задумано. Представительный мужик, надо сказать. Впечатляющий! Похитил такой, а потом привез меня в гребаную тайгу, где холодно. Тебе словами не передать, как там холодно. А я ведь была не против!

Лисица отпила кофе не без изящества. Алые пятна медленно сходили с ее щек.

— И вот сижу я как дура в этой тайге, мерзну неясно для чего. А он рядом прогуливается. Неделю прогуливается, еще одну. Ничего со мной не делает. Ничегошеньки. Потом в календарь смотрит, типа там написано что-то важное. Проверяет после этого, всё ли в доме есть, оставляет мне скатерть-самобранку и уходит.

Я начал проникаться историей, но пил свой кофе молча. Если смотреть на рассказ с точки зрения женщины, он выглядит совсем не как семейная байка, поведенная в рамках цикла «А еще мы лажаем».

— И он просто уходит, ничего не объяснив и ничего со мной не сделав! Он меня даже не поцеловал. Константин Кощеевич, я его УБИЛА БЫ, честное слово.

Тамамо-но Маэ не интересовало больше вообще ничего. Ее не впечатляло, что ей пришлось пешком пройти через тайгу, чтобы вернуться домой. И ее не волновало, что нужно было самой сшить новую обувь и волочь на себе скатерть-самобранку, чтобы было что поесть в дороге. Ее интересовало только невнимание со стороны мужчины к самой желанной деве всего Востока, коей она была девятьсот лет назад. Эх, женщины...

— А что с собакой случилось, я видела. Чуть-чуть отвлеклась на пять минут, сама виновата. Но ты просто под руку подвернулся.

То есть меня вырубил одной пощечиной. Сильна ста...

Та подозрительно прищурилась.

Кхм... Тамамо-годзэн.

Лисица выбросила пустой стаканчик и залезла в сумочку-узелок длинными костлявыми пальцами. На протянутой мне ладони лежала сувенирная монетка китайского образца. Из отверстия монетки свисала ярко-красная ленточка. Я взял подарок.

— Спасибо, Тамамо-годзэн.

— Ты человек с Запада. Вы смотрите на мир только изнутри наружу. Если хочешь понять местных жителей и их взгляд на мир, эта штука поможет. А мне больше не попадайся. Слишком уж вы похожи.

И вот наконец-то я дома. Забыл спросить, требуют ли тайяки холодильник. На всякий случай положу, конечно.

Она сказала про мир изнутри наружу. В переводе на мужицкий это, наверное, отсылка к западной модели мышления. Кимэ, использование внешней энергии. Значит, «увидеть как надо» — это шанс ознакомиться с внутренним миром. Ки, использование собственной энергии и улучшение показателей тела. Вот и проверим.

Я сел посреди комнаты и взял монетку в руку. Триста лет назад на смартфон закачал музыку для медитации — вот и настало ее время.

В моем внутреннем мире, куда я попал с неожиданной легкостью, оказалось прохладно. Видимо, была осень. А может, и ранняя весна. На опушке темного глухого леса стоял дом, будто отраженный в кривом зеркале: ни одной прямой стены. Пустынно вокруг настолько, что можно было пошутить про «мертвые с косами стоят». Даже их не было.

Я добирался до дома через поле, на котором торчал сухой серый ковыль. Идти было сложно, сплошные рытвины и кротовины. Некрасиво здесь, если подумать.

Дверь распахнулась, встречая гостя. Из дома вышел цельный скелет, обмотанный кое-где лоскутьями. От него шел отчетливый запах сухой кости и легкий — смерти.

— Карачун.

— Карачун, — согласился тот, разговаривая прямо в моей голове. — Однозначно.

Он вынул из собственной правой ноги большеберцовую кость, оставшись стоять на малоберцовой. Продолжениями сторон выпорхнули два лезвия мертвенного бледно-зеленого цвета. Я достал глефу и сделал ровно то же самое.

Он напал внезапно.

Его стиль очень походил на мой, но был более отточенным. Удар в левое плечо — я парировал удачно. Мгновенный разворот оружия — и вторым краем сразу же удар в левую ногу. Обычный маневр руки с двухлезвийным оружием.

Карачун не развлекался со мной. Клинки глефы слились в сплошной круг, который шелестел и мерцал. От этой мельницы приходилось защищаться. Удар. Блок. Еще удар. Еще блок. Парирование. Серия ударов в правую сторону. Серия блоков. Подсечка, удар в ногу. Сразу же во вторую. Потом в шею, и тычковый в грудную клетку. В открывшийся бок. В ногу. Я успевал за ним, но мысли были горькими.

Мое оружие, моя любовь и гордость. За что он так со мной?

Карачун взял глефу двумя руками, и оба клинка пропали. Я знал, что будет дальше, поэтому отпрыгнул от него одним движением. Лезвие глефы, удлинившееся вдвое, не достало меня. Раскручивая оружие над головой, Карачун шел в мою сторону, проверяя, насколько я соответствую его ожиданиям. Я отходил, зная, что при равной длине оружия выигрывает тот, кто успеет сделать обманный выпад. Противник оказался прямо за спиной и, с силой стиснув левой рукой мою шею, правую руку с зажатой в ней глефой поднес прямо к лицу. Я успел почувствовать могильную сырость, но больше не успел ничего.

Потухший клинок стал обычной большеберцовой костью, упирившейся мне в нос. Карачун отшвырнул меня на сухой ковыль, поставил кость на полагающееся место и ушел обратно в дом.

— Может, ты сначала определишься, чего хочешь? — прозвучал ироничный голос в моей голове. — А то с тобой дело иметь невозможно, плывешь как дерьмо по течению, сам не знаешь куда.

Хлопнула дверь.

Я сидел посреди комнаты в японском общегитии, и сжимающие сувенирную монетку пальцы побелели от напряжения. Прошло девятнадцать минут в окружающем мире — и вряд ли больше во внутреннем.

Было обидно. Растешь, тренируешься, слушаешься старших, а потом приходят скелеты из шкафа и обзывают тем, что в воде не тонет, без собственных целей и желаний.

Понедельник ознаменовался необходимостью читать книги на японском, а также посещением Дисциплинарного комитета. Если перед уроками по психологии, физике и даже перед обедом я слегка волновался, то последнее меня вообще не смущало. Поскольку я

комитету был нужнее, чем комитет мне, заработать себе еще несколько очков перед глазами местных божков было несложно, просто вступив в эту партию и загибая линию куда скажут. Томоко тоже изъявила желание попробовать свои силы. Знакомой компании я был крайне рад: воинственная она могла решить все проблемы и без меня, а также помогла бы мне в изучении йокайского общества, в котором я, кажется, слегка залип еще на пару лет. На резонный вопрос Кицукэ-сан, а не помешает ли это клубу карате, Танака-тян с ленцой объяснила, что стоящие соперники там закончились, и в клубе она чаще просто убивает время, отрабатывая навыки. Я впечатлился, понимая, как это на самом деле непросто сделать, сохраняя человеческую форму.

— Так вот, Константин-кун, Томоко-тян, от патруля требуется немного. Если где-то кто-то пытается подраться, можно разнимать.

— Ичика-тян, а насколько грубо это делать? — Томоко влезла в объяснения с самым интересующим ее вопросом.

Ичика даже не стала хмуриться, понимая, с кем общается.

— Настолько грубо, как тебе понравится, но без переломов.

Великанша расцвела. Как можно отделать любое физическое тело, не переломав ни единой кости, я представлял. Мне показалось, Ичика несколько махнула, давая такое разрешение.

— Если кто-то провоцирует драку, но еще не дерется, не возбраняется работать превентивно. Что еще может нарушать дисциплину? Любая травля, как по мне. Такое лучше пресекать, сначала сделав внушение. Любые подстрекательства, конечно. Лечится ровно этим же способом. В принципе, если вам кажется, что назревает дисциплинарное нарушение — обычно вам не кажется, и пора работать. Это не значит, что вы должны задвинуть все дела и только патрулировать окрестности, выглядывая, кто там хулиганит, и спеша причинить ему справедливость.

Дверь раскрылась. Ох уж эти опоздуны.

— А, Ичика уже здесь, — раздался позади меня женский голос.

Я развернулся, и мой взгляд буквально рухнул в бездну белокожего декольте. Японки по сравнению с этим были плоскими и немного уходили в вогнутость. Пятый размер, не меньше. Широкие плечи и бедра, как говорят в моей семье — «кровь с молоком». Юбка, краем подметающая пол в кабинете. Осиная талия. Шикарная блондинистая коса толщиной в запястье. Я был полностью загипнотизирован.

— Мои глаза выше, — гордая дочь фьордов не была польщена вниманием к ее скромной персоне, но и нервничающей не казалась. — Или ты вынимаешь свой взгляд оттуда, где он сейчас, или я решаю, что у тебя много лишних конечностей. И глаз точно лишний.

Юная северянка двинулась в мою сторону, и я вышел из транса. Воистину, для полноты событий прошедшей недели недоставало получить вызов по такой идиотской причине. Томоко-тян, чья кровь кипела не первый месяц от желания померяться силами с потомком скандинавских асов, каким-то неведомым чувством поняла: это же то самое дисциплинарное нарушение! Настало ее время. Сейчас или никогда.

* * *

— Бабуль, я про нареченную с двумя «н». А как ее опознать-то?

— Символично, что с этим вопросом ты пришел сегодня.

Марья Моревна помолчала немного, сказала, что мой запрос поняла, сверилась с календарем и приказала через два с половиной часа быть во дворе. Потом нахмурилась немного и сказала одеться в тренировочное.

Спустя два часа и двадцать пять минут готовый к любым невзгодам я измерял шагами сумеречный двор родного дома. Бабуля вышла, и на ее плече висел длинный чехол. Мы отправились в открытое поле.

Сборка русского боевого лука не заняла много времени. Достать всё из чехла. Разложить на земле. Натянуть тетиву.

— Этот лук называется сложным, — давала бабушка историческую сводку, — поскольку изготовлен из нескольких кусков древесины разных пород. На внутренней стороне, на которую смотрит стрелок, есть хорошо отшлифованная можжевелевая планка. Внешняя традиционно ильмовая, и на ней три узких продольных желобка, которые заливаются рыбьим клеем. С этой стороны, — Марья Моревна указала длинным пальцем, — лук усилен полосами, роговыми подзорами. Пытались делать металлические, но это всё не то. Рукоять выложена гладкими костяными пластинами, а сама сделана для взрослого мужчины. Тебе будет маловата, у тебя пальцы длинные.

Я критическим взглядом осмотрел свою ладонь. Да, пальцы длинноваты, как и я сам.

— На концах лука тоже есть костяные накладки там, где надевается петля тетивы. Ими укреплены те узлы, где стыкуются основные части: рукоять, плечи и концы. Как видишь, одна сплошная органика. Отсюда вывод: лук будет реагировать на изменение влажности и температуры. Наши русские луки годятся на любую погоду: и на тепло, и на мороз. Сегодня вечером не жарко и не холодно. Отличный день.

Я глянул в небо. Летнее солнцестояние, Купало. Самая короткая ночь в году. Надеюсь, хотя бы время суток не очень важно?

Бабушка протянула мне щиток из рога какого-то животного. Русские луки были сильны: удар тетивы, который придется по левой руке стрельца, мог разорвать не то что одежду, а и сухожилия под кожей. Без щитка из такого не стреляют. А что стрелять придется мне самому — я уже понял.

— Слушай указания. Выдохни.

Я выдохнул.

— Вдохни.

Я вдохнул.

— Закрой глаза. Думай, что сегодня, в день летнего солнцестояния, Навь ближе всего к нам. Думай, что родная земля тебе поможет.

Я думал.

— Смотри.

Я открыл глаза. Марья Моревна протянула мне стрелу. Совсем тонкая, белая-белая, а перья на ней...

— Соколиные, конечно. А теперь еще немного подыши и стреляй, Костя, пусть всё сложится.

Бабушка тихо запела что-то заунывное. Я решил не разбирать слов. Встал поудобнее, поправил щиток на левой руке. Взвесил лук. Он был тяжелее тех, из которых я учился стрелять, и в разы мощнее. А стрела, наоборот, легче и тоньше.

Песня отдавалась где-то в грудной клетке, дышать становилось проще. В мышцах рук

появилось ощущение легкого холодка. Звуки затихли, запахи пропали. Вложив стрелу, я смотрел в небо, где загорались первые звезды, и искренне хотел, чтобы всё и в самом деле сложилось. Встав в правильную позицию, натянул лук и выстрелил, так и не поняв, куда.

Бабушка закончила песню, и мышцы снова разогрелись. Таёжное лето ворвалось в тело. Тяжелый запах трав, цветущих всего ничего, и шорох чьих-то крыльев в небе... Марья Моревна взяла у меня лук, легко сняла с него тетиву и уложила его в чехол.

И только когда мы шли обратно к дому, скорее нащупывая тропинку, чем видя ее, я осознал, что песня ведь была похоронной. Меня похоронили для Яви, чтобы впустить в Навь, которой надо было выбрать для меня невесту. Равную мне, желанную, чтобы мы сумели быть вместе во веки веков.

Бабушка и дедушка бок о бок живут столько лет душа в душу, а мой отец бродит по миру, как будто нет у него ни дома, ни огромной семьи... Судьба у него, как выражаются ворожеи, «злодейская». Вот он и ищет женщин со схожим фатумом, тащит и тащит их в дом. Да, это спутницы его жизни. Это матери его детей. И лицом они чем-то схожи, и устремлениями. Но...

Я не хотел себе такой судьбы.

Утром Аля взяла яблоко и, кинув его на блюдечко, с экспертным видом сказала, что соколиное перо, судя по геотаргетированию, вместе со стрелой упало где-то в Японии, неподалеку от Токио, в префектуре Сайтама, район Канто на острове Хонсю. Отличная у них спутниковая навигация, у этих блюдечек.

* * *

— Эй, не так быстро, — Томоко выставила вперед руку, чтобы остановить идущую ко мне деву. Расчет оказался неверен, и широкая ладонь уперлась в выдающуюся левую грудь, закрыв собой розовый шрам, который хозяйка груди явно не собиралась прятать или маскировать. А может, так и было задумано. Потому что фокус сработал, и скандинавка в замешательстве уставилась вниз.

Томоко рефлекторно немного сжала ладонь. Ситуация накалялась.

— Ох, такие мягкие и упругие, — выдала «комплимент» пацанка и еще раз сжала ладонь. — А лифчики на ваш север вообще не завозят, да?

Если бы поблизости водились цикады, они бы сейчас пригодились, чтобы разбавить тишину.

— Ты, верно, из клана потомственных камикадзе?

В додзё, где квартировал клуб айкидо, толпа желающих потеснилась, а кто-то, кажется, побежал за попкорном или местными чипсами, чтобы развлекаться зрелищем не на голодный желудок. В нашем углу я помогал Томоко надевать тренировочные доги, в дальнем углу валькирия, вооружившись стопкой шпилек, собирала косу в причудливый бублик на затылке.

— Я одного понять не могу, — шепотом призналась мне Томо, пока я помогал ей разминаться. — Откуда она знает, что мой дедушка в качестве живой торпеды был запущен в американский линкор?

— Э... — я невольно подвис. — Женская интуиция?

— Какая эффективная штука. Вот бы ей овладеть!

Я чувствовал себя будто в одном из тех всратых юмористических шоу, которые иногда попадались мне на ТВ по ночам, пока я еще пытался ознакомиться с японским менталитетом столь очевидным способом. Со временем стало ясно, что юмор жизненных ситуаций здесь еще специфичнее, чем это показывают. С тех пор телевизор я не включал и японские каналы в интернете тоже не посещал — на всякий случай. Сейчас мы, наверно, скорее представляли пару бокэ и цуккоми. Пока бокэ порол чушь, цуккоми было положено взять бумажный веер и не по делу подкалывать оппонента. Но я не уверен, что изнутри пары это смотрелось так уж весело. А развлекать окружающих сегодня в мои планы не входило.

— Бой рукопашный, силы не используем, — обозначила условие Томоко.

— Тогда ты проиграешь, — покачала головой дочь севера и в качестве демонстрации двумя пальцами согнула монетку. — Мое тело — это тело благородного аса, смертному не одолеть меня.

— Ага, — просияла она и тут же рванула в атаку.

Я мог лишь вздохнуть. Изаму-куну определенно не стоило пересказывать школьной подруге сюжет «Властелина Колец». Хотя, справедливости ради, ей понравилось.

Томоко хилой не была. Она наносила удары быстро, блокировала встречные движения под правильным углом. Но...

Валькирия до сих пор не сошла со своего места, не сделала ни единого шага, уйдя в оборону, иногда разрываемую парой точных прямых ударов. Чего-то ожидала? Я понял, чего.

Томоко пробовала подойти с боков — она чуть разворачивала корпус и продолжала тактику. Пробовала обманные финты и маневрирование вокруг — и ничего. Создавалось ощущение, что подруга била каменную стену. Впрочем, повредить противницу ей все-таки удалось. На запястье скандинавки вспухла небольшая царапина: неаккуратные движения ногтем — серьезная проблема в подобных спаррингах. Просто ужасная. Неровно подстриженный ноготь опаснее серии ударов в корпус, кто бы мог подумать.

«Вот сейчас».

Я не ошибся. Валькирия чуть наклонилась вперед и, не изменившись в лице, в одно движение сгребла они одной рукой за плечо доги, а другой — за пояс. После чего просто подняла над головой, подержала секунд двадцать на вытянутых локтях и аккуратно опустила на татами спиной вниз. Томоко вздохнула и дважды хлопнула ладонью по полу, давая сигнал «я сдаюсь». Встав, поклонившись оппонентке, она вернулась к кучке своей одежды и старалась не смотреть на меня.

— Прости, я проиграла.

— Да, ты слаба, — кивнул я.

Томо печально опустила голову, явно расстроенная моими жестокими словами.

— Не как йокай, а как воин. — Я взял ее за ладонь обеими руками, слегка сжав их. —

Нет ничего позорного проиграть тому, кто лучше подготовлен.

В мою сторону размеренным шагом шла валькирия, и ее лицо не предвещало ничего хорошего. Я отпустил руку она, присел на одно колено и с размаху впечатал пальцы в пол.

— Призыв. Зигфрид Зигмундсон, владелец Золота Рейна.

Между мной и дочерью асов свистнул холодный ветер. Где-то захлопали прямоугольные паруса. Из пола выросла бледная тень, призрак исторической легенды, сын нидерландского короля Зигмунда и королевы Зиглинды, герой-кузнец, чье правое плечо выдавало бывшего молотобойца. Как там было в старой сказочке?

«Еще юнцом безусым был королевич смелый,

А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,

Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.

Отменно воспитали родители его,

Хоть был природой щедро он взыскан без того.

Поэтому по праву воитель молодой

Считался украшением страны своей родной».

Когда валькирия посмотрела на меня, на ее лице было написано явное отвращение. Она повернулась к призраку, и выражение сменилось на сочувствующее. Поднятая рука означала, что дальше события развиваться не будут.

— С прадедом я не стану сражаться, и твои мерзкие шутки мне не нравятся. В этот раз предлагаю ничью.

Она развернулась и, не дожидаясь ответа, ушла переодеваться в свою немислимую юбку.

* * *

— Мама, а кто в мире сильнее нас, северных асов?

Свейс, валькирия, выходные всегда проводила с семьей. Пусть воины сами себя собирают, а мед сам себя разносит. Недоставало еще дочери уделить мало внимания. Свейс, в детстве предоставленная сама себе, дала слово не повторять ошибок старших.

— Нет в мире никого сильнее нас, северных асов, — она взяла маленькую Хильду на колени и села вместе с ней в кресло. Хильда свернулась клубочком. — Но есть те, кто по силе с нами сопоставим.

Так начинался обычный мирный вечер в этой небольшой семье. Свейс часто рассказывала сказки разных народов, и маленькая валькирия внимательно следила за развитием сюжета. Когда мама была занята или находилась на работе, рано научившаяся читать Хильда ныряла в книжки, и наблюдение за хитросплетением выдуманной истории было для нее привычным развлечением.

Сегодняшняя сказка была про богатыршу, обитавшую совсем неподалеку — на русских землях.

— И когда выдал Иван-Царевич замуж трех своих сестер, сам он нашел себе ровню: то была степная воительница Марья Моревна, королевна, дочь морского царя. Была она, как я уже сказала, не только хороша собой...

— Но и умна собой! — не преминула прокомментировать Хильда.

— Конечно, и крайне умна. Поэтому когда пленила она Кощея, триста лет он у нее в цепях просидел. И вот понадобилось Марье Моревне навестить родню. Уезжает она и говорит супругу: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать, не то худо нам придется».

Малышка наморщила нос.

— Но он же ее не послушался!

— Конечно, не послушался. Он же только сейчас стал Иван-Царевич, а до этого был кто?

— Иван-дурак!

— Точно. Поэтому вот уехала Марья из дому, Иван и открыл чулан, отворил дверь — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Дай мне воды, говорит Кощей. Иван смотрит на него: ну что будет, ну дам я ему воды.

— Точно дурак.

— И ладно бы он ему стакан воды принес. Так целое ведро притащил. Первое Кощей выпил целиком — и еще попросил. И второе ведро выпил. И третье. А как третье ведро воды закончилось, разорвал Кощей двенадцать цепей и ушел из подземелья. Да не просто ушел, а Марью Моревну нашел и с собой увез!

Хильда немного помолчала, ошарашенная поворотом сюжета.

— А потом что? Иван его догнал, по шее наkostenялял, Марью забрал и Кощей обратно приковал?

Свейс чуть нахмурилась. Дочь погрязла в сказках, и с этим пора что-то делать. Правда складывалась порой куда причудливее старинной байки.

— Нет. Не догнал. И догонять даже не стал — не сумел бы. Кощей степную королеву увез в тайгу, и там поняла Марья, что без Кощея ей уже жизнь не мила. Единственный мужчина из всех встреченных, который был умен. Она ведь на что сообразительная, и даже она его еле-еле обхитрила, помнишь, я раньше рассказывала. И с кем бы Марья ни была — все дураки, им говоришь одно делать — они другое, их человеческим языком просишь не делать — они наоборот...

— И что же, так они вместе и остались?

— Да, Хильда, так они по сей день и живут. Марья не только богатырша, но еще и ведунья, сильна ее колдовская сила. Кощей — тот вообще вроде бога смерти, не от нашего он мира, а потусторонний. И детей у них много, и все ворожат, умеют с иными мирами разговаривать. Язык мертвых понимают. Не всегда честно сражаются, потому с ними никто и не воюет.

* * *

Хильда Свейсдоттир (дочери валькирий не брали имя по отцу — ни одна валькирия не обязана отчитываться, от кого ее ребенок) стояла в парке, окружающем старшую школу Сайтама. Идти на клубное занятие ей не хотелось.

Обычный русский школьник призвал ее предка. При всех, особо не церемонясь, ни о чем не заботясь, выдернул прадеда из Вальгаллы, только чтобы потешить свое самолюбие и указать ей на необходимость соблюдать субординацию. Лицо у него тощее, тело худое, о загаре речи не идет — Кощеево отродье, вырос в тайге. Небось ему Марья Моревна блинчики жарит. Богатыршей Хильда не восхищалась, но не могла не уважать свободу ее выбора.

Однако беспринципность оставалась тем качеством, которое Хильда понимать не могла, да и не хотела.

Она потеряла старый шрам на груди и, черкнув куратору клуба весточку в мессенджере, направилась домой. Ванна сама себя не примет. А отмыться ой как хотелось.

* * *

— Константин-кун, а ведь ты мне должен.

— Томоко-тян, да разве? И почему?

— А я ее ногтем зацепила, у меня на руке кровь осталась. Ты поэтому и сумел призвать ее предка. Ты же у меня эту кровь на ладонь взял.

Какая сообразительная.

— Ну допустим, великанша-тян. И что же я теперь сделаю для тебя?

— А давай смахнемся? Призыва родственников я не боюсь, все живы и здравствуют, а кто не жив — тот меня не интересуется. У тебя есть сила, а мне до сих пор ничегошеньки не показал.

Я помахал головой.

— Не в том дело, кому что показал. А в том, что я не хочу.

— Но я же тебя выыыручила.

Уголки ее глаз дрогнули, края губ поползли вниз. Я не хотел с ней сражаться, ей и так досталось от северянки. Но она была очень расстроена, такого я допустить не мог.

— В этот раз, давай честно, ты действовала по собственному желанию, и я тут ни при чем. Но поскольку я тебя обижать очень не хочу, давай, так и быть, замутим какое-нибудь быстрое соревнование.

Томоко воспряла духом.

— Совсем быстрое?

— Да. Вот, например, камень-ножницы-бумага. Достаточно быстрое. Я уверен, что удача — тоже часть силы.

— Не годится, — они не любила сложные игры. Любая игра, где практически не нужно было двигаться, считалась сложной.

— Тогда, может, проверим скорость реакции и силу одновременно? Тебя устроит армрестлинг?

Томоко уже полностью оделась и приладила ремень на место.

— Конечно. Тем более что в спортзале есть для него отдельный стол!

Сказать, что я раздавил ее волю к победе — соврать. Воинственность она не потеряла даже после седьмого раунда (то есть седьмого проигрыша подряд). А вот костяшки на пальцах раздавить было бы проще. Не знаю, с какой скоростью заживают горные великаны, и проверять тоже не хочу.

— И между прочим, в армрестлинге ты прекрасно работаешь. Только у нас с тобой чуть разные весовые категории.

Томоко потирала тыльную сторону руки, по цвету напоминающую лобстера, но начала отчетливо улыбаться.

— Давай так, чтобы было честно. Ты мне сегодня и правда помогла. — Рассказывать про чужую грудь было бы неправильно, поэтому уточнять подробности я не стал. — Пойдешь со мной гулять на Обон? Я знаю, что у вас на День мертвых устраивается целый фестиваль, на котором куда веселее проводить время, когда ты в приятной компании. И еще я устрою тебе небольшой сюрприз. Тебе точно понравится.

— Точно?

— Точно-точно.

— Хорошо, Константин-кун. Запишу себе в календарь, чтобы не прощелкать.

Вернувшись домой, я встал к плите. Ужин сам себя не сделает. Сварить курицу и порезать салат не так уж сложно. Хорошо хоть хлеб выпекать не надо.

В декольте валькирии (как назло, ее имени я не узнал) я упал глазами не потому, что грудь выдавалась на половину квартала. Меня смутил шрам. Показалось, что он был оставлен каким-то колющим оружием. Копьем, быть может, или пикой. Бердышом. Яри.

Буду откровенным, на след от стрелы это было похоже. Но времени в кабинете комитета у меня было всего ничего, и при переодевании в додзё я тоже ничего не разглядел. Шрам требовал внимания. Мне был срочно нужен хитрый план.

— Дедуль, привет. Да, по видеосвязи. Мне бы собрать несколько человек из семьи на разговор. Да ничего страшного, тут вопрос, как развести северную валькирию на показать сиськи. Дед, я серьезно.

— Эй! — зычный голос Кощея раскатился по всему дому. — Есть тут кто в сиськах понимающий? Костику нужна помощь специалиста по грудям и гарным девкам!

Перед камерой дедова смартфона быстро набилась целая толпа: сестры, тетки, посередине хозяин мобильника. Ох, чую, сейчас мне насоветуют...

— Костик, привет! — семья дружно махала рукой. Я тоже был рад их видеть. — Что там у тебя за беда, что срочно нужна помощь стадного интеллекта?

Я вкратце объяснил и про валькирию, и про шрам.

— А, делов-то! — тетя Ада вытирала руки о передник. — Подойди да скажи: мадемуазель, я бы вам впендюрил-с. Может, по морде получишь, а может, и сиськи покажет.

— Согласна, дело нехитрое, — старшая сестра Лика вынимала из уха гарнитуру, чтобы не мешалась. — Посмотри, где девка ходит. Там, где ходит чаще всего, на дерево залезь и с него спокойно рассмотри.

— Что за ретроградство самому на дереве сидеть? — сестра Олена была программистом. — Камеру повесь, потом сможешь хоть как кадры увеличивать. Сисек на год вперед насмотришься.

— А я бы нашла спеца по колющему оружию, — подняла брови тетя Ида, художница. — И его бы отправила за деньгу малую. Он точно скажет, от чего шрам. Правда вот, Костя, сиськи ему показывать будут, не тебе.

— Хоспади, братик, нашел проблему, — сестра Аля ненавидела, когда я разговаривал о девушках. Я подозревал ревнивицу в этой малолетней любительнице пирожков и яблок. — Тихо убей, раздень, посмотри. Воскресить потом не забудь.

Совет был хорош, но неадекватен.

— Алечка, ты такая добрая, — не удержался я.

— Братик, ну если сам не хочешь, давай я приеду и всё сделаю?

Дружная семья отозвалась хором:

— АЛЯ, НЕ НАДО!

Я еще немного поболтал с родными и ушел в раздумья. Был нужен план.

Итак, вариантов больше одного.

Вариант 1: похитить, раздеть, рассмотреть, расспросить. Крику будет... в школе лучше не появляться. Желательно вообще.

Вариант 2: изучить повадки, подглядеть. Вот уж не думал, что буду в сознательном возрасте ныкаться в душевой и подглядывать там за девушками.

Вариант 3: принять как данность, что шрам именно тот, на который я надеюсь. Вступить в более близкие отношения и спросить.

Вариант 4: не принимать как данность. Найти кого-то, уже имеющего более близкие отношения. Пусть он спросит.

Вариант 5: использовать технику и делать какие-то выводы по итогам наблюдений.

Вариант 6: вместо техники использовать ниндзя.

Голова начинала закипать.

Задача, с самого начала казавшаяся непростой, после разностороннего изучения была вообще нерешаемой. Вариантов много, все они разной степени бредовости. Других дел до чертиков. Спать нельзя переставать, иначе организм засбоит. Обязательно нужно нарисовать себе рунический круг у кровати, чтобы хоть как-то восстанавливать силы. Курица эта еще. И на улице всё жарче...

«Пап, привет. Мне нужна твоя помощь как профессионала».

Смартфон молчал. Ну, мало ли где сейчас может носить Кощеева-старшего. Даже не знаю, завезли ли в эти края интернет, хотя бы спутниковый.

Через полчаса мессенджер ожил.

«Привет, Костян. В смысле профессионала? Стырить девку с целью получения прибыли, что ли?»

«В том и прикол, что стырить, но чуть ли не в матримониальных целях. Прикинь, стрелу выпустил еще на Купало, а девку с похожим шрамом нашел только сейчас. Вот думаю, та, не та».

«Дело хорошее! Ты где?»

Я сверился с картой.

«Япония, о-в Хонсю, агломерация Большой Токио, район Канто, префектура Сайтама, Старшая школа Сайтама. Я тут в общежитии, учусь с начала года».

«Ну, мелкий, даешь. Я чутка в джунглях застрял, низовье Амазонки. До тебя доберусь через пару недель. Будь готов слать сигнальную ракету, а пока я еду, не забудь повтыкать на сакуру. Говорят, красиво — п***ц. И мне пару фоток сделай».

Из пяти сотен вариантов я выбрал пятьсот первый. Что-то мне подсказывало, он был не худшим и достаточно веселым.

«А теперь да начнется время охренительных историй» — с этой мыслью я сел на пол, зажал в ладони сувенирную монетку и приготовился получать от собственного оружия косточкой по тылке.

Карачун соизволил выйти, что добавляло оптимизма.

— Ну что, житель проруби, ты снова здесь?

— И тебе здравствуй, Карачун.

Скелет не смутился. За косточкой, кстати, тоже лезть не стал.

— Время неудобных вопросов и неподходящих ответов. Помнишь, что я тебе в прошлый раз сказал?

О да, я помнил.

— И что об этом думаешь?

— Мне кажется, ты предвзят.

Чего я хотел?

Завести настоящих друзей, для которых я буду собой, Константином, а не наследником могущественного рода в мире, где важна лишь сила и влияние.

Быть достойным отца и деда, легендарной бабушки и исторических предков, чтобы они мной заслуженно гордились.

Не проигрывать я хотел. Продувать на ровном месте какой-то дохлой волосатой тетке мне не понравилось.

Девушку я хотел, причем в самом невинном смысле этого слова. Нормальную, чтобы не померла от малейшего чиха. Семья для любого должна быть островком безопасности в этом гребаном мире. Как горшок с питательной почвой для цветка, как подходящая вода для рыбы. А когда девушка помирает от того, что муж расслабился — нахрена такая семья мне и ей?

Карачун, безвылазно сидевший в моей голове, закономерно поинтересовался:

— А сила тебе тогда зачем?

— Ну, тут все сложно. С традициями предков и так все ясно. С друзьями тоже. А с невестой... Если уж Навью мне суждено встретить нареченную мне под стать, то чем сильнее буду я, то тем сильнее будет и невеста. Кошечевы — род древний, недоброжелателей у нас много. Когда я займу свое место, став главой, я не должен страшиться за семью, бизнес, дом и будущее. Если жена сильна, а муж нет — это смешно. Если наоборот — страшно. Если оба сильны — всё идет как должно. Если слабы — история закончится слишком быстро.

— Мудрено.

— Я о чем. Если мне нужна сила, я ее получу, так или иначе. И если мне для этого надо начистить тебе хлебало — так и сделаю, когда будет нужно.

— Скромновато только для такого требовать силы. А большего, чем спокойная жизнь, тебе не надо?

— А меня устраивает то, что я имею. У меня есть своя магия, поддержка семьи и определенность в жизни. А ты для меня выглядишь как иная неисследованная форма существования, что несколько подкупает своей новизной. Я же в каком-то смысле человек, а в каждом хомо сапиенс живет дух авантюризма, требующий изучить неизученное и впихнуть невпихуемое. Набить морду черепа собственному оружию и стать таким образом сильнее — это звучит настолько абсурдно и нелогично, что грех не попробовать.

— Так попробуй, — ухмыльнулся череп.

Я был уверен, что быстр и внимателен. Карачун моментально поймал меня на нехватке скорости, и я получил чувствительный удар в левый бок. Ребро заныло.

Я знал, что умею защищаться. Пропущенный финт, прилетевший в бедро, доказал обратное.

Я думал, что свое оружие знаю и люблю. Карачун же одной рукой раскрутил ровно такую же двулезвийную глефу над головой параллельно земле, после чего немислимым движением поймал ее и, используя как дубинку, отделал меня обратным хватом. Я даже не подозревал, что этот маневр возможен.

Выходил из боя я оборванным и побитым — но опиздюленным заслуженно. Я точно знал: для моего оппонента при вступлении в спор не являются аргументом ни дружба, ни неукротимый дух исследователя. Надо еще обладать обоснованием. А кроме силы у него ничто не котировалось.

— Я вернусь завтра.

— Поумней, — Карачун хлопнул дверь.

Я знал, что завтра будет то же самое.

Дни полетели в ожидании чуда. Хотя какое там чудо, так, бадины бизнес-навыки, отточенные за века.

По утрам я соскребал себя с кровати и кое-как собирался. В школе я осиливал особенности йокайского метаболизма и правила поведения в японских корпорациях (а еще выверты психики, органическую химию, вотэтоповороты современной литературы, японский канцелярит, физику, социологию и до кучи несколько общеобразовательных предметов). Потом я скакал горным козлом вокруг плиты, стиральной машинки, разномастных тряпок для вытирания разных видов пыли и учился домоводству, радуясь бесплатной еде. С халявными бенто не сложилось, поэтому я, страдая от собственной социальной неподготовленности, купил себе контейнер и клепал еду самостоятельно, чтобы не разориться на онигири. По вечерам я дорисовывал еще две руны в круг и иногда чесал языком по смартфону. Жизнь шла, самая поздняя сакура отцветала, фотографии ожидали своего часа, я переставал бояться сковородки и однажды даже полностью самостоятельно смог приготовить омлет и не взорвать кухню. Исполнившись уверенности, я вошел в май.

Наступила «Золотая Неделя». На этой бесконечной череде государственных праздников я позволил себе выдохнуть: книги не то чтобы покрывались пылью, но учебой я не злоупотреблял. Изаму, тыкая пальцем в календарь, объяснял, что празднуем. Сначала было первое мая. Потом наступил День конституции. Потом был День детей, а между ними случилось 4 мая: хоть своего праздника он не имел, разламывать неделю торжеств единственным днем правительство сочло негуманным и поэтому назначило его государственным выходным. Я впервые увидел, что такое производственный календарь. Жизнь была чуть шире, чем я представлял, наблюдая из окна родовой усадьбы.

Я развлекался, гулял по городу, иногда по вечерам пинал особо наглых мононокэ и не никуда себе не записал, что скоро придут они.

Промежуточные тесты.

За каких-то чахлах три дня японские школьники должны были сдать срезовые работы по всем предметам.

— И помните, — Ая-годзэн подняла сухонький пальчик, чтобы привлечь наше внимание. По поводу недавних праздников она была в черном официальном кимоно. — Если в процессе сдачи вы используете сверхъестественные силы, тесты будут считаться

проваленными. И я буду за этим следить, как и все остальные сэнсэи.

По классу прокатилась серия тяжелых вздохов. Я понял, что попал. Если семья узнает, что я завалил хоть один тест...

— Спасай, — в перерыве я навис над книжным волком. Изаму ответил страдальческим взглядом, после чего патетически вскинул руку.

— Non est salvatori salvator, neque defensori dominus. Кто будет сторожить сторожей, и кто спасет спасителя?

Я недоумевал, к чему театральные жесты, если речь о жизни и смерти в прямом смысле, без кинематографики. Тот фыркнул и пояснил:

— Может, со стороны я и похож на книжную моль. Только вот, если ты не заметил, у меня как раз куча проблем. Я зачитываюсь на уроках не тем, чем надо. И сэнсэя тоже слушаю один раз из пяти.

— Да ты гонишь, — я похолодел.

— Хотелось бы, — Изаму при мне достал тощую стопку тетрадей и по одной открыл их, демонстрируя в лучшем случае три исписанные редким текстом страницы. На конспекты не тянуло.

— Томоко-сааааан? — решили мы хором обратиться к соседке.

— Sila est' — uma net, — фанатик боевых искусств, надев на лицо широкую ухмылку, ответила исковерканной русской поговоркой.

— Uma ne pado, — машинально поправил я ее и горестно вздохнул. — Неужели без вариантов?

— Ну, вообще есть один, — Изаму по-собачьи принялся. — Пошли-ка по следу. Нам тут всем нужен... спаситель, и бегают он не так быстро. К следующему уроку догоним.

— Хоп! — Изаму показал рукой на неприметного Ханаваро Кавагути, которого мы долго и упорно выслеживали весь обед. — Помнишь, ты еще интересовался, почему ему на уроках вопросы не задают. Он ботан, знает всё, спрашивать его бесполезно: пока будешь расшифровывать, что он ответил, урок закончится. Но умен, зараза, на редкость. Кажется, если он просто стукнет головой по учебнику, выпитает его вместе с обложкой.

Я решил не терять времени даром.

— Ханаваро-сан! — крысенок втянул голову в плечи, но убежать не стал. — У вас случайно не найдется пары минут?

Хана-кун, как я его про себя окрестил, смотрел снизу вверх. Разница в нашем росте составляла почти полтора раза.

— Ханаваро-сан, — я, склонив голову, подбирал самые вежливые выражения, — я учился днями и ночами, но моя пустая голова не стала ни на каплю умнее. Если бы у вас была возможность объяснить мне несколько самых сложных мест в предметах, которые вы наверняка знаете лучше сэнсэя, моя благодарность была бы безгранична.

— Кощеев-сан, — недзуми выпрямил спину, — что ж вы раньше не сказали? Мое время достаточно свободно. До промежуточных тестов мы точно уложимся.

Изаму и Томоко сделали стойку, внимательно развесив уши на разговор.

— Ханаваро-сан, могу ли я злоупотребить вашей добротой и любезностью? Мои друзья испытывают те же проблемы, и если мы смогли бы заниматься совместно, удалось бы спасти сразу троих, а не только меня одного.

Недзуми оглядел подскочившую компанию и вздохнул.

— Ладно, давайте на «ты», что уж формализировать и разводить грязные инсинуации.

Константин-кун, а ты неплохо болтать научился, я прямо впечатлен.

Судя по выражению лиц шерстяного волчары и горячеголовой они, такого от школьного ботана не слышали ни разу. Мы отправились обратно в класс.

— Осталось понять, где можно собраться, — задумался Изаму.

— Библиотека? — предложил я очевидный вариант.

— Перед тестами там всегда толпа народа. Нервного и очень нервного, потому что все пинали болт в выходные, — возразил мне АСМР-волк. — В клубе то же самое. У меня не вариант. В семье... сложная обстановка.

— У меня тоже, — прикинул свои возможности Кавагути. — То есть дедушка будет рад, причем чрезмерно. И ребята тоже... слишком рады. Учиться не получится.

— Значит, у меня? — решил я. — Правда, будем вчетвером в одной комнате. Тесновато, но поместимся. У меня мало мебели.

— А... — Томоко подняла руку. — Если никто не против, можно собраться у меня.

— Ты уверена? — уточнил Хана-кун с недоумением.

Если я правильно увидел, оба парня были как минимум смущены и в чем-то не уверены. Кажется, я читал, что в Японии среди девушек не принято приглашать малознакомых парней к себе домой. Какие из них малознакомые? Сколько лет нужно общаться, прежде чем тебя назовут достаточно знакомым? Опять гора непонятной информации. Это стоило проверить, но как-нибудь потом.

— А, да все в порядке, — Томоко ободряюще хлопнула парней по плечам так, что у обоих подломились колени. — Папа вас не сильно убьет, наверное.

Наверное?..

Было решено так и сделать. Сменившие одежду (главное — носки!), увешанные сумками с учебниками и тетрадями, в означенное время мы стояли перед старым большим особняком в классическом японском стиле. На первой странице поисковика я прочитал, что будет уместен небольшой букет и сувенир из моей родной страны, и озаботился и тем и другим, раз уж я оказался мало того что не очень знакомым, так еще и гайдзином. Парни скользнули взглядом по моей подготовке, но не сказали ни слова. Вероятно, я всё сделал правильно. К особняку была пристроена какая-то коробочка сомнительного вида. Изаму оглядел ее и присвистнул.

— Дом со своим додзё, однако. Тут семейство за неделю тренируется больше, чем мы все с начала года.

Входная дверь отодвинулась, и перед нами предстала дивной красоты девушка. Я мельком осмотрелся. Копия Томоко, разве что чуть повыше, старше на несколько лет. Одета в домашнюю юкату с широченными рукавами. За ее спиной длинный коридор и обычная прихожая, где аккуратными рядами была выставлена целая армада обуви.

— Наконец-то гости! — открытая улыбка располагала. Девушка отошла вглубь дома, приглашая войти. Сестра? Другая родственница? Томоко не рассказывала о своей семье. Я перешагнул порог, вспомнил о подарках и протянул их обеими руками.

— Добрый день, Танака-сан. Я Кошчев Константин, родом из России. Пусть мой подарок...

— Ара-ара! — великанша всплеснула руками и приняла и букет, и сверток. — Полюбому это матрешка! Старшенькая про вас рассказывала. Проходите же.

Старшенькая?..

Мы пытались вылезти из чрезмерно туго зашнурованных кроссовок и как-то пропустили

момент выхода из додзё трехметрового мужика в тренировочном доги.

Кажись, вот это он не должен был убивать гостей насмерть.

Мужик, не произнося ни слова, прошел в прихожую и поднял всех нас за воротник. Еще три руки остались. Всего их было шесть. Все трое молча висели, не изменившись в лице.

— Мелковаты, — подытожил они и начал переворачивать нас, чтобы осмотреть. Здорово тут у них.

— Папа, а папа. Хватит смущать моих друзей! — вышедшая из комнаты Томоко уже стартовала в начале коридора и явно была не в духе. Сгруппировавшись на бегу, она прописала отцу тройной апперкот.

С трех рук, ага. Мы посыпались в прихожую как горошины из вылущенного стручка.

— Мам, ну а что он? — оправдывалась Томоко.

— Однако, а руки у нашей Томоко-тян из нужного места растут, — прокомментировал я впервые увиденную истинную форму девушки.

Старший они громогласно заржал прямо у нас над головой, порядочно оглушив.

— Проходите, разуйтесь, здравствуйте, шутники. Гости у нас нечастое явление, особенно такие мелкие. Томо-тян, проводи по адресу.

Хана-кун, разложив между нами крупный лист бумаги, рисовал блок-схему. Мы внимательно следили за его руками. Выходило, что если заучить только это, то сдать социологию не представляло труда, поскольку на базовую информацию с легкостью вешались «прочие подробности».

Такими темпами мы осилим все предметы по две штуки в день, и если Хана-кун прав (в чем мы уже не сомневались), материал запомнится чуть ли не сам по себе. Мнемоника, десу. Спасение было близко.

В перерыве между подходом к социологии и человеческой психологии мы пили чай с каким-то крошечным печеньцем.

— Томоко-тян, а у вас такое огромное додзё — сколько человек там тренируется? — полюбопытствовал волк.

— Смотри, — они начала загибать пальцы. — У меня четверо сестер и трое братьев...

Мы дружно поперхнулись.

— ...которые живут в этом доме. Я здесь старшая после папы и мамы. И папа гоняет всех, особо не жалея. То есть додзё должно вмещать минимум десять они. Еще бака-аники («придурочный старший брат», перевел я про себя). Он шляется по миру, пишет нам иногда. Сам говорит, не вернется, пока не победит какого-то рыжего и... зеленого.

— Рыжий и зеленый. Лепрекон, наверное?

— Да, точно ирландец, чемпион. И еще бака-анэсан...

Вроде бы это была старшая сестра? Я что-то уже не уверен.

— В общем, она в додзё не задержалась, ей тир подавай. Наемница, тоже по земному шару постоянно болтается со своими пушками вместе. Папа сказал, что она в маму. Мама у меня как кузнец, только самка. Она как раз в любом оружии шарит, батя больше рукопашку уважает.

В этот момент в дверь раздался интеллигентный стук.

— Да-да, — откликнулась Томоко.

— Томо-тян, — в проеме показалась красотка-великанша, бывшая предметом разговора, — вам пирожков отгрузить? Сама помню, как учеба на мозг давит.

Я осознал, что передо мной мать, воспитавшая десятерых. После чего, не стесняясь,

встал и отбил ей земной поклон.

— Танака-сан, — я должен был как-то оправдаться перед героиней, застывшей в соляной столб. — У моей бабушки, Марьи Моревны, много детей по старорусским меркам. Точнее, их семеро. Ей подарили внуков, но ни одна жена моего отца и ни одна из моих тетушек не родила больше одного ребенка. Я вижу в вас мать, которая, если оценивать жизнь с моей точки зрения, совершила настоящий подвиг.

Выпрямившись, я увидел проблеск в ее глазах.

— Мне говорили, что гайдзины уважают пирожки с яблоком. У нас очень хорошие яблоки аомори, мне их присылает сестра, живущая на севере острова. Тебе должны понравиться. Я сейчас принесу.

Пирожки были изумительными и с полпинка снимали негативное церебральное воздействие оперативного впихивания информации. Воздав еде должное, мы быстро справились с психологией, назначили встречу на завтра и разошлись.

С прошлого моего захода во внутренний мир прошло порядком времени, и я немного волновался, сжимая в руке монетку. Карачун ожидал меня. Когда я подошел к скошенному дому, он уже стоял, подпирая стену. И разговаривать не намеревался.

Когда я получил глефой по голове первый раз, я попенял себе: «Внимательнее, верхний блок нужно ставить быстрее». Лезвия мелькали перед глазами, и до этого момента я парировал всё, что на меня сыпалось.

Когда Карачун прописал мне по тылке второй раз, я начал подозревать, что не в верхнем блоке дело.

Третье же получение удара по башке выдало систему. Скелет целево показывал мое слабое место. И, с его точки зрения, в ситуации сражения до меня это дошло бы куда быстрее.

Я отскочил на пять метров и не выдержал:

— Карачун, ты намекаешь, что в этом сезоне дурак не Иван?

Скелет вместо ответа оттолкнулся от испещренной рытвинами земли, легко сократив расстояние между нами, и его замах не оставлял сомнений.

— Так что, мой дух слаб? Или я опираюсь не на те аргументы, которые тебе понравились бы?

— Да не дух твой слаб, долбоеб ты малолетний, — Карачун остановил клинок в половине ладони от моего лба, и его понесло. — Знаешь ты нихрена, а понтов — как будто в тебе сидит вершина эволюции и вниз смотрит с сочувствием. Слова-то какие. Семья. Друзья. Достоинство. Годами проторчал в усадьбе, как девка в тереме. На улицу вон вышел, а всего запала хватило только по проспекту погулять. Жизни не знаешь. А если не знаешь, как собрался добывать силу? Я должен тебе лекции читать, что ли? Людей узнавай! Мир не из окна наблюдай! Думаешь, если в самообслуживание научился, всё, больше ничем заниматься не надо? Жопа вон плоская как у библиотekarши! Когда тренировался не из-под палки последний раз? Когда добровольно информацию добывал не потому, что семья прикопает из-за несданного экзамена, и не потому, что от этого зависит выживание в ближайшие две недели?

Он сплюнул и исчез, даже не вставив большеберцовую кость на место.

Утро началось не с кофе, а с желания сдохнуть. Внутренний мир проецировал повреждения тела, и организм отказывался верить, что ударов на самом деле не было. Легкие ныли, а ребра можно было пересчитать, не трогая пальцами. И в таких условиях нужно было учиться. Что ж.

— Доброе утро, Константин-кун!

— Привет, Изаму-кун, — я уже успел ободраться обезболивающим и подлечиться за счет мертвой воды. — Слушай, у меня тут, извини за выражение, фрустрация в силу малого количества входящей информации.

— О, чувак, да ты по адресу, — хохотнул Изаму. — Тебе отсыпать или рекомендовать?

— Второе, наверное. Если я уже изучил исторические книги и какое-то количество манги, что б интересного взять почитать, чтобы побольше узнать о мире?

— Смотри, — волк наморщил нос. — Скоро начнется короткий курс йокайского ОБЖ. В его рамках обещают преподавать противодействие оммедо, и там еще есть дополнительный курс, полезный, поэтому нужно взять учебник и к нему в приложение...

На перерывах я пропадал в небольшом томике исторической сводки противодействия людей и йокаев. Оммедзи были со всех сторон интересными личностями. Самым главным их изобретением стали печати. По сути, печать — это воплощенное отсроченное заклинание; на лист бумаги или на клочок ткани заклинатель записывал формулу и мог по желанию дать ей время активации или активировать вручную в любую удобную секунду. Если оммедзи был трудолюбив и усидчив, то без особых усилий, проторчав с кисточкой целые выходные (или насколько хватит сил), он получал сумку, про запас набитую печатями на все случаи жизни.

Редкий пример работы на перспективу. Интересно, такая стратегия поведения преподается в учебных учреждениях, выпускающих оммедзи? Или они просто повторяют этот подвиг из поколения в поколение?

— Волчара-кун, а ты встречал живого оммедзи? Они как в книге, или это что-то вроде поп-культуры, торчащей из каждой манги и каждого романа?

Изаму посмотрел на меня с недоумением, прожевывая клочок рыбы, выуженный из бенто.

— Встречал. Они не попса, книгам можно верить. А почему волчара-то?

Настала моя очередь поднимать брови. Я вообще не понимал, о чем речь и что я сказал не то.

— Я понимаю, дружелюбие и вот это всё, но ты забыл про негласное правило школы. Так что вот тебе загадка. Оками, инугами, кома-ину.

— Хм... выбираю помощь друга.

Изаму наблюдал за танцем эмоций на моем лице, а потом громогласно заржал. Прожевал рыбу, запил ее чаем, а когда успокоился — пояснил:

— Собака. Точнее, пес.

Главное — чтобы этот небольшой демарш не вышел мне боком в будущем. Не должен, конечно, но с этими коренными японцами не поймешь, где они «читают воздух», додумывая смыслы, а где нормально по-человечески общаются.

Я достал смартфон, открыл поисковик, забил туда требуемое и вслух прочитал текст, который теперь мне был абсолютно понятен:

«Инугами — божественный пес, пес-дух, хранитель определенного места. Собакам поклоняются как стражам. Часто в храмах ставят статуи кома-ину как защиту от злых сил: это две собаки, сидящие друг напротив друга, у левой пасть закрыта, у правой — открыта».

Два в одном. Чем, ну вот чем я должен был это прочесть раньше, чтобы перевести криво буквально каждое второе слово?

— Ну, — Изаму встал и хлопнул меня по плечу, — лучше поздно, чем никогда. Я вышел из статуи, которую много-много лет назад принесли в небольшую городскую библиотеку. Место тихое, мирное. Может, поэтому я и родился пацифистом, обожающим книги и шелест страниц. За библиотекой по сей день смотрит милейшая старушка, воистину божий одуванчик. Она сделала так, что меня приняли в семью, и благословила меня познавать окружающий мир не только из книг. Сказала, что каждое живое существо — это отдельная история, достойная прочтения. Но где я, а где семья инугами. Ты не просто так не можешь нормально запомнить, какой йокай чем отличается. Я не самый обычный йокай-пес. С твоего позволения, пойду в клуб АСМР загляну, авось там меня почешут. Встретимся на уроке.

Мы попросились, а я сел читать, что же такое мой товарищ. Выходило страшное.

Чтобы получить нового бога, который будет исполнять желания человека, люди шли на странные вещи. Собаку могли привязать к опорному столбу, положить перед ней немного еды и перерезать шею как раз в тот момент, когда она вот-вот умрет от голода. Или пса сжигали заживо, а оставшиеся кости клали в урну, и через десять лет молитв получали нового ками. Самый популярный метод — заставить нескольких собак драться друг с другом, последней оставшейся в живых дать в качестве еды немного рыбы, отрезать этой собаке голову и доест оставшуюся рыбу. Получившийся ками был недобр и неустойчив, «прикреплялся» к человеку с шаткой психикой (как по мне, другие и не могли провести все ритуалы, будучи в стабильном состоянии) и исполнял его желания в меру своего понимания и паршивого характера. Считалось, что семьи, в которых были люди — хозяева инугами, процветали и становились богатыми. В других префектурах инугами ненавидели и были уверены, что такие дома нужно обходить стороной, поскольку они прокляты. В целом выходило, что самый страшный зверь — это человек.

Что до внешности инугами — всё было очень просто и совершенно однозначно. В своей натуральной форме оригинальный пес всегда обладал хвостом с двумя большими кисточками. А в человеческой форме на каждом инугами было родимое пятно — заметное, крупное, размером со среднюю мышь. Неудивительно, что я тогда засыпался в тестировании.

От обеда оставалось еще минут семь, и я точно знал, как их потратить, раз уж я не так хорош в определении йокаев, как думал. Книга по оммедо, помогай. Я точно помню, там были нужные главы. Меня интересовали шинигами.

Дочитывать пришлось на уроке современной литературы.

Шинигами оказались очень молодыми йокаями. До взрывного роста городов богиня Идзанами, владеющая подземным миром мертвых, справлялась сама, и в отдельный вид шинигами не выделялись.

Когда Япония начала обрастать городами, а население окончательно ассимилировалось и сформировало нацию, Великая мать перестала понимать, что вообще происходит на поверхности, поэтому взяла несколько душ посообразительнее и делегировала им часть своих дел. Они унаследовали звание богов смерти и в нагрузку получили несколько обязанностей: провожать души, обеспечивая им спокойное посмертие; находить тех, кто не

сумел уйти, по каким-то причинам задержавшись; регулировать численность злобных духов, которые не приносили пользу ни йокаям, ни людям. А когда оммедзи открыли города, спокойствие смешанного общества тоже стало головной болью молодых ками.

На стол приземлилась крошечная записка.

«Константин-кун, если ты будешь читать не по теме, подготовка к промежуточным тестам точно будет сложнее. Хотя бы возьми учебник по соседнему предмету».

Мелкий округлый почерк полз ровными строками. Я закатил глаза, но жестом поблагодарил Хана-куна за заботу.

Каждый шинигами имел, если говорить упрощенно, маркировку. Чтобы набрать силу ками, в храме для новой души ставили свой алтарь. Так складывалось, что к нему приходили молиться о защите от какой-то актуальной смерти, пугающей людей больше всего. В итоге получалось, что шинигами, накормленный молитвами, забирал в свою метафизическую собственность смерть по конкретной причине. Это в дальнейшем напрямую влияло на форму духовного оружия.

То есть хозяйка Ледяной сакуры воплотила в себе страх зимы. Точнее, не самой зимы, в ней нет ничего хорошего или плохого... В истории современной Японии, я помню, было несколько неприятных эпизодов, когда из-за внезапного понижения температуры люди замерзали прямо в своих бумажных домах. В стране, где в самый холодный месяц столбик термометра редко показывал ниже минус пяти по Цельсию, это было нонсенсом. Средства массовой информации хватались за такие поводы и набивали свои тиражи жуткими историями. Или сама Ичика была в прошлой жизни жертвой внезапных заморозков, или, что вероятнее, ей возносили молитвы как раз в период распространения страшилок имени Юки-онны, девы зимних горных хребтов, вечно занесенных снегом. Помоги мне не умереть, шинигами. Спаси мою семью. Обеспечь мне спокойное посмертие, не дай уйти в метель, не приноси мне смерти, столь во всех смыслах леденящей душу и сердце обычного человека.

Что до владельца Громовой сакуры, я слабо верил в самую очевидную связь его духовного оружия и вечного страха человечества перед грозами и молниями. Явно была причина поинтереснее, потому его вишня и смахивала на бредовый сон Теслы. Конкретно сейчас рассуждать об этом было не с руки.

Собравшись у Томоко после занятий и работы в клубе, мы сразу получили от отца семейства приглашение в додзё.

— А то сидите в книжках, ноги у вас как палочки, а ручки — как веточки! — разорвался почем зря шестирукий великан. — Из вас же можно нормальных комбатантов сделать! Вон ты, мелкий, — он обернулся к недзуми, — сколько жмешь?

— Со скамьи или с пола? — уточнил Хана-кун.

— С пола, конечно.

Недзуми задумался.

— В прошлый раз жал сто десять, но давно дело было. А есть где проверить? Самому интересно.

— В додзё есть зал, а в нем олимпийский гриф. Пойду блинов поищу, — Танака-сан удалился, немного покачивая корпусом.

— Так, — остудил наш запал Хана-кун, — сначала занимаемся, потом перерыв. В перерыве, если так уж руки чешутся, пойдем посмотрим додзё. Но не раньше!

Томоко приуныла.

Я же горел желанием проверить одну теорию, которую построил буквально недавно, и

попросил полосу ткани, кисть для каллиграфии и чернила. Требуемое нашлось. Я сверился с учебником по оммедо, который любезно предоставлялся библиотекой в рамках курса «Знай своего врага», разложил ткань, обмакнул кисточку и пропустил через нее слабый поток энергии. После этого примерился, выдохнул, очистил разум и аккуратно вывел иероглифы «го каку», символизирующие успешное прохождение экзамена.

Остальные смотрели не без любопытства. Гайдзин, ударившийся в каллиграфию — нечастое зрелище.

— А теперь... — не снимая руку с написанного, я открыл самый зубодробительный учебник из всех, это оказалась как раз специальная социология. Прочитав первые две страницы с легкостью, я довольно улыбнулся: гребаный предмет стал восприниматься и запоминаться настолько легко, словно информация записывалась напрямую в мозг. Жизнь сразу стала проще. Я без труда вслух процитировал учебник близко к тексту, не подглядывая.

Ни один из собравшихся не сумел повторить фокус.

— Кошечев-кун, а ты же человек? — Изаму выразил общий немой вопрос. — Ты, по сути, используешь технику о-фудо и изготавливаешь разновидность печати?

— Не совсем. Только конструктивно человек, — я любезно нарисовал экземпляр для каждого из присутствующих. — Ну, танцуйте, у вас теперь есть собственный оммедзи.

Оперативно вбив в голову еще пару предметов, мы оценили, насколько дело пошло быстрее, и решили проветриться в направлении додзё.

— Томо-тян, а твой папа какими боевыми искусствами занимается? — недзуми чего-то ожидал, но голову в плечи не вжимал. Значит, это что-то ему не угрожало.

— Карате, джиу-джитсу, кэндо, — загибала пальцы Томоко, проводя нас по коридору, — еще пробовал тхэквондо, тайский бокс и айкидо, но не оценил. Из небоевого был пауэрлифтинг и попытка в кикбоксинг. Оказалось, что когда у тебя шесть рук, очень трудно стоять на одной ноге и бить еще одной. Поэтому завязал.

Это он еще капоэйру не видел...

Танака-сан хорошо подготовился. В углу додзё уже высилась гора блинов, а на подставке сиял ОН — великолепный олимпийский гриф.

— О, молодежь догрызла гранит науки. Разминайтесь, и давайте-ка посмотреть, кому сколько нагружать, — они были довольны нашим появлением и махнул одной из рук в сторону угла со шведской стенкой.

— Осу!

После переодевания и разминки мы с любопытством взирали на недзуми, который, не смущаясь своим мизерным ростом, с деловым лицом подтаскивал себе пятикилограммовые диски и уже набрал их целую башню.

— Что?

Мы дружно покачали головой, мол, ты набирай-набирай, если понадобится — вытащим тебя из этой горы. Кавагути навесил себе стартовые сорок кило и улегся на пол. Изаму одной рукой подал ему штангу. Вверх, вниз, вверх, вниз...

Мы поняли намек и добавили еще две пятерки. Вверх, вниз, вверх, вниз...

И еще.

И еще.

И еще...

На ста двадцати недзуми выдохся и предложил попробовать еще кому-нибудь. Инугами прикинул свои силы и начал с восьмидесяти, закончив на ста девяноста.

Дальше, по идее, шел я.

— Танака-сэнсэй, не сочтите за неуважение, но можно со скамьи? Я никогда не пробовал жать с пола.

— Профессионалы жмут только с пола! — ворча, они смахнул со снаряда стопку полотенец. — Ничего, подрастешь — поймешь. Вот тебе скамья.

Я навесил себе стартовые сто. Говорил же, что я не человек. Изаму поднял бровь. Кавагути не удивился. Томоко одной рукой подала мне штангу и оперативно подмахивала блины по мере увеличения нагрузки.

— Эй, сколько там? — я уже не считал, просто выжимая сколько дадут.

— Вообще триста сорок, — отозвался старший они, скучая рядом. — Надо же, а выглядишь хиляком.

Всего-то триста сорок, хотелось с примесью сарказма заорать, но кричать под штангой положено в силовой тяге. На скамье орать не дело. По ощущениям прошло очень много времени. Следующие проверки грозили затянуться.

— Томо-тян, ты хотя бы по десять навешивай, а то до ночи провозимся. А мне еще кактус поливать, я ему обещал.

— Да я не сообразила сразу по двадцать пять добавлять. Так-то уже давно по десять навешиваю, гриф скоро закончится. Давай в следующий раз с трех сотен и начнем. Кто, говоришь, тебя проектировал?

Ответа я дать не мог из религиозных соображений. Впрочем, самое главное сегодня я уже узнал. Мне с детства говорили, что физическую силу отдельно развивать не потребуется, она будет прирастать самостоятельно. Но я не понимал, как связаны триста сорок кило, которые я держал на вытянутых руках над грудью, и моя уверенность, что невозможно прибить противника, тупо стукнув по нему сверху.

Точно, я же просто не пробовал.

— Пап, а тебя вообще в этот момент ничего не смущает?

Шестирукий хозяин додзё не совсем понял, что от него хотят.

— Нет, конечно. Ну триста сорок, эка невидаль. Твой брат в девять лет больше выжимал, ну так он потомок горного они. Здесь видно же, что парень внешне ничем не примечателен, значит, жди сюрпризов. Сила, выносливость, ловкость — выбери любые два. Нельзя требовать одинаковых результатов от лисы и морской змеи, они физиологически принципиально разные.

Я никогда не задумывался о том, как товарищи относятся к моему виду. Я похож на человека больше любого из них, даром что нежить. Наверное, русский лич для них что-то вроде разновидности монстра, которая только выглядит как человек. Есть же у них шинигами и прочие ками? Так чем я от них отличаюсь?

Особенно после теста на силу, да.

С этой светлой мыслью мы покинули додзё и ушли доедать учебники.

Полив кактус и разобравшись с ужином, я морально готовился к главной встрече текущего дня. Монетка нагрелась от тепла руки. Жарковато здесь все-таки, да и приготовление еды не снижает температуру в помещении.

Карачун ждал меня, поигрывая большеберцовой костью пальцами левой руки.

— Триста сорок, значит? Тебя поздравить или посочувствовать?

— Посочувствуй, — я поморщился. — Не применять физическую силу, когда она в наличии и когда ее развитие не требует никакого вмешательства с моей стороны — это

идиотизм.

— Да ладно, — Карачун был настроен оптимистично, и я сразу начал ожидать подвох. — Еще пару полосок разрисуешь — глядишь, и в мозгах просветление настанет, и идеи начнут приходить.

Это он меня так похвалил, что ли?

Выпрямив позвоночник, скелет внезапно ударился в левитацию. По-другому я это оценить не мог: он парил над изрытой поверхностью поля, и стопы висели без опоры.

Если так может Карачун, значит, осилит и его хозяин.

Но на этом изменения не закончились. Он обрастал клочьями темноты, которые складывались в подобие плаща, а потом исчез из поля зрения.

Неведомым чувством я понял, что Карачун все еще где-то здесь. Но движение не выдавало его.

— Эй!

Я ощупал взглядом периферию. Темный плащ клубился рваными клочьями на другом конце поля. А через секунду снова появился передо мной, заслоняя вид на косую дверь и кривой порог. Мне показалось, что он улыбается и что вся эта демонстрация — в целом хороший знак.

Еще раз для тупых вроде меня, Константина Кошечева. То, что может оружие, может и хозяин. Осталось дело за малым: понять, как.

Чтобы разобраться в вопросе, я решил поговорить с умным человеком. К сожалению, в наличии вокруг был только я сам.

Ичика владела какой-то пространственной техникой, позволяющей мгновенно перемещаться на большие расстояния. То, что сейчас продемонстрировал Карачун — это оно же или что-то очень похожее? Он просто стал быстрым? Или здесь другое?

Я вспомнил сражение в клубе кендо, где противник резко стал шустрым и сложным для отслеживания. Тогда с моей стороны не изменилось ничего, ни снаружи, ни внутри. Нервная система не подавала никаких признаков усталости, дыхание сохранялось ровным, мышечная сила была на месте. Однако неизвестный хищник ускорился, выдав мне тысячу тумачи и прыгая вокруг, и продолжал ускоряться, пока не обозначил удар синаем в горло. До определенного момента я успевал за ним, потом перестал.

Щеки загорелись от осознания. Я подавил желание прописать себе фейспалм. Ответ лежал на поверхности. Воистину, хочешь спрятать что-то — положи на самом очевидном месте.

«...усиление тела — это целый спектр боевых искусств, от айкидо, на котором ты постигаешь баланс обращения с собственным физическим организмом, до кендо, где ки можно использовать напрямую. Именно в ки мы наиболее сильны здесь, на Востоке».

Кимэ я владел с детства, каждого молодого кощя ждал курс правильного и рационального обращения с маной. Если ты рожден в Нави, то Навью и питаешься, это обуславливает силу духа. Тело кощя — магический конструктор, внешне он похож на человека и требует много еды и воды для поддержания состояния. Хорошо накормленное и напоенное тело, которому владелец постоянно уделяет время и к которому внимательно относится, очень похоже на человеческое: внутренние органы и обмен веществ в порядке, мышцы мягкие, нервная система функционирует. Тощевато немного, но здесь лучшее — враг хорошего. Я же, с детства умеющий обращаться с мертвой водой, ни разу не дошел собственно до контроля ки. Я не медитировал на постоянной основе, не провел ни единого эксперимента с внутренней энергией и вообще не представлял, как с ней обращаться.

На четвертый день Зоркий Глаз заметил, что у сарая не было четвертой стены.

Я сел прямо на изрытую землю, устроился поудобнее и закрыл глаза. Медитация в медитации — что-то новое. Как спать во сне. На фоне перекошенного дома парил одетый в обрывки ночи скелет, от безделья играющий с собственной костью. Зритель нимало не смущал. Как-то пофиг, он еще не то видел.

В моем представлении ки мало отличалось от мертвой воды. Энергия Нави вокруг образовывала предсказуемые потоки. В детстве меня учили контролировать их, суммировать и посылать куда вздумается, то есть я брал имеющуюся вокруг тела ману и радостно разбрасывался волнами в нужную сторону. Если обратиться внутрь, то энергия ки не должна структурно быть какой-то другой: те же потоки, только еще более предсказуемые.

...поймал.

Я встал, сделал шаг и впечатался в стену. Дом вздрогнул, но выдержал.

— Надеюсь, я тут не сильно тебе всё поломал.

Карачун беззвучно смеялся, но без издевки, продолжая парить.

Следующий шаг отнес меня на десяток метров. Самое главное в прыжке — это

приземление, на нем-то я и запнулся, прокатившись кубарем еще несколько метров.

Дело сдвинулось с мертвой точки.

Еще шаг. Переломанный ковыль обозначал место, в котором я проскользил, вспахивая поле ногой, затормозив не с первого раза.

И еще. В стене дома появилась стильная вмятина. Пусть будет на память...

К пятидесятому шагу до меня дошло, что простое усиление мышц не работает.

Тогда что делать?

К сотому шагу (и третьей помятой стене дома) я отключил голову, и в черепной коробке осталась блаженная пустота, в которой даже не засвистывал ветер. Ответ пришел сам собой. Если хочешь получить эффект на весь организм — следует направлять энергию туда, где этот эффект сможет проявиться на весь организм, куда проще?

Я встал и направил поток на усиление нервной системы.

И все стало медленным.

Волны неведомого ветра проходили по ковылю как в замедленной съемке.

Шелест деревьев растянулся во времени.

Я сделал просто шаг, в котором не было никакой попытки взгреть систему.

И оказался рядом с Карачуном. Он смотрел на меня с высоты, на которую забрался. Я в ответ взирал снизу, отмечая, как вокруг цепенеет мир.

— Ай молодец.

Да, я такой.

— Сам всё вспомнил, но подскажу. Тут, на Востоке, в этом лучше разбираются.

Я и сам понимал, что мне нужен консультант.

— Не спеши, а то успеешь.

Утро было спокойным и не предвещающим сюрпризов. Повязка дисциплинарного комитета отлично выглядела на плече. Жаль только, для ее разглядывания многим приходилось запрокидывать голову.

Идя по аллейке, я бдил по сторонам, и вот нашлось дело, явно требующее вмешательства. Когда начинают общаться таким тоном, кому-то нужна помощь. И надо было поспешить, потому что разговаривали с Ханаваро Кавагути.

— Ты куда пропал, паршивец, домой только ночевать заявляешься?

— Дела у меня. Готовлюсь к промежуточным.

— Ты? Готовишься?! Не лги старшему!

— Проблемы? — вежливым тоном осведомился я, подходя ближе.

— А ты еще кто такой? — старшекласник, грозно рыкнув, развернулся и был вынужден задрать голову, чтобы увидеть мою дружелюбную физиономию.

— Сэмпай, вам известна легенда о крысолове из Гамельна?

— Э... что?

Я вздохнул. И где этот пацифист Изаму-кун, когда он так нужен?

— Перевожу на японский, — я смотрел сверху вниз. — Если я еще хоть раз увижу, как ты, пидорас шерстяной, беспокоишь моего умнейшего, ценного и незаменимого друга, тебя найдут утопившимся в школьном туалете. Ферштейн?

Старшего недзуми сдуло. Младший смотрел куда-то мимо меня с грустным отсутствующим видом. Я положил руку на его плечо.

— Эй, он ушел. Всё хорошо?

Хана-кун встряхнулся и поднял голову.

— Теперь ты знаешь, почему заниматься у меня дома было так себе идеей.

— Не всем везет с доброй и понимающей семьей, но это тоже часть нашей жизни. Он еще будет к тебе приставать?

— Учитывая твой рост — сомневаюсь, да и остальные вряд ли... Константин-кун, а можно вопрос?

— Можно, — дозволил я, — вопрошай.

Кавагути очень аккуратно подбирал слова.

— Есть ли шанс, чтобы одна северная семья из далекой России в самом деле обучала своих отпрысков заклинанию, действующему подобно магии Гамельнского крысолова?

Я улыбнулся краешком губы. Нашему грызуну, оказывается, не чужды гордость и гордыня. а также желание властвовать и командовать себе подобными. Обычный амбициозный чувачок, а не какой-то чахлый ботан. По крайней мере теперь мне было куда проще его понимать.

— В хранилище одного очень самоуверенного семейства, проживающего в далекой-далекой тайге, где тигров больше, чем не тигров, веков уже семь или восемь валяется неброская дудочка. И прежде чем ты сунешь в этот вопрос свой длинный любопытный нос, я скажу сразу: да, проклятый демонический артефакт. И, да, он настоящий.

Хана-кун собрал нас перед уроком и открыл блокнот, чтобы показать свой список подготовки к тестированию.

— Прогрессируем, конечно. У меня еще вопрос, он может показаться неприятным.

Мы напряглись.

— Изаму-кун, — крысенок нехорошо улыбнулся, — у тебя занятия в школе, клуб домоводства, клуб АСМР, книжный клуб.

— Ага, — согласился тот.

— Потом домашние дела и подготовка к тестам.

— Точно.

— Теперь ты, Томоко-тян. У тебя занятия в школе, клуб кендо, клуб рукопашного боя, клуб домоводства, домашнее додзё и работа для дисциплинарного комитета.

— И это я еще ушла из клуба надевания традиционной одежды, потому что всему научилась, — не без гордости отметила дева.

— И ты, Константин-кун. У тебя занятия в школе, клуб домоводства, работа для дисциплинарного комитета и очень много дополнительных занятий дома. Плюс еду ты добываешь преимущественно сам, ни сестер, ни матушки под рукой.

— Всё так.

— Оставьте пока мысли о промежуточном тестировании, подумайте пару минут и честно скажите. У кого какие проблемы?

— С учебой или по жизни? — уточнила Томоко.

— Да вообще. Те, с которыми можно справиться, если подключить расстановку приоритетов и дисциплину.

— Изучение окружающего мира, — выпалил я. — Работаю в этом направлении, прогрессирую как умею.

— Хорошо, — кивнул недзуми. — Томоко-тян?

— Мне бы еще часов десять в сутках.

— Проблема решаема, переезжаешь на Венеру, там один день — это почти сто семнадцать земных суток. Должно хватить. Еще немного подумай. Изаму-кун?

— Английский, — выдавил из себя Изаму, почему-то покрывшись пятнами.

— Серьезно? — удивился я. — Но почему?

— Меня ждет такая стопка непрочитанного, что на изучение другого языка просто нет времени, — устыдился тот.

Я помолчал. Подумал. Мысленно подкинул монетку и с чистой совестью решил сломать один шаблон. Ради его же блага.

— Изаму-кун, ты же понимаешь, что английский является самым массовым языком в мире? На него переведено подавляющее большинство книг. Ты можешь взять только то, что уже существует на японском, и лет через двадцать у тебя закончится твоя стопка книг. Вообще закончится, даже с учетом, что их продолжают переводить. А так ты изучишь английский и за всю свою жизнь никогда не сможешь прочитать даже библиотеку Конгресса. Там тридцать восемь, мать их, миллионов только книг, не считая редких изданий. Умрешь счастливым прямо в читательском зале. Ляжешь там памятником любви к бумажным книгам.

Изаму помолчал, что-то осознал, потом осознал еще раз, а потом, кажется, просветлился.

— Ксо, — произнес он. — Стратегия не моя сильная сторона.

Я поломал друга и его шаблон, но почему стало так хорошо на душе?

— Ладно, — Томоко опустила глаза. — Хотела не думать над вопросом и оставить мой девственный мозг в покое, но не получится. Я не знаю, что делать дальше. Вообще. Глобальные цели есть, а как туда идти — понятия не имею. Не знаю, за что хвататься.

Я даже не стал комментировать крайне двусмысленное выражение о мозге. Недзуми выразил мою мысль достаточно кратко:

— Если ты хочешь следовать путем боевых искусств, то тебе обязательно нужны знания и опыт. Правда, если ты дальше будешь забивать на планы и сидеть в четырех углах додзё, рано или поздно ты упруешься в одну из его стен.

Очень умные размышления, особенно для того, кто большую часть сознательной жизни в четырех стенах и провел, внезапно понял я. Опыт недзуми, кажется, был аналогичен моему. Добровольный отшельник среди соклановцев, привычных к разнохиванию всего мира — каково ему?

Так что, пример бака-аники из семьи Танака и даже жизнь моего собственного отца, мечущегося по миру, не так уж плохи?

Не, бред какой-то.

— Раз уж мы заговорили о будущем, — Хана-кун закрыл блокнот, — давайте-ка сразу обсудим и планы на него. Я не говорю, что сейчас нужно их строить, рисовать таблицы с приоритетами и всё такое, это можно оставить на будущие посиделки, не последний раз собираемся. Просто признать наличие проблемы значит наполовину ее решить.

— Ты к чему вообще?

— Подожди, я сначала закончу мысль. Предлагаю вслух проговорить планы, чтобы понять, нет ли в них глобальных косяков. Опять же, помощь в реализации может прийти с самой неожиданной стороны... Обучение в старшей школе стоит недешево. После него подразумевается, что вы идете в университет или занимаетесь какой-то сложной профессиональной подготовкой. Можно начать с меня. Я планирую в дальнейшем управленческий учет. Подзадолбало, что ребята из моего клана вечно в какой-то грязи ковыряются.

— Со мной тоже всё очевидно, — подключилась Томоко. — Я хочу стать профессиональным преподавателем боевых искусств, а в нынешнее время у общества серьезные требования к этому занятию. Нужно пройти много тренерских часов практики, отлично разбираться в видах подготовки спортсмена, его обучении, воспитании, развитии. Обязательно умение преподавать. А еще соревновательная деятельность и всякие вспомогательные дисциплины вроде фармакологии и профилактика допинга. Семья поддерживает начинание, поэтому я здесь.

— У меня всё не так радужно, — поморщился Изаму. — Я бы после средней школы прошел подготовку по библиотечному учету и засел известно где. Однако же у моей нынешней семьи свои планы.

— Почему ты так страшно выражаешься? — подняла брови Томоко.

— Можно сказать, что я приемный.

Кажется, это тоже не принято обсуждать вслух. Великанша, моментально замолчав, не собиралась продолжать мысль, поэтому Изаму снова ушел в монолог.

— И у них свой бизнес. Разумеется, охранный, какой же еще. И всем этим нужно руководить. Менеджмент организации — дело нехитрое, нанял управленца — и готово. Но это же типа семейный бизнес. Всех детей они обучают на высшем уровне, чтобы не доверять абы кому.

Мне кажется, он слегка разозлился, пока рассказывал. Обстановку пора было разряжать.

— Изаму-кун, а не хочешь на каникулах проветриться немного? Я приглашаю.

— Далекко?

— В Сибирь. Мое семейство очень радуется гостям.

...которые не умирают в присутствии хозяев, умолчал я. Фраза неплохо отражала главную проблему в кощеевой усадьбе. Гибель от мертвой воды, которая ручьями лилась прямо внутри дома, японской нечисти не грозила.

— Ей! У вас там медведи по улицам ходят! Оленьи упряжки вместо такси! Pel'meni на завтрак, обед и ужин! Целыми полярными днями светло! Открываешь дверь, выкапываешься из сугроба, и это всего лишь июль! — Томоко запрыгала на месте. — Правда приглашаешь? У вас продают лещей? А долго добираться? А шуба лишняя найдется, а то у меня нет ни одной?

— Идея хороша, — Изаму улыбнулся, хотя и немного криво. — Я уже давно собираюсь свалить куда-нибудь подальше от цивилизации да почилить там, только вот не зовет никто.

— Я бы тоже на оленях покатался, — внезапно подал голос Хана-кун. — Никогда их живую не видел. Константин-кун, а ты здесь зачем?

Пара цикад в кармане не помешала бы, чтобы разбавлять такие вот моменты их бодрым стрекотом.

Я убедился, что никто не развешивает уши, и вкратце рассказал.

Нет, цикаду однозначно пора заводить.

Благодаря свежим печатям с нужными иероглифами мы начали справляться с учебой в разы быстрее. Времени до проведения промежуточных тестов оставалось всего ничего. Я совершенствовал свою руническую вязь вокруг кровати каждый день. Главной идеей стало «солдат спит, служба идет». По-другому осваивать огромные объемы информации, тренироваться во внутреннем мире и учиться во внешнем было невозможно. Добавились медитации, нацеленные на освоение ки. Мозг сопротивлялся, но тело уже воспринимало попытки разобрать внутренние ресурсы энергии. Я был счастлив, что взял в нагрузку только

один клуб и дисциплинарный комитет. По-другому меня бы разорвало на много-много маленьких кощеечьих косточек.

Мне следовало быть осторожнее с магическим усилением. Халява не обещала быть вечной. Сначала подъяедались запасы тела, которое хотя и было не совсем человеческим, но конструировалось подобно ему. Потом шла очередь резервов духа. Конвертация мертвой воды тоже имела свои лимиты. Рунические вязи помогали расширить горизонты, но стоило мне хоть немного выйти за пределы допустимого — отдача гарантированно замучила бы. Ничто не берется из ниоткуда и не проходит бесследно, как бы избито ни звучало. Подобные методы применялись как энергетика в период чрезвычайных происшествий и в качестве боевых стимуляторов в далеком прошлом. Экзамены с их дедлайнами и авралами были уважительной причиной для использования усилителей... я так считал.

Пока в утро перед первым днем промежуточных тестирований не свалился прямо в школе с чудовищной, невыносимой головной болью. Изаму любезно отнес меня в медицинский пункт, и над моим тощим телом, положенным на кушетку, склонилось строгое лицо Рингёко Масуды, «сэнсэя из медкабинета». На мой лоб уже лепили пластырь на прохладной гелевой основе. Я упал в блаженную темноту, разрезаемую иногда ярким ментоловым запахом, щекочущим ноздри.

— Добрый день, Кощеев-сан. Вы проспали только половину одного урока. Я отправила записку преподавателю, сообщив о вашем отсутствии. Вот что мы получили в ответ...

Сэнсэй помогла мне присесть и вслух зачитала:

— Передача тестирования по предмету «Общая психология» назначена на завтрашний день, сразу после базовых занятий. Клубы во время промежуточного тестирования всё равно не работают. Пусть ученик выздоравливает, болеть вредно. Подпись: Тэншими Мията-сэнсэй.

Я улыбнулся, что несколько украсило мой бледный вид.

— Итак, Кощеев-сан, вас приносят на плечах и кладут на кушетку медицинского пункта. Ваше тело — магический конструкт, оно живое, но истощенное, не получает нужной поддержки от владельца и расходует внутренние резервы. Акупунктурные точки при прожати демонстрируют нарушенные потоки ки, а вокруг вас концентрируются странные волны кимэ. Прошу, вкратце расскажите, чем вы занимались всю прошлую неделю, чтобы я смогла вас починить.

Я приходил в себя достаточно быстро. Может, сказывался пластырь на лбу, а может, я просто дал себе отдых. Сэнсэй, совсем молодая девушка, сидела на табуретке, положив одну ногу на другую, и постукивала тонкими пальцами по колену. Пользуясь моментом, я рассмотрел: подтянутая, ладно скроенная фигурка, длинные ровные ноги, аристократичного вида пальцы с неброским медицинским маникюром. Наверняка следит за внешностью. Лицо очень располагало: точеный носик, высокие скулы и острый узкий подбородок скорее отсылали к внешности картинных японских айдалов, воплощения местной поп-культуры, чем к представлению об обычной японской девушке. Пациенты-школьники, должно быть, обожали ее. Однако же ей реально было интереснее смотреть на мои энергетические потоки, чем на меня. Ох уж эти увлеченные специалисты. Я мало от нее отличался, поэтому задумался на секунду, какой именно монстр скрывается за этой красивой оболочкой.

— Я приехал в Японию, умея разговаривать на государственном языке. А вот писать и читать меня учили весьма посредственно. Однако тестирование само себя не напишет и учебники сами себя не прочитают, поэтому я слегка увлекся подготовкой.

Судя по выражению ее лица, не убедил.

— А еще я приехал из того места, где кимэ практикуют с детского возраста, а вот с освоением ки проблемы, у нас им не занимаются. Поэтому я, добравшись до потоков внутренней энергии, тут тоже перестарался.

А вот теперь заинтересовал.

— Кошечев-сан, вы упомянули, что ситуация на вашей родине обратная по сравнению с японской. У нас все с детства осваивают ки, а до кимэ дорастают только старшие сильные йокаи, и они уже, как правило, старшекласники или студенты. Можно попросить вас продемонстрировать какое-нибудь малое оперирование кимэ? Думаю, это тоже поможет мне поскорее привести вас в порядок.

Сэнсэй открыла окно нараспашку и встала рядом с ним, приглашающе показывая, мол, бей сюда, потом разберемся. Я вспомнил, что в школе Сайтама медицинский пункт находится в небольшом автономном здании. Значит, если сейчас я выдам что-то не то, особо это никому не повредит...

— Карачун, — я вытянул руку и привычно схватил из воздуха кость. Проявилось только одно лезвие, и то коротенькое. Но демонстрация есть демонстрация, сейчас мне сражаться не с кем.

Не удержался и тихо добавил по-русски:

— Херани разок, только чтобы стены на месте остались.

Легким замахом кисти я отправил энергию так, чтобы она пролетела рядом с сэнсэем. Волна ушла в раскрытое окно и, судя по звуку, попала в кусок школьной ограды. Металл недовольно прогудел.

— Ага, поняла, — Рингёко-сан закрыла окно. — Дисбаланс, однако. Пара иголок — и полегчает, хотя до конца, конечно, не восстановит. Сейчас принесу набор для акупунктуры, и следующий тест уже не прогуляете.

Я зачарованно смотрел на ее халат, где по всей правой стороне расползались швы. Нитки истлевали и, не удерживая ткань, мелкой пылью осыпались на пол.

Рингёко-сан тоже обратила внимание на свою медицинскую форму и, будто так и было задумано, схватила левой рукой правый бок, чтобы не потерять лицо (и одежду) перед учеником.

— Ладно, переодеться тоже придется.

Сэнсэй, нимало не стесняясь ученика мужского пола, зашла за ширму, где стояли кровати для больных, задвинула занавеску и начала раздеваться. Может, я и оценил бы стройный женский силуэт и дал волю воображению. Но серьезно, вы хоть разок пробовали возбуждаться, испытывая жуткую головную боль? Подобного опыта я и врагу не желал бы. Хотя смотря какому врагу...

Она вернулась в халате уже другого оттенка, а в руках несла пострадавшую одежду, наполненный водой стакан-неваляшку с трубочкой и раскрашенную хризантемами небольшую коробочку. Вот и обещанные иглы.

— Кошечев-сан, вы знаете, чем занимается «преподаватель ёго»?

Ну, чаще всего этого учителя зовут «сэнсэй из медкабинета». Тут я мог поручиться.

— Мне известно, что в должностные обязанности преподавателя ёго входит наблюдение за физическим и психическим состоянием учащихся на протяжении всего учебного года. Также преподаватель проводит осмотр и измерение параметров организма как минимум раз в учебный год, в самом его начале, и если бы я не опоздал на неделю, то тоже попал бы на этот осмотр.

— Всё верно, — Рингёко-сан положила расплзшийся халат на пол, а на тумбочку поставила непроливашку и начала раскладывать иглы. — А как вы думаете, чем занимается «преподаватель ёго» в школе для йокаев?

— Более внимательно отслеживает, всё ли хорошо у учеников в организме и голове? — предположил я. — Йокаям нелегко, ведь им приходится делать ставку на тщательную маскировку, которую нужно поддерживать на постоянной основе.

— В том числе, в том числе. И еще одна важная вещь. Ки у йокаев куда мощнее, чем у людей. Соответственно, с потоками ки также возникают проблемы. И я стараюсь отслеживать, всё ли в порядке у учеников, еще и в этом плане. Вы не против, я вас слегка потыкаю иголочками? Это минут на десять.

— Да пожалуйста, — я был готов на всё, если оно сулило скорейшее облегчение того мутного состояния, в котором я плавал не переставая.

Рингёко-сан попросила меня прилечь обратно, после чего надела перчатки, обработала тыльные стороны моих ладоней и, проводя по ним специальной палочкой, что-то искала. Скоро руки обросли иголками и стали смахивать на полысевших дикобразов.

Я никогда не видел игл для акупунктуры. Длинные, очень тонкие, с какой-то причудливой пружинкой на конце, они были практически неощутимы при постановке. Однако уже будучи введенными в организм, они неуловимо менялись и начинали вибрировать и звенеть.

— Рингёко-сэнсэй, а это нормально?

— Для магического конструкта — вполне, — отозвалась она и, поставив две последние иглы, упаковала набор, сняла перчатки и снова села на табуретку рядом. — Теперь минут пять, они перестанут шелестеть, и вам полегчает. Давайте посвятим это время кое-чему полезному. Вам явно нужна информация о ки и особенностях использования энергии.

Карачун, всё-то ты знал, зараза костяная.

Лекция была короткой и сопровождалась иллюстрациями, которые лежали в тумбочке. Я начал подозревать, что распечатки со схемами потоков ки были здесь разбросаны в каждом углу, чтобы не требовалось никуда лезть лишней раз. Рисунки занимали три листа: сначала приводился разбор чакральной структуры, потом несколько схем акупунктурных точек и течения ки, а замыкающим шел снимок МРТ. Изучить это не представлялось сложным. А рисунок вообще можно было носить с собой.

— Ки — источник ста болезней для людей и тысячи — для йокаев, — рассказывала

сэнсэй. — Недомогания возникают, когда каналы ки становятся непроходимыми. Гнев гонит ки вверх к голове, страх — вниз к стопам, радость смягчает ки, а печаль растворяет. Чрезмерная задумчивость и размышления блокируют каналы. Душевные метания, сомнения, нерешительность создают заторы на пути нормального движения потоков. Да, рисунок я потом выдам, можно будет изучить на досуге.

Мне страшно захотелось пить, но прерывать лекцию не было желания. Рингёко-сан не глядя поднесла ко мне стакан с крупной соломинкой, подождала, пока я напьюсь, и так же не глядя поставила стакан обратно на тумбочку. Всё это время она поясняла схему течения потоков. Видимо, процедура починки была многократно отработана.

— И последнее. Чем больше заниматься ки и профилактировать его застои, тем больше в теле энергии. Если вдруг каналы забиваются систематически, есть смысл завести себе мастера акупунктуры, но в идеальном случае нужно функционировать так, чтобы ки текло беспрерывно. Здесь ничего нового: медитации, нормирование нагрузки, активный отдых, движение, питание, сон, вода... И, конечно, окружение. Сложно переоценить влияние тех, кто рядом.

Я воздержался от шутки, что всегда рядом разве что смерть. В каждой шутке есть доля правды. Интересно, а существует ли рекомендация, где можно взять лишние часы для этого «ничего нового»?

Сэнсэй убрала схемы в тумбочку и начала по одной вытаскивать иглы, складывая их в причудливый желтый высокий контейнер. Кусочки металла падали в него, издавали последний звяк и замолкали — видимо, навеки. Обработав мою кожу, она нанесла какой-то гель и разрешила сесть на кушетке.

— Сейчас высохнет, и можете идти. Но сначала главное, что я заметила.

Я насторожился — и правильно сделал.

— Обычно ки и кимэ никак не контактируют. То есть организм целиком изолирован от внешней энергии. В вашем случае всё интереснее.

Она взяла в руки халат, ожидающий своей очереди на полу, и развернула его. На кушетку посыпалась пыль. Я начал рассматривать ткань.

— Существует обязательное требование к медицинской одежде: она изготавливается из полностью ненатуральной или смесовой ткани, то есть синтетики две трети, хлопка одна треть. Однако это требование не распространяется на нитки, которыми сшиваются детали. Производитель берет то, что по тендеру стоит дешевле, отгружает несколько тонн и пускает в дело. Теперь нужно проверить мою теорию.

Она выдернула нитку из шва, который не пострадал. А потом жестом факира достала из кармана зажигалку. Нитка моментально взялась желтым ярким пламенем. Потянуло жженой бумагой. Оставшийся пепел был серым, и Рингёко, растерев его в пальцах, показала мне: остаток превратился в мелкую пыль.

— Так горит хлопок. Вот, для сравнения...

Нитка, выдернутая из ткани халата, сморщилась и почернела. Вспыхивать она не собиралась. Неприятно запахло горелым пластиком.

— Чтобы поджечь синтетику, нужна другая площадь огня. Вот для этого я озаботилась принести зажигалку. Проще всего понять, что перед нами за материал, если подпалить его. Синтетическая ткань, которая находилась ближе всего к волне кимэ, визуально не пострадала, а хлопковые нитки разложились. Судя по виду, от старости.

Она помолчала немного.

— Я такого не видела. Кощеев-сан, у вас есть хоть малейшая догадка, что это может быть?

— Скажите, Рингёко-сэнсэй, вы ранее упомянули, что в норме ки и кимэ не контактируют друг с другом. А это вообще возможно?

— Технически да, — кивнула она. — На деле что-то должно очень глобально пойти не так. Если вдруг узнаете, в чем проблема — черкните записку? Я бы исследовала на досуге. И принимайте ибупрофен Eve Quick по одной таблетке трижды в день в течение пяти дней, главное — поесть перед этим не забывайте. Продается на каждом углу в любом магазине, вплоть до сувенирных.

В ее внешности появилось что-то... стальное. Я не был уверен, что мне нравится ее общество. Голова больше не раскальвалась, но остаточные ощущения были крайне неприятны.

Следующие дни прошли настолько отвратительно, насколько это вообще было возможно. Я сдавал тесты, приходил домой выжатым, кое-как пролистывал конспекты на завтрашний день и спал, спал, спал... Изаму подкармливал меня в меру сил и разок принес целую россыпь онигири в надежде, что это послужит развлечением. Я был благодарен за заботу, но в ответ ничего предложить не мог, разве что увезти его в тундру, к седым снегам. Однако до каникул травить душу было плохой идеей.

Более-менее прилично я написал органическую химию, математику, физику и прочие общеобразовательные дисциплины. Меня постоянно мучило — настолько, что я прямо на руке под рубашкой нарисовал маркером руну лагуз, вода. Она не перевернется, разве что меня подвешат за ногу вниз башкой. Немного помогло, но нарисовать их двадцать штук не позволяла площадь кожи на плече.

Со специальными дисциплинами я сражался как мог. Видя, что я по оттенку смахиваю на яблоневый цветок, троица помогала мне изо всех сил — шаргалками на бутылках воды, знаками, отметками, нарисованными ногтем на собственной голени (они не придумала ничего умнее, однако идея была неплоха).

В среду после всех тестирований Томоко молча подобрала мою сумку и вскинула ее на плечо поверх собственной. Изаму практически донес меня до дома, помог разуться и посадил на кровать, а Кавагути, пока мы ползли к общежитию, сбегал за ибупрофеном и едой и догнал нас уже у дверей. Еды оказалось на всех четверых. Великанша отправилась знакомиться с кактусом, инугами достал пачку влажных салфеток для уборки и начал протирать поверхности — его чувствительный нюх не выносил слоя пыли, а к наведению порядка в комнате я не приступал с неделю, меня хватало только на вынос мусора. Недзуми открыл какую-то кухонную технику, загрузил туда стопку контейнеров, нажал пару кнопок и закрыл дверцу.

— Чой-то оно зажужжало? — вздрогнул я.

— Константин-кун, ты реально никогда не пользовался микроволновкой?..

Все трое посмотрели на меня с нескрываемым удивлением.

— Не знаю, что эта штука делает, но потом объясните обязательно, вдруг мне тоже надо. Мы что, пережили промежуточное тестирование, или я умер посередине вчерашнего дня и попал по ту сторону?

— Да, мы пережили, и нет, мы еще по эту сторону, — недзуми с сочувствием воззрился на меня. — Кажется, тебе было труднее всех. Давайте это дело отпразднуем едой, я сегодня угощаю, скромно, но как уж есть. В кафешке не получится, но если мы не идем к еде, то еда

сама придет к нам. Ита-даки-жрать!

Хана-кун не поспешил: тефтельки, свежая лапша в коробке, жареные овощи, курица в панировке, темпура, онигири, какие-то морские гады в глазури и с десяток ручных роллов модели «еда на ходу», а на десерт стопка вкуснейших рисовых пирожков моти с клубникой и ворох батончиков со стильными надписями. В стаканчиках плескался сложносочиненный чай со съедобными шариками. Жизнь начинала казаться не такой уж отстойной.

— Ты где так убилися? У тебя на руке отметки от игл мастера акупунктуры, значит, чинила сэнсэй из медкабинета. Константин, месяц назад ты был похож на нормальное живое существо, а сейчас черт-те что, — Томоко отстала от кактуса, выбрала себе онигири и решила выяснить подробности.

Я взял коробочку с едой и замахнулся на нее вилкой. С палочками в таком состоянии я справиться не мог.

— Смотри, — я с наслаждением давил языком жареный батат, к которому прирадовался за месяц. — Вы проучились весь прошлый год на родном языке. Даже если параллельно читать Достоевского или строить планы по качанию жопки, всё равно что-то в голове осело. Плюс вы с детства владеете ки.

— Вас не учат обращаться с ки? — Изаму медленно откусывал креветку, держа ее за хвост. — Хотя оно и понятно, вы от природы больше похожи на людей.

— У нас нет обучения ки. Я в свое время общался с Кицуки Казуей, он как раз упоминал, что на Востоке принято манипулировать внутренней энергией, а на Западе — внешней. Вот мы ближе к Западу.

Все трое сочувственно покачали головой.

— Так вот. Ни знания по специальным предметам, ни нормального навыка писать и читать, — я суммировал то же, что рассказывал Рингёко-сан, пытаюсь найти недостающие звенья этой цепи. — То есть единственное, в чем у меня выигрыш — это в том, что поддерживать иллюзию человеческой формы мне не требуется, я и так достаточно похож.

— Да, — протянула Томоко. — У меня всегда ощущение, будто руки связаны за спиной, а в плечах тесно. Мама сказала, что я сумею от этого избавиться годам к двадцати, и то если буду усердно тренироваться.

— Мне постоянно мешает нюх, — пожаловался Кавагути. — Хочешь, не хочешь, а кто забыл с утра дезодорантом политься, тот главный враг до вечера.

— Да ну вас с этими дезодорантами, — встрял Изаму. — Ладно бы брали без запаха! Так от какофонии свихнуться проще!

— Но и плюсы у нас тоже есть, — подняла брови они, разобравшись с серьезной едой и читая надпись на обертке батончика. — Например, у меня всего одна пара рук, но поднимаю я намного больший вес, чем среднестатистический человек. Если я стану мастером ки, то избавлюсь и от минусов.

— Ну, раз мы начали эту тему, то мой нюх, как и нюх Кавагути-куна, может быть не только минусом. Мы лучше чувствуем потоки воздуха. А многие в зрелом возрасте начинают курить. Говорят, что помогает отбивать неприятные запахи. Правда, сам воняешь — мало не покажется.

Мы воздали должное еде и переключились на десерты.

— Константин-кун, — вспомнила Томоко, — до меня дошло, когда ты окончательно побледнел и зачах.

— И тебя озарило, что ли? — Изаму востропился и потянулся к стопке учебников на

моем столе, выживая нужную книгу.

— Вроде того. На второй день подготовки, когда начали собираться у меня.

Шерстяной пес быстро листал учебник, после чего поднял палец.

— Цутому Кояма, прожил 42 года. Митсеру Ходзуэ, прожил 38 лет. Акияма Окадзаки, 36 лет. Амида Одзима, 43 года. Куро Фудзихара, 38 лет. Икиру Хаягава, 37 лет. Хотака Камида, 35 лет. Ничего интересного не замечаете?

— Все эти ребята быстро закончились, — подытожил Кавагути.

— Да, причем умерли седыми стариками.

Изаму поднял книгу на уровень глаз. Мы дружно взглянули на обложку. «Знай своего врага! Искусство оммедо в кратком изложении», гласила надпись.

— Когда оммедзи рисует печать, он вливает в нее собственные ресурсы, — пояснил Изаму. — Каждая печать уменьшает продолжительность его жизни пропорционально силе, которую автор вкладывает в о-фудо. Поэтому они не живут долго. А ты за один вечер самоуверенно склепал четыре штуки. Причем не будучи ни обученным, ни человеком. Еще есть вопросы?

Мы молча жевали пирожки и хлюпали чаем. Я с трудом осознавал происходящее. Вот почему руновязь не помогала нормально восстанавливаться. Оммедзи люди, они живут в Яви и отдают себя самих, чтобы воевать с Навью, выходцами из которой по сути были все йокаи. Я же человеком не был и просто опустошил запасы энергии, сам того не заметив. А потом еще триста сорок кило потягал...

— Мать моя женщина, ну и я тупица, — я наконец переварил всю информацию.

— Это вряд ли, — хмыкнул недзуми. — Тупица не расколется магическую схему, по которой работают человеческие служители, ни разу не увидев вживую ни одного из них.

— Просто больше так не делай, — Томоко повеселела. — А уже имеющиеся печати как-то воздействуют на твое состояние? В смысле тебе становится хуже, потому что о-фудо работают?

Я прислушался к внутренним ощущениям. Ниточки энергии никуда не тянулись.

— Нет, сколько я в них вложил — столько они и содержат. Какое-то время еще поработают, а потом батарейка сядет, и это будет просто клочок ткани.

— Вот бы до конца года хватило, — размечтался Изаму. — Не пропадет твой скорбный труд!

После ухода компании я еще какое-то время полежал пластом, чувствуя, что силы худобно возвращаются к телу, получившему отдых, еду и воду. Уже ближе к ночи я встал и начал как-то ползать по комнате. А утром четверга я уверенно вышел из дома без чужой помощи и на обеде сидел, вцепившись руками в волосы и рассматривая список результатов промежуточных тестов. Большинство из них — около пятидесяти процентов, немного выше проходного балла. Остается мрачно удивиться, что в таком состоянии я вообще умудрился хоть что-то написать на 50 баллов, а не только хорошо знакомые химию и математику.

Изаму аккуратно свесился через мое плечо, поставил на стол два бенто и просмотрел сводку, которую я держал в руке.

— Да ты герой, чувак. Учитывая, что я тебя вчера с тестов на собственных руках выносил, результаты-то прекрасные.

— Давай честно, это ты в курсе, что меня нужно было таскать из точки А в точку Б, — поморщился я. — А для остальных вот эта бумажка — клеймо «посредственность» на моем лбу. Кстати, как это будет записываться?

Изаму достал ручку и в несколько коротких движений нарисовал два иероглифа, простеньких до неприличия.

— Слово-то какое. Ладно, этих тестов у вас несколько штук в год. Дальше будет лучше.

— Конечно, будет, — приободрил меня Изаму. — Пожрем же в честь того, что мы осилили победу над эпическим драконом с первого раза, потому что и у Томоко-тян, и у Кавагути-куна всё тоже хорошо. Вообще-то мы круты, нам ничего не надо пересдавать. А благодаря твоей печати смотри как вышло.

Он достал свой табель, где не было ни одной красной зоны, и ткнул пальцем в английский. Там сияло уверенное число «сорок». Проходной балл.

— Ты что, успел и это подтянуть?! — я был неподдельно изумлен.

— Оказывается, если просто запретить себе читать книги на родном языке, английский неплохо так в башку укладывается, — друг явно смутился, поведав это потрясающее открытие.

— А мощны твои лапищи, — кажется, похвала была ему приятна, даром что не кошка.

* * *

Ловкие пальцы рылись в стопках тестов учеников второго года старшей школы.

— Хорошо, что за ними особо не смотрят, — шипел под нос ищущий. — В сводки собрали, в отдельный кабинет свалили — и отличненько.

В открытое окно задувал ласковый весенний ветер. Кабинет не охранялся, но это был не повод заходить через дверь.

— Во, нашел. Фу, ну и дрянь. Как с этой легкотней вообще можно было не справиться.

Щелкала камера смартфона. Листки клались на положенное место, бралась следующая стопка.

— У твоего мобильника отстойная камера, камаитачи-кун, возьми нормальный, — тоненьким шепотом передразнил он заказчика, делая фотографии на одолженный телефон. — Хотя должен признать, оптика у америкосов действительно хороша. А клепают в Тайване. Стибрить себе, что ли?

Изображать взрослого ответственного человека я начал вечером четверга, составив список покупок, и продолжил в пятницу после занятий, притащив пакеты из супермаркета. Окончательно придя в себя и объевшись ибупрофеном так, что он скоро обещал вытечь через уши, я обнаглел и решил попробовать завестись едой. Хотя зожные каналы на ютубе и негодовали, что еду замораживать плохо, вредно, от этого портится климатическая обстановка и где-то в мире умирает один Гордон Рамзи, тем не менее опытные домохозяйки делились этим маневром как достойным внимания. Чем я хуже? Крутой я маг или тварь дрожащая? Я даже пакетами для заморозки разжился!

Вдохновившись примером аякаси, которая не так давно (а по ощущениям — целую жизнь назад) забросала меня мусором, не притронувшись к нему ни единым пальцем, я высыпал овощи в раковину, вымыл их, закрыл воду и отошел на полметра. Сосредоточившись, попробовал силой мысли поднять мокрую картофелину. Она не реагировала. Или я обращаюсь без должного уважения, или сила мысли то еще фуфло.

Спустя сорок минут я, порядочно вымотавшись, понял, как работает телекинез, если ты крутой маг. Скажем так: поднять картофелину рукой было бы быстрее. Но лиха беда начало, или где?

Я перекусил бутербродом, перевел дух и пошел готовить еду про запас более тривиальными пока что способами, при помощи одной мускульной силы и набора кухонной посуды.

В субботу был короткий учебный день: наконец начинался трехнедельный курс ОБЖ, дни до старта которого давно считал весь второй класс обучения, и нам сразу обещали три урока подряд. А потом намекнули, что будут анонсировать кое-что интересное на вечер. Обед с собой можно было не паковать.

Все три вторых класса собрали в самом большом додзё, поскольку ни в одном кабинете мы не поместились бы. Для преподавателя были поставлены доска и кафедра, а для нас разложены татами. Рассевшись рядами, все болтали и обменивались мнениями и домыслами. Многие обзавелись библиотечными книгами и уже листали их.

Мимо рядов прошла знакомая фигура и положила на кафедру небольшую стопку литературы и блокнот, сверкнувший стильной антрацитового цвета обложкой.

— Класс, встать! — скомандовали старосты. Толпа учащихся вскочила. — Поклон!

— Добрый день, — улыбнулась сэнсэй. — Если кто-то со мной не знаком, что странно, я Рингёко Масуда, «сэнсэй из медкабинета». Помимо ёго, я также преподаю ознакомление с искусством оммедо и краткий курс основ безопасности выживания в обществе. В ближайшие три недели вы проведете со мной какое-то время. Садитесь, пожалуйста.

— Считается, что оммедо пришло из Китая где-то в начале шестого века, — сэнсэй прогуливалась перед нами, и десятки глаз следили за ней, как кролики за удавом: налево-направо, налево-направо. — Когда-то оно было смесью даосизма, синтоизма, буддизма, китайской философии и естественных наук, а по сути — оккультным учением, главной целью которого были гадания. Именно попытки предсказания наилучшего исхода занимали первых оммедзи. По-прежнему это называют едва ли не наиболее сильной стороной учения. Как и много веков назад, именно оммедзи зачастую помогают решать вопросы по выбору пути передвижения, ищут места для постройки дома, а также, вы не поверите, проводят

профориентирование.

Класс захихикал. Как будто других способов профориентироваться не хватает.

— На вооружении оммёдзи старого времени были «Книга перемен», огромный учебник по фэн-шуй, специально составленные календари и знания по астрономии. В восьмом веке ученые мужи создали целое государственное бюро оммёдо, его называли школой Оммё-рё. Те, кто преподавал там и выпускался в особенно удачное время, добились видных государственных званий и умерли очень высокоранговыми чиновниками. В эпоху Хэйан оммёдо оценили буквально все, и оно стало переживать свой расцвет. Я подозреваю, это было как-то связано с историческим именем.

Рингёко-сан подошла к доске и написала набор иероглифов.

— Абэ-но Сэймэй. Он сидел сразу на нескольких стульях и занимал при императорском дворе ряд высоких должностей, хотя Оммё-рё никогда не возглавлял. Познакомьтесь с именем человека, который изобрел понятие «печать».

Слушающие нахмурились. Абэ-но Сэймэй им явно уже не нравился.

— Чтобы понять, насколько продуктивно он вел дела, вслушайтесь. Он создал «Сендзи Ряккецу», учебник по гаданию, в который вошло шесть тысяч прогнозов и тридцать шесть способов предсказания будущего. По большей части его работы относились к простеньким предсказаниям, вроде определения пола плода или нахождения украденной вещи. Как вы думаете, легко ли пятидесятилетнему старику было записать шесть тысяч и еще тридцать шесть текстов, учитывая, что обычно оммёдзи не дотягивали до сорока пяти?

Ученики с недоуменным видом воззрились на учителя.

— Если пользоваться только общеизвестной информацией, то правильный ответ такой: это не было сложным, если призвать на помощь шикигами, труды которых он беззастенчиво использовал, сделав своими слугами, Если очень сильный оммёдзи мог призвать двоих, то у Абэ-но Сэймэя насчиталось двенадцать. А теперь время рассказать, что не так с его возрастом и почему весьма странно при его способностях дожить до восьмидесяти четырех лет...

Этот фрагмент истории был мне известен. При создании печати оммёдзи, будучи выходцем из мира людей, вкладывал фрагмент собственной жизни, укорачивая свое земное пребывание. Чем сильнее печать, тем дороже она обходится местечковому Мерлину. Или оммёдзи живет долго и счастливо и целым днями, годами, веками гадают для толстосумов, которым нужен знак, где поставить родовое поместье и в какое время зачинать ребенка, или он занимается грязной работой по вычищению йокаев из общества — но тогда с мечтой увидеть внуков он прощается сразу. В первые шли любители простой службы при дворе. Ряды вторых пополняли идейные фанатики, и я точно знал, кто в данном случае хуже.

— Если от Абэ-но Сэймэя и его армии шикигами перебраться поближе к нашему времени, век так в шестнадцатый, то мы наткнемся на старый случай с киотским подразделением Оммё-рё, возглавляемым Абэ-но Каматой. Вам ведь в рамках истории и общественнознания это рассказывали, я могу не повторяться?

Старосты переглянулись и подтвердили.

Мне даже не пришлось копаться в памяти. Это был тот самый Верховный оммёдзи, который заставил сёгуна открыть Киото для йокаев. Человек, переломивший историю. Стойте-подождите...

Я поднял руку.

— Да, Кошечев-сан? — сэнсэй обратила на меня внимание.

— Рингёко-сэнсэй, я немного почитал учебники, поскольку взял их в библиотеке заранее. Там высказывалось предположение, что Абэ-но Сэймэй был сыном белохвостой кицунэ и человека-поэта. В связи с этим у меня возникли два вопроса. Во-первых, история не содержит упоминания о ханьё, полукровках. Был ли Абэ-но человеком в полном смысле этого слова? И второй вопрос, вытекающий из первого. Если он все-таки был не человеком, а ханьё, то не мог ли его потомок Абэ-но Камата унаследовать часть крови кицунэ и снять печати с Киото именно по причине некоторого родства с йокаями?

Я говорил в оглушительной тишине и в сотый раз к концу монолога пожалел, что не завел цикаду. Тому, что я эти вопросы вообще задал, я тоже был уже не рад, подозревая, что нарушил попутно целую стопку школьных правил.

— Весьма разумный вопрос, Коцеев-сан. Сейчас порисую.

Кусочком мела она провела по доске горизонтальную черту, разделив всё пространство пополам. Верхнюю часть же она пунктирными линиями натрое.

На нижней части появилась надпись: «Страна желтых вод».

На верхней: «Мир живых».

— Итак, как мы все знаем, Идзанами-сама ушла в мир мертвых, откуда нет возврата, если успеть съесть что-нибудь с очага.

В углу на нижней половине, занятой Ёми, страной желтых вод, добавилась надпись: «Великая мать».

— Идзанаги-сама, сбежав из мира мертвых, дал клятву, что живое существо больше туда не спустится. А поскольку возвращение из Ёми на куни требует ритуального очищения, он пошел на берег реки Тачибана, разделся и пошел мыться. Когда он омывал свой левый глаз, из капель, упавших на берег, появилась Аматаэрасу-о-миками. В дальнейшем она была названа великой священной богиней, сияющей на небе.

В левом углу одна треть оказалась занята именем солнечной богини и иероглифами «Равнина Высокого Неба — день».

— Когда Идзанаги-сама омывал свой правый глаз, из капель воды появился Цукиёми-но микото. Согласно легендам он вознесся вместе со своей сестрой и обитал в том же небесном дворце, никогда не оспаривая ее правление равниной Высокого Неба. Однако Аматаэрасу-но микото всё равно считала его конкурентом и сделала так, чтобы ему принадлежала только ночь. Пришлось переехать в другой дворец, зато все живы.

Центр разделенного на три части мира живых украсился именем лунного повелителя приливов и иероглифом «Равнина Высокого Неба — ночь».

— И самый веселый из троих великих детей, Такэхая Сусаноо-но Микото, был рожден, когда его отец умыл нос. Идзанаги-сама изначально отдал ему во владение море и бури.

На правой части мира живых появилась подпись: «море».

— Но вода ему не была по душе, ему одинаково нравились Ёми и равнина Высокого Неба. Полностью его понимаю. Кто легенду читал, тот знает, что будет дальше.

На самой границе «морья» и «страны желтых вод» она поставила имя Сусаноо-но Микото.

— К чему я это всё. Ханьё — это происки китайских экспериментаторов, которые над евгеникой голову сломали. Нет и не может быть существа, от рождения живущего на два мира. Йокаи — дети Идзанами-сама, они принадлежат миру Ёми. Чтобы зафиксировать йокаю в мире живых, требуется провести магическое укрепление его тела и души. Этим занимается непосредственно Идзанами-сама, почему мы и зовем ее Великой матерью. От

этого йокай не становится менее йокаем.

В стране желтых вод появилась надпись: «йокай».

— Человек может пойти в мир мертвых, только когда перестанет принадлежать миру живых.

«Люди».

— А всё, что якобы находится посередине — это магические конструкты. И это легко проверить. Как только усиление спадет с души и тела, создание или останется под равниной Высокого Неба, — на доске к «людям» добавилась надпись «жизнь», — или просочится в Ёми, который на самом деле не подземный, а параллельно существующий. Мы рисуем его под землей только из логических соображений. На деле Ёми всегда рядом с нами.

Если заменить слова «страна желтых вод» на Навь, а мир живых — на Явь, то вообще всё понятно, полностью согласен.

— Теперь ответу на вопрос об Абэ-но Сэймее. Если даже его мать была кицунэ, в любом случае родился он или йокаем, или человеком. Оммедо могут использовать только живые. Да, любой оммедзи тратит энергию на печати, однако сами посудите: Сэймэй всю свою очень долгую жизнь провел при дворе, посвящая время гаданиям и консультированию императорской семьи. Мог он быть человеком? Да, конечно.

Рингёко-сан стерла схему с доски.

— С другой стороны, давайте будем честны. У нас есть минимум одно подтверждение, что Сэймэй за всю жизнь создал хоть одну печать?

Учащиеся подняли глаза в поисках озарения.

— Подсказываю: идея напитать ки символ, собственноручно написанный на ткани или бумаге, а в дальнейшем реализовывать полученную конструкцию, и ее воплощение не обязаны воспроизводиться одним существом. У Абэ-но Сэймэя было до чертиков учеников. Взять любого из них также не представляло труда. Мог ли императорский оммедзи на деле быть кицунэ? Да, конечно.

Класс загудел. Я снова поднял руку. Был способ узнать, был...

— Рингёко-сан, у меня последний вопрос. Осталось ли что-то из частей тела Абэ-но Сэймэя или его потомков в физическом мире?

— Да, конечно, — она явно понимала, куда я веду, откуда-то зная, с чьим внуком разговаривает. Неудивительно, учитывая потомственную фамилию. — Дочь Абэ-но Сэймэя до сих пор возглавляет отряд оммедзи при святилище Абэ-но Сэймэя в Осаке, район Абэно. Он там родился, и с тех пор вся семья живет то в Киото, то в Осаке.

— Спасибо, — я угомонился. В план можно было вписывать посещение исторических мест, но не сейчас, а чуть позже.

На коротенькой перемене я встал, чтобы размяться. Без перерыва сидеть в позе сейдза с непривычки было тяжеловато. Томоко подошла и подозвала еще и Изаму.

— Я правильно поняла, что когда закончатся учебные субботы, мы едем в Осаку?

— Почему «мы»? — удивился я.

— Потому, — заржал Изаму, — что когда к опытной храмовнице подойдет тощий белобрысый гайдзин и начнет вытряхивать из нее каплю крови, чтобы призвать ее малахольного предка тысячелетней давности, ему ой как потребуется телохранитель. Давай честно: отряд оммедзи ты в одиночку не раскидаешь. Кстати, зачем тебе это?

— Всё тебе сразу скажи.

Недзуми появился, как всегда, внезапно. То ли я отучился вниз смотреть в компании

они и инугами, то ли это было особенностью крысиного поведения...

— Скажите, мои пустоголовые друзья, — вкрадчиво начал он. — А вам обязательно тратить дохрена времени на Осаку, до которой четыреста километров, чтобы просто найти приключения на попец?

— У тебя явно есть предложение, как добыть биологическую жидкость оммедзи, не трогая храмовницу, — поинтересовался я, чуть удивленный его сегодняшним выбором лексики. Кажется, наша компания на него дурно влияла.

— Конечно, есть. Скажи сначала, тебе для призыва обязательно непосредственно касаться биологической жидкости своей рукой?

— Нет, — сообщил я. — Мне нужно касаться ее аурой. Прямой контакт совершенно не важен.

— Тогда давай так. Я достаю то, что тебе требуется, под два твоих честных слова.

— Внимательно слушаю, — я был заинтригован.

— Во-первых, ты не разворачиваешь сверток, который тебе пришлют. Вообще никак. Контактируешь аурой и больше ничем не трогаешь, потом уничтожаешь. Придется на слово поверить, что это требуемый материал.

— Легко, — согласился я. — А второе?

— Ты нас всех зовешь в гости на каникулы, и я пиздец как хочу хорошо провести время. Не торчать в книгах, не ботанить, не зубрить и не ныкаться от своего слишком активного семейства по всем углам. Спокойно есть, а не заглатывать непрожеванные куски, только бы поскорее разобраться с ужином. Гулять по окрестностям сколько захочу. Купаться в озере. Можно даже разок зайти в настоящий лес и как следует там поорать. Оформить?

Я выдохнул.

— Осу! Вот уж чего, а еды и тишины в кошечьем царстве на всех хватит. К тому же для моей родни ты сразу пройдешь по категории «хиляк, надо накормить». Готовиться к поездке придется тебе, а не мне.

Хана-кун расцвел.

Второе и третье занятие были посвящены людям со способностями. Помимо оммедзи, Рингёко-сан также дала нам краткую сводку о медиумах, разговаривающих с представителями страны желтой воды, и об охотниках. На последних остановилась подробнее.

— Главное — не путайте оммедзи с убийцами, а убийц с охотниками. Здесь всё просто. Современные оммедзи никак не мешают жить йокаям. Это вообще главное, что о них нужно знать. Многие из них служат в самых разнообразных храмах, от известнейших до крошечных. Кто-то до сих пор посвящает жизнь гаданиям, где лучше поставить особняк и какого пола будет ребенок в животе беременной женщины. Есть спрос — будет и предложение. Их печати больше нацелены на что-то мирное.

Здесь было все понятно. Но курс ведь по какой-то причине называется «знай своего врага»...

— Охотники — это пережиток прошлого, их крайне мало. Они в курсе, что йокаи живут рядом с людьми, но на уровне общего понимания. Им неизвестно, что они каждое воскресенье покупают для своего ребенка банан в шоколаде у улыбчивого барсука, который эти бананы уже лет сорок готовит и весьма в этом преуспел. Однако им не всё равно, что на улицах попадаются мононокэ. Откормленный мононокэ способен на многие разрушения. По сути, охотник — маг, оперирующий внешней энергией. Где он этому научился — дело

десятое. В принципе, нормально обученный охотник неопасен. А необученные охотники очень быстро заканчиваются, вот такой естественный отбор.

Кимэ, значит. Ну да, почему бы не пользоваться внешней энергией. Полностью понимаю этих ребят. А учились они, очевидно, на Западе. Может, вообще гайдзины.

— Что до убийц, вот здесь проблема. Это в каком-то смысле оммедзи-отступники. Они также могут нахвататься оммедо по верхам или из случайно обнаруженной старой книги. По каким-то причинам они обучаются искусству о-фудо, но печати изготавливают во вред. Убийца — не простой психопат, исполнившийся ненависти к йокаям. Как правило, он еще и сензитивный медиум, то есть он буквально чувствует любого обитателя Ёми. Как раз эти ребята вообще не разбираются, барсук ты со своей проходной закуской или недзуми, работающий на контрразведку во имя славы Страны восходящего солнца. Главное — ты нечисть, изыди.

Рингёко-сан помолчала. Она слишком хорошо знала, о чем говорит. Что-то из прошлого, наверное. Кем она была? Я даже не догадывался.

— Самое же мерзкое, что они полагают себя абсолютно правыми. Они не считают, что совершают убийство, ведь они убивают уже мертвое.

Я вспомнил, что и у нас такие находились. Когда мне однажды рассказали, почему кощей и кощейки сидят в родовом поместье, до которого три дня на собаках от ближайшего города, я впечатлился не столько списком врагов, сколько его длиной.

В рамках курса японским йокаям в лучшем случае расскажут про местных магов, больше не успеют. А за пределами Японии — целый огромный мир, где разного добра навалом. И будут они себя ощущать... как я в Японии. Очень интересно, нихрена не понятно, еще и информацию добыть целая задача.

Урок только что закончился, но нас не отпускали. Через весь зал к преподавателю подошла Ичика, поклонилась и что-то вполголоса сказала.

— Да, конечно, мы как раз поставили логическую точку, — Рингёко-сан начала собирать имущество с кафедры.

— Ребята, минуту внимания! — Ичика откашлялась. — У меня два объявления. Во-первых, в округе появились слухи о сильном аякаси, больше ничего не известно. Это пока слухи, но в любом случае, пожалуйста, будьте внимательны и осторожны при возвращении домой и вообще при попытке остаться в одиночестве. А во-вторых, мы недавно хотели анонсировать кое-что на сегодняшний вечер. Кто желает, тот может прийти сюда же после заката, который будет в 18:40. Потому что с 19 часов у нас будет ночь кайданов с чаем и печеньками! Спасибо, все свободны на сегодня!

Ее последние слова потонули в радостных криках. Кажется, вечером тут тоже будет тесновато.

— Изаму-кун, а что за ночь?

— Это же Ночь ста историй! — дружбан вел себя как младшеклассник, улыбаясь до ушей. — Страшилки! Пока люди рассказывают друг другу стремные истории про йокаев, очевидно же, что йокаи собираются и весь вечер рассказывают друг другу стремные истории про людей!

Я тоже немедленно туда захотел, к тому же был уверен: без моих офигительных рассказов на таком мероприятии не обойдутся.

Окна были плотно зашторены, кондиционеры впахивали как последний раз в жизни, а ведь еще только середина мая. В дождь было яблоку плюнуть некуда. Отдельно я оценил, как одеты присутствующие: пользуясь темнотой и неурочным временем, девушки радостно подвернули юбки, а парни натянули летнюю уличную одежду или юкаты. Смахивало на какой-то фестиваль — по сути, им и являлось. На входе раздавали свечи тем, кто не озаботился своими. Многие взяли с собой изукрашенные традиционные бумажные фонари. Наверняка такой светильник лежит себе в кладовке, чтобы его доставали раз в год по особому случаю. В этом что-то было.

Я взял себе свечу на входе, вот чем уж точно не закупаюсь, и присел в общий круг.

Ичика, одетая в багрового цвета юкату, ровно в семь часов закрыла дверь и села рядом со своим фонарем. Ночь кайданов начиналась.

— ...и когда воинство тануки отправилось разорять ангар со строительной техникой, люди поняли, что йокаям недостает места, в котором можно было бы жить. Но вместо того чтобы перестать вырубать леса и сравнивать холмы с землей, люди начали ставить ловушки на тануки, а из моего деда вообще сделали тушенку!

Сидящие издали хоровой звук, выражающий сочувствие. Но было не особо страшно. Первая свеча погасла.

— Я следующий! — парень гиковатого вида поднял свой фонарь. — Я занимался хостингом. Однажды я делал и настраивал клиенту виртуальную машину на основе Linux KVM. Виртуальная машина находилась на образе с ZFS — это файловая система для работы с большим объемом данных. Страховки ноль, первая установка, типовых образов нет, всю работу надо делать своими руками. С самого утра настраивал виртуальную машину через стандартную систему удаленного доступа к рабочему месту. А потом утомился и пошел кофе попить. Возвращаюсь — почему-то сессия прервалась. Сначала не обратил на это внимания. Примерно минуты через три понимаю, что кто-то на моей виртуалке майнит криптовалюту: процессор загружен, а еще запущена программа, которая была опознана как вирус-майнер. Половина моей инсталляции стерта. Два часа работы коту под хвост.

Юный гик выдохнул.

— И тут бы мне установить пароль на систему удаленного доступа. Но до заражения никто не настроил автоматическое создание снапшотов в ZFS каждые 15 минут! Так я бы сделал моментальную копию файловой системы, откатил снапшот на полчаса и продолжил настраивать виртуалку с момента создания снапшота. Но последний бэкап был сделан админом четыре дня назад!

Йокаи вокруг него моментально покрылись пятнами и в ужасе что-то забормотали.

Айтишники, подумал я. Вторая свеча погасла...

Сначала шли классические истории. Вот, например, один человек заблудился в лесу. Он долго блуждал и уже в потемках натолкнулся на хижину. Внутри никого не было, и он решил лечь спать. Но он долго не мог заснуть, потому что на стенах висели портреты каких-то людей, и ему постоянно казалось, что они зловеще смотрят на него. В конце концов он заснул от усталости. Утром его разбудил яркий солнечный свет. На стенах не было никаких картин, зато были окна.

Встречалась и современность. После ночной вечеринки богатый студент наконец-то

добрался до вожделенной круглосуточной кафешки, но не знал, что они не принимают карты. Штощ, переезд в двадцать первый век вылечит общество от таких историй.

Страшное открытие геймера, застрявшего на каком-то моменте в игре: описание прохождения было по требованию правообладателя игры снесено из всех уголков интернета.

Стефано решил заказать пиццу проголодавшимся друзьям, однако его друзья еще не знали, что Стефано маньяк и предпочитает пиццу с ананасами. (Страшный человек, воистину.)

Исследователи собрали небольшой фуршет, чтобы отметить первую удачную криогенную заморозку. Но у пациента не было никакой возможности показать им, что он все еще в сознании.

Целых восемь лет Синдзи ожидал полного выхода сериала, о котором все-все говорили. Вот так вот торчал восемь лет и ждал, чтобы сесть и разом посмотреть его. И даже взял отпуск. Но кривой пиратский плеер сразу включил ему последнюю серию!

(Честно признаю, вот тут даже я вздрогнул, хотя сериалами не увлекался в силу отсутствия дальнобойного вайфай-моста в усадьбе. Но ситуация-то жуткая.)

Я тоже решил подключиться — хотя и без уверенности, что моя страшилка будет воспринята нормально. Но лексику я подобрал еще по дороге.

— Кхм, — откашлялся я, — это будет история про занавески.

Так вот, девочка играла с подружками на улице. К ней подошла женщина и сказала:

— Никогда не покупай синих занавесок. Они приносят горе.

А девочка невежливо рассмеялась и убежала.

На следующий день бабуля взяла свою тросточку, и они с девочкой пошли в магазин, и бабушке очень понравились синие занавески. Девочка забыла про запрет, и они их купили и повесили в спальне, а через некоторое время все увидели на них небольшое темное пятно. Бабушка попыталась отстирать. А ночью раздался крик. Девочка проснулась и увидела, что бабушка лежит рядом с занавесками.

Тогда девочка вызвала полисменов. Те устроили засаду на квартире. Девочка, дрожа от страха, взяла бабушкину трость и зашла в бабушкину спальню...

Из пятна высунулась темная рука и потянулась к горлу девочки. Девочка ударила палкой по пятну, и оно стало белым. Тогда она стала бить пятно, а оно при каждом ударе меняло цвет. То зеленое, то коричневое, то красное.

Тогда полисмены вбежали в комнату, увидели, что происходит, и арестовали девочку. Один из офицеров состоял в партии «зеленых», так что девочке не удалось отвертеться. Ее посадили в тюрьму за издевательство над хамелеоном. Не зря ведь женщина предупреждала.

В тишине постукивали чьи-то зубы. Я сделал мрачное лицо и задул свою свечу.

Историй еще через десять классика угомонилась, современность закончилась, и пошла волна обратных кайданов. Их главной задачей было показать, что люди порой бывали тварями похлеще монстров.

История о европейском профессоре, которого одним холодным утром достали из реки. В его рюкзаке обнаружили две женские руки и травматический пистолет. При обыске в квартире было найдено тело девушки, его аспирантки, с которой он сожительствовал.

Молодая женщина нагрубила магу-азиатку, а потом с утра расчесывалась, глядя в зеркало, и увидела, как отражение подмигивает ей.

А этот отголосок Второй мировой рассказал внучке дедушка. В детстве он оказался с братьями и сестрами в деревне, к которой подходили враги. Взрослые решили спрятать

детей в лесу, в доме местного лесничего. Договорились, что еду им будет носить человеческая бабушка Йоко. А вот возвращаться в деревню всем было строго запрещено. Так дети прожили май и июнь. Каждое утро Йоко оставляла еду в сарае. Сначала забегали и родители, но потом перестали. Дети видели Йоко в крошечное окно, она поворачивалась и молча, тоскливо смотрела на них и старыми знаками благословляла дом. Однажды к дому подошли два мужика и позвали детей с собой. Это были партизаны. От них дети узнали, что их деревню сожгли месяц назад. Убили и бабулю Йоко.

Особняком стояла история, достойная кинематографического воплощения. Один киллер забросил дела и вел спокойную жизнь «на накопления», но однажды невоспитанный нахальный мальчик украл его любимый «мустанг» 1969 года, а попутно, гаденьш, еще и убил собаку, единственное живое напоминание об умершей жене. Киллер стряхнул пыль с одежды и оружия и в поисках головы своего врага вернулся в большой мир, где в среднем убивал по одному человеку на три произнесенных предложения. Я впечатлился.

С вечеринки разбредались толпами, ходить по одному нервишки не позволяли. Впрочем, на этом фоне оно и постыдным не казалось. Аякаси эти еще, которые, по слухам...

Бжжжж, сказал смартфон в кармане. Что за легкость на помине?

«Константин-кун, как будет время — вечером подойди на перекресток», дальше шло указание адреса.

Всё б ничего, но писал Казуя.

Я порадовался, что вышел налегке, попрощался с окружающими, перевязал шнурки на кроссовках и вбил адрес куда надо.

«Маршрут построен!»

— Кого звали, тот пришел, — негромко сообщил в пустоту я. Передо мной выросли две фигуры. Казуе и эта форма тоже шла. Ну, паршивец...

— Добрый вечер, Кошечев-кун, — приветствовал он меня. Ичика молча склонила голову. — Сегодня, если ты не очень занят, окажешь нам посильную помощь?

Состояние «я заинтригован», кажется, скоро станет для меня нормальным. Казуя продолжил:

— Когда в прошлые разы проявлялись мононокэ, большинство из них было обычным. Ничего особенного, дух как дух. А с середины апреля что-то изменилось. Они как будто концентрируются вокруг какого-то места. Причем закономерность нам выявить не удалось. Но я порисовал на карте, и у меня возникла идея. Поможешь проверить?

— Да пожалуйста.

Мы отошли поближе к фонарю.

— Тринадцатое апреля, понедельник. Мононокэ появляется неподалеку от этого места, прямо перед тобой. Ичика легко с ним справляется.

Казуя ткнул пальцем в карту на смартфоне.

— Потом четырнадцатое апреля, вторник. Мононокэ появляется в паре кварталов от тебя. Ичика снова с ним справляется.

Еще одна точка на карте.

— Пятнадцатое апреля. Среда. Те же, почти там же. Мононокэ оказывается очень быстрым, ранит гражданского.

И еще одна.

— Шестнадцатое, четверг. Несколько мононокэ появляются в небольшом отдалении от предыдущих мест. За ними идет аякаси, а точнее — онрё, которая их и порождает. Разумно

предположить, кстати, что и предыдущие три дня мы имели дело с ее творениями, потому что ведут они себя не совсем стандартно.

Очередной тычок в карту.

— Потом двухнедельный перерыв. Оно и неудивительно: убывающая луна и новолуние — не лучшее время для тех, кто живет только по ночам. 30 апреля — первая четверть луны, и еще несколько экземпляров не очень умных мононокэ появляются вплоть до конца Золотой недели...

Серия тычков в карту.

— А сейчас у меня закономерный вопрос. Константин-кун, в этом районе никогда не возникал десяток мононокэ за один календарный месяц. Расскажи, пожалуйста, какими маршрутами ты ходил, приехав в Сайтаму?

Я медленно закрыл лицо рукой. Очевидное невероятное...

— Казуя-кун, Ичика-тян, если верить отслеживанию на карте — мононокэ появляются в темное время суток и начинают орать именно тогда, когда я выхожу в магазин или проветриться на ночь глядя. В остальные дни они что, не приходят?

— Приходят, только в другие места и не так активно. А вокруг тебя им что, медом намазано?

За спиной раздался утробный треск, как будто ворочалась земная кора. Мы обернулись, а оторвать глаз от картины уже не сумели.

В достаточном отдалении от нас, прямо на перекрестке и в сквере, занимая всё маломальски свободное место, из ниоткуда конденсировалась целая стая мононокэ. Но нами они не заинтересовались.

Бац — один отрастил себе ложноножку и хорошенько ткнул соседа. Тот ответил симметричным тычком. Они посражались какое-то время, а потом случилось нечто, полностью выходящее за рамки моего понимания. Владелец ложноножки заревел, открыл то, что заменяло ему пасть, и начал заталкивать в нее соперника, пожирая его целиком.

Ичика и Казуя сорвались с места, на бегу доставая оружие. Вывод не потребовал большого ума: если они продолжают друг друга жрать, нам придется иметь дело с тем, что останется.

— Карачун, пойдём-ка разомнемся, — я вытянул руку, схватил кость и, на бегу вкачивая ки в нервную систему, попробовал успеть к раздаче.

Баммммм — отозвалась неведомая стена, на которую мы с размаху налетели. Отпружинив от барьера, я чуть не потерял равновесие.

Мы как три сосны, молча торчащие над типичным японским обрывом, зачарованно наблюдали, как мононокэ остается всё меньше и меньше.

— А расскажите, раз уж попкорн мы не взяли, что здесь вообще происходит?

— Да всё просто, — прокомментировала Ичика. — Это называется эволюция.

— А почему нас туда не пускает?

— Ну, это их эволюция, нам типа туда нельзя, — Казуя в кои-то веки стал похож на нормального человека. — Барьерная магия используется во многих случаях. Если ставящий стену не хочет ничего и никого повредить. Если места маловато, а хотелось бы побольше. И если внутри происходит что-то, чему не надо мешать. Вот наш случай последний.

Мононокэ бились друг с другом как заправские сумоисты, выталкивая себе подобных из реальности. Их осталось четверо.

— Может, тотализатор откроем? — до меня быстро дошло, что мои попытки

исследовать природу барьера больше похожи на имитацию бурной деятельности.

— Бьюсь об заклад, что барьер ставили не они, — Ичика явно не была сильна в пари.

Внутри барьера бились двое. Металлический лязг, чавканье псевдоплоти, посвист ложноножек и омерзительный рёв стали громче. Так не вопила даже целая стая, когда она еще здесь находилась.

Барьер испарился со звуком разбитого каленого стекла. Посреди сквера стояло одно существо, похожее на очень пухлую неповоротливую змею. Тело, сложенное крупным кольцом, распрямилось и зашелестело чешуей, плавники по бокам затрепетали. Аякаси подняла голову и качнула рогами. Женское лицо строго взглянуло на нас.

— Познакомься, Константин-кун, это дзиндзя-химэ.

— Здравствуйте, дзиндзя-химэ, — воспитанный я гайдзин или где? Как вырасту, сделаю татуировку «сарказм». Или научу Карачуна выскакивать с соответствующей табличкой. Или сделаю заклинание-фейерверк. Или...

Казуя, хорошо размахнувшись, хлопнул нижней частью посоха по брусчатке, и волна, которая прошла под ногами, внезапно взметнулась, образуя барьер — ровно такой же, который здесь был ранее. Только мы оказались уже внутри.

— Давайте не затягивать? А то мне в прошлый раз не очень понравилось.

— А мне-то как, — уверила меня Ичика.

— Громова...

— Ледяная...

Полыхнуло ярким светом. Пока Казуя отвлекал шаровыми молниями нашу ночную гостью, Ичика сосредоточенно промораживала землю. Казалось, оба шинигами не двигаются с места.

Дзиндзя-химэ была недовольна. Могу ее понять. Кому по душе ползать по мерзлой почве? Паммм — плавник на хвосте полетел в сторону шинигами, стоящих за своим лесом сакур. Я отбил его одним движением. Змея обнаружила третьего врага и сосредоточилась уже на мне. Плавники молотили передо мной, но раскрученная глефа была неплохим щитом. Я успевал, но определенные усилия все равно требовались. Ускорение ки очевидно работало не так, как планировалось. Союзники выручали.

Холодно, как будто я был в родной тайге. Казуя занял более удобную позицию на фонаре и осыпал аякаси градом молний, стоя сверху. Судя по тому, насколько медленнее становилась змея, мороз действовал на нее как на любое другое существо.

Нужный момент был здесь и сейчас. Оба лезвия глефы исчезли, и выросло одно длинное.

— Сдохни, зараза, — я даже повышать голос не стал. Противник был слабаком. Хватило одного удара, нанесенного бледно-зеленым лезвием.

Разорванная аура тянулась наверх, и ее клочья будто всасывались в ночное небо.

Казуя снял барьер и убрал посох.

— Что, никто даже не запыхался?

— Да с чего б? — побледневший от мороза шинигами не очень успешно шевелил голубыми губами. — На такой холодрыге только движение спасет. К тому же нам повезло: аякаси только возникла и в полную силу войти не успела.

Кажется, вместе они не сражались — и было очевидно, почему.

Точнее, не они вместе, а кто угодно рядом с Ичикой. Кроме меня.

Вечерняя прогулка была позади. Я задумчиво шинковал овощной салат, попутно

пытаясь при помощи ки жонглировать бататами. Бататы периодически шмякались на стол, но ничуть не страдали. За это я их любил отдельно. Мысли бродили и вязли в голове, как будто она была налита густым киселем.

Мне срочно нужно было за монеткой. Салат никуда не убежит.

— Карачун, я сегодня не буду тренироваться. Мне нужна еще одна башка, чтобы думалось эффективнее.

— Скучный ты. Ну давай, — от целого скелета он оставил лишь висящий в воздухе череп.

— Я сегодня попробовал усилить ки нервную систему. Это было не очень эффективно.

— Да, согласен, получилось так себе.

— А почему здесь я делаю так, — я подпрыгнул на пять метров и легко приземлился на место, — а там так не делаю?

— Ты же сам всё только что сказал. Там вам не тут.

Меня озарило. Карачун ухмыльнулся.

— Ты заходи, если что.

Жареная курица покрывалась румяной корочкой. Кисель в голове схлынул, и мысли забегали как надо. Обучение ки не просто так проходит во внешнем мире. Будучи рядом с Карачуном, я оперирую напрямую душой. В реальности же я представляю собой конструкт, а это дает немалые ограничения из-за слабого навыка контроля. Даже здесь, на Востоке, где каждый прохожий знает теорию внутренней энергии, этому учатся с детства и совершенствуют до старости.

Но я не хотел жить здесь до старости.

Смартфон снова завибрировал. Да чтоб тебя, мне начинает надоедать. Каждый раз не новости, а хрень какая-то.

«Костян, я завтра с утра прилетаю, от аэропорта Токио до Сайтамы недалеко. Где-то в 9 часов встречу у дверей общежития, чтобы по запаху ориентироваться не пришлось».

Ох, бать, увидел бы ты, насколько тут, в Японии, мне не до девушек в последнее время — не похвалил бы.

В 8:45 я стоял у дверей общежития, бодрый как никогда. Весеннее солнце пригревало, кто-то чирикал в близлежащих кустах, и в целом утро было неплохим.

— Костян, чота ты вымахал.

Разнежившись, я как-то пропустил тот момент, когда он прошел от ворот до дверей. Мы обнялись — не как люди, не видевшиеся годами — и направились к моему жилищу.

— Пойдем, я тебе матрас подтащил. Извиняй, вторую кровать ставить особо некуда.

— Я вообще думал гостиницу поискать, но это сразу полдня займет. Спасибо, матрас так матрас. Кстати, Костя, а зачем ты рунами так обвесился? На тебя же вся окрестная монстра агрится.

Я застыл прямо посреди лестничного пролета.

— А, ты не заметил? Или подумал, что так и надо? Пойдем-пойдем. Сейчас почию.

Матрас увеличенной длины я прикупил на сэкономленное, как только папа изъявил желание мне помочь. Весной в Токио очень сложно найти жилье: туристы то смотрят на сакуру, то участвуют в местечковых фестивалях, то у них случается турнир по сумо, то еще какая напасть. Было бы намного проще поселить его у себя, благо правила общежития позволяли, а комендант лично изъявила желание поздороваться с гостем при случае. Вещей у Кощея Кошеевича было немного, один рюкзак.

Вторая постель заняла львиную долю свободного пространства, но отец был не в обиде и сразу пошел знакомиться с кактусом, отдельно отмечая его упитанность. Кажется, золотой баррель пока оказался единственным существом, которому было все равно, в Яви жить или в Нави.

Он совсем не изменился: внешностью мы различались мало. Груз прожитых веков никак на нем не отметился, будто и вовсе не было. Располагающее открытое лицо с прищуренными глазами, высокие скулы, достойный при его худобе размах плеч и отличная осанка — Кошеев-старший был известным сердцеедом. Интересно, буду ли я внешне похож на него лет через, скажем, двести? Или у моего табла своя судьба?

Умывшись и расчесав светлые волосы, он чуть обустроился и, кинув вещи в стирку, вынул из отдельного пакета немного дорожной еды. Собрали нехитрый завтрак. Ели мы одинаково: накалывая кусочки на вилку или относя их в рот, прижмуриваясь в особо вкусные моменты, протягивая руку за стаканом с соком. Я и забыл, насколько мы похожи.

— Фух, — папа окинул взглядом стоящие на столе пустые тарелки. — Или я дурак, или ты готовить научился. Если так, то ты совсем уже мужик.

— Всё сам, всё сам. Скатерть с собой не уместилась. Вот учусь потихоньку, — если честно, я немного гордился успехами и радовался хотя и топорной, но похвале, которую столько лет не слышал именно от него.

— Раз мы поели, у нас теперь три задачи. Первая — разобраться с твоими рунами, которые уже скоро в салат превратятся, столько ты их напихал, — Кощей Кошеевич сделал паузу и со скепсисом оглядел круги у кровати.

— Кажется, я и правда перестарался. Как в магазин по темноте пойду, так сразу всякая хтонь рядом концентрируется.

— Это поправимо. Вторая задача — добыть хавчика, потому что едим мы порядочно. А третья — покажи-ка мне город поблизости. Сто лет по цивилизации не гулял.

Я не был уверен, что он применил фигуру речи. Кто его знает, может, и все сто.

— И начнем с первой. Раздевайся до пояса и достань руническую вязь вон оттуда, — папа указал на мою сумку, где я несколько недель назад забыл свой понтовый блокнот.

Его пальцы снимали с пола руны, как будто те были сделаны из липкой ленты, а не из чистой энергии. Каждую встряхивал в руке, и она испарялась крошечным облачком. Потом настала очередь моего собственного тела. С него руны сходили чуть сложнее.

— Костя, я, кажется, уже спрашивал. Ты зачем их столько налепил?

— Да преимущественно в целях защиты. Видишь ли, мне Аля и бабушка нагадали, что нужно срочно паковать рюкзак и валить в Японию, чтобы здесь, под Токио, найти суженую. А поскольку с полетами и вообще путешествиями у нас традиционно сложно, меня окольными путями забросили на Камчатку, откуда я уже добирался до островов. И по иронии судьбы в дороге ко мне всякая шваль липнуть начала: болотные кикиморы, иркутские продавцы бууз, читинские знахари и монгольские шаманы. Вот чтобы они отстали, решил сделаться менее броским, — я показал нарисованные прямо на себе связки, которые по моей задумке должны были отпугивать любопытных. — А когда выяснилось, что здесь околوماгической шелупони еще больше, я вот что склепал.

Практика на батате не прошла даром: блокнот подпрыгнул и, перевернув обложку, продемонстрировал то, что я постоянно носил с собой — за исключением последнего дня.

— Но, я тебе признаюсь, от этой конкретной вязи нихрена не изменилось. Как липли в середине апреля, так липнут и в середине мая.

— Ничего удивительного, — Кощей снял с моей ауры последнюю руну воды и принялся разбирать надпись в блокноте. — У тебя здесь на всё тело и на листке одно и то же, причем повторы друг друга не усиливают. Восточные мононокэ туповаты и поэтому обожают руны «человек» и перевернутую «воду». Ума не приложу, почему такой выбор. Они по непонятным причинам уделяют им чрезмерное внимание, причем нормально таргетироваться не могут и промахиваются на полкилометра от руновода.

А, вон оно что...

— ...более того, если поблизости водится рыба покрупнее, то могут возникнуть проблемы трудности идентификации. Видишь ли, если есть мононокэ умнее стандартных, он считывает не знаки по одному, а сразу вязи. Если он видит непонятную ему «пустоту», в которой, по логике, должно что-то быть, он начнет на нее охотиться. Ведь в его охотничьих угодьях не может быть неисследованной пустоты.

— Здесь это называют аякаси, что примерно и означает «мононокэ умнее стандартных».

— Значит, особый аякаси, — батя зачистил от рун вообще всё пространство, которое было ими заполнено. — Новые клеить будем, или пока так погуляем?

— Да давай голым похожу, — коже будто стало легче дышать, я с удовольствием потянулся и хрустнул, казалось, всем телом разом. — Если вечером что-нибудь придумаем, тогда и нарисуем. А может, и так обойдемся, ты же со мной. Что там дальше по плану?

— А что здесь есть из местной кухни?

— Пап, мы же только что поели.

— Но ведь это можно взять с собой?

Я накинул футболку, и мы пошли по знакомым местам. Яки-имо уже не продавали, было жарковато. А вот с икаяки проблем не возникло, их жарили на том же месте, где и в прошлый раз. Отец помахал рукой продавцу, оценил кальмара, а потом перекинулся с

владельцем лавки парой слов. Как мне говорил репетитор по японскому... Фатическое общение. Болтовня. Не имеет ни малейшего прикладного смысла, однако служит социальным целям и поднимает настроение. Small-talk принадлежал к этой же касте. Я внимательно слушал диалог, будто находясь внутри учебника. А вась чего нахватаюсь: бесцельное общение мне не давалось. Для себя я это объяснял малым социальным опытом.

— До чего же у них эта мелкая уличная готовка хороша! — Кощеев-старший прихватил еще пяток кальмаров с собой, и мы отправились дальше. — Каждый раз смотрю и думаю: чем проще выглядит, тем сложнее учиться.

Помнится, я пришел в свое время к тем же выводам. Воистину, не подменила меня повитуха.

Кондитерская с тайяки тоже стояла на полагающемся месте. Отец, только открыв дверь, сразу показательно всплеснул руками и с хорошим славянским акцентом возопил на плохом японском:

— О ками, это ведь легендарные токийские рыбки! Как хорошо, что мой сообразительный сын привел меня именно сюда! Наконец-то я увижу и попробую такую важную часть восточной культуры!

Надо ли говорить, что спустя минуту он был уже окружен кондитерами. Они едва ли не облепили его и уговаривали совершенно бесплатно попробовать вот эту рыбку, и вот эту, и вот эту тоже обязательно. Я пришел в себя, когда его увели на кухню — показывать процесс. Вот хитрая задница. Ладно, возьму пару рыбок, посижу, покусаю их за хвост. Пока, может, пойму, как он изобразил славянский акцент.

Уходили мы оттуда через полчаса под хоровой плач, и из нас выдирали обещание, что мы обязательно вернемся.

Из известных мне мест — а знал я мало — оставалась раменная. Я решил сначала показать туристический центр города, а потом уже отправляться за едой. Отец вел себя как настоящий гайдзин, но местные смотрели на него с восхищением, близко, впрочем, не подходя. Он каким-то образом запечатал потоки Нави, догадался я, и смертью от него не фонило. Вот чему бы научиться.

На центральном проспекте к нам подошел мужчина в обычной летней одежде. Всё бы ничего, но он поздоровался с отцом за руку. Разговаривали они на японском. На меня внимания незнакомец не обратил.

— Давно не виделись, Кощей-сан. К сыну?

— Да, вот в ваши края заглянул. Встретимся вечером, что ли?

— Что б не встретиться, я в ближайшее время не очень занят.

— Хорошо, пиши-звони, посылай сигнальные ракеты.

Я удивился. Папа поспешил ответить:

— Это Миямото, мы с ним раньше вместе работали пару лет. Я знал, что его семья здесь живет. Оставляю тебя на вечерок, если ты не против. Сослуживцы, всё такое.

Подробности выяснять не хотелось. Но когда мы нагулялись и добрались за раменом, меня все-таки смутила одна деталь.

— Пап, а давно ты японский знаешь?

Он наморщил лоб:

— С прошлой недели.

— Но как?..

— Да без особого труда. Я высший некромант, поэтому обладаю навыком чтения душ.

Сначала лет триста — триста пятьдесят практиковал, дальше специально учился. Если душу правильно прочитать, можно установить с ней телепатический мост. Потом действует общее правило коммуникации: адресант, адресат, код. Грубо говоря, один сообщает что-то другому, при этом информация шифруется. Так работает любой язык мира, от привычного до жестового или танцевального. Понять сообщение можно, только если этот код расшифровывается со стороны получателя. Оказалось, если адаптировать высшее заклинание мгновенного перевода, оно хотя и потребляет энергии больше, чем хотелось бы, но дает эффект эмпатии, понимания на абсолютном уровне. И таким несложным образом...

Я внутренне застонал.

— ...можно изучить любой язык, если к нему есть ключ. Алфавита и основных понятий достаточно, можно даже в плен никого не брать.

Кошей Кошеевич оценил произведенный эффект и, смотря на мое вытянувшееся лицо, добавил:

— Да не парься, ты тоже осилишь. Не всё сразу. Смысл понял?

Я признался, что в целом да, понял.

— Молодца. Еще лет сто, и меня на этом поприще уделаешь.

— Так вот ты как общался в джунглях?! — до меня дошло спустя несколько шагов.

— А может быть, и раньше, — одобрительно усмехнулся он.

Оценив местный рамен, мы направились к супермаркету. Еда сама себя не добудет.

Должно быть, мы с отцом представляли колоритное зрелище и привлекали много внимания. По сравнению с местными мы были высоченными и слишком худощавыми, а наши пепельные волосы довершали картинку. На нас оборачивались поминутно. К тому же отец еще бросал взгляд на любую симпатичную задни.... кхм... юбку, а каждой более-менее пристойной груди он обольстительно улыбался, чем вгонял стеснительных японок в краску. Оборачиваться начали каждые полминуты.

— Смотри, какая шикарная попка в великолепном кимоно. Загляденье. А ведь кимоно было создано, чтобы скрывать фигуру! Так и не скажешь. Попец изумительный. По-любому много лет о нем заботится. Может, даже кремом каким мажет...

— Пап, — закатил я глаза. — То, что ты говоришь это на русском, не отменяет...

Того, что адресат может нас услышать. И иметь пресловутый код для расшифровки сообщения. Понять. И обернуться белым пушистым песком, очень фигуристым и на редкость зубастым.

— Кажется, я понятным языком говорила: не попадайся мне на глаза, кошеево отродье, — раздраженно процедила Тамамо-но Маэ. — А ты еще и ксерокопировался...

Прекрасная обладательница кимоно вытянула руку и щелкнула пальцами. Вместе со звуком пронеслись волны силы, создавая барьер, оборачивающий Явь в Навь. Точнее, будь маневр в исполнении какого-нибудь старшего кощея или шинигами, я бы точно сказал, что это наш вариант техники, прикрывающий реальность от буйства потусторонних сил. Может, на Востоке дела обстоят с точностью до наоборот. А может, по всему миру барьеры одинаковые, я пока не был в курсе.

— Кажется, нас сейчас будут бить, — спокойно констатировал я. — Вероятно, ногами. Лапами. И даже хвостами. По лицу.

— Бьет — значит, любит, — проявил оптимизм отец. — Прекрасная леди желает познакомиться?

— Так ты, скотина, еще и забыл меня?! — зарычала женщина.

Трансформация тела заняла долю секунды. Исполинская лисица высотой конкурировала с ближайшим зданием, и ее вид не предвещал вообще ничего хорошего.

— Так, Костян, папа задержится. Жди меня на востоке с рассветом.

Кощей Кошеевич вытянул руку параллельно земле и выхватил из воздуха костяной полноростный посох. Длинные пальцы держали целый позвоночник.

— Потанцуем? — обратился он к огромной кицунэ, что хлестала в разные стороны многометровыми хвостами.

И меня выкинуло из барьера наружу, в реальный мир.

Отцу не требовалось рисовать руны в воздухе. Они сами возникали вокруг, сплетаясь в нужные знаки, окружая его тело. Лисица взмахнула хвостом — из щита выбило несколько вязей. На их место встали новые. Движение когтистой лапы — и в Кощей полетел сразу ворох волн кимэ. Он стукнул посохом и отбил их встречной волной. Утробный рёв недовольного зверя — и в воздухе зазвенели стальные цепи, материализованные из пустоты. Я был почему-то уверен, что звери не носят оружия. Ошибался.

Посох раскручивался, превращаясь в костяной щит. Цепи бились и стучались в этот щит, откалывая кусочки, изъедая его. На секунду отец будто стал нематериальным, и в этом месте цепи оплели пустоту. Фрагменты посоха, повинувшись заклинателю, встали на место. Цепи были целы. Костяной позвоночник был цел. Оба противника поняли, что этим оружием друг друга не пронять.

За спиной Кощей потоки мертвой воды сгущались, завихрялись и уплотнялись, пока не стали сферой. Он указал посохом, и новый снаряд разорвался над лисицей, прямо у ее головы. Богатая шерсть намокла. Ручьи Нави стекали по телу зверя, оставляя прорехи в меховой шубе, проедавая бреши в обороне. Отец присел на колени, размахнулся рукой и впечатал ладонь в брусчатку, где вспыхнул мертвенным светом знак Призыва.

Перед ним выстраивались шеренги призрачных солдат. Чем они были вооружены? Что-то с крупным стволом, вроде огнестрельное, но... Как я ни прищурился, так и не понял.

— Пли! — скомандовал Кощей.

Из неведомого оружия вылетели сотни фейерверков, огромных классических китайских хризантем, драконов, шаров. Над головой зверя расцвело небо, потемневшее было за барьером. Канонада слепила лисицу, жгла глаза, не давала нормально смотреть. Одну лапу она прижала к лицу, а второй отбивалась от дыма.

Завеса салютов закончилась быстро. Акустической волной лисица разогнала остатки атаки — и оказалась прикована к месту.

Каждый ее хвост был снабжен печатью о-фудо, висящей на огромной бумажной веревке.

Ее это опечалило, но не остановило. Перед отцом разворачивался лисий морок: огромная песчаная волна накатывалась, грозя погresti под собой и его, и весь город.

Барьер стал непрозрачным. Представление окончилось.

— Ну, значит, ожидать его с рассветом. На востоке. Ну и фигура речи. Ладно.

Я заметил собаку, дисциплинированно сидящую снаружи барьера в безопасном месте.

— Да ты подрост, красавец, — это точно был тот самый щенок, которого не так давно я сопровождал в ветклинику. Он посмотрел на меня умными глазами.

— У них эти игрища теперь надолго. Может, погуляем пока?

Судя по виду, пес никуда уходить не собирался.

— С твоей хозяйкой тоже всё будет хорошо, не сомневайся. У взрослых магов свои развлечения — надо же им как-то веселиться. Ну, раз не хочешь со мной гулять, будь

здоров, — я почесал животное за ухом и отправился в направлении супермаркета. За бату волноваться не стоило, а вот еда, как уже упоминалось, сама за собой ходить отказывалась. Справлюсь как-нибудь.

Смартфон ожил. В мессенджере светились сразу два сообщения.

«Особое распоряжение. Руководство Старшей школы Сайтама настоятельно рекомендует учащимся воздержаться от посещения центра города Сайтама. Квадрат, нежелательный для посещений, очерчен Четвертым шоссе, железной дорогой, рекой Сиба и...»

Ну, здесь всё понятно. Надо бы сваливать из этого квадрата. Разумеется, руководство абы чего не посоветует. Второе поинтереснее.

«Привет, Константин-кун! У меня сегодня Гражданский турнир по боевым искусствам. Сначала думала, что не хочу позориться при всех, а теперь уверена, что без группы поддержки жизнь моя — полное говнище. Подойдешь вечером в Золотой спортивный зал? Начало с 18 часов». И селфач в тренировочной одежде.

Подойду, Томоко-тян. Конечно, подойду. Сразу надо было звать всю толпу, собрались бы, никуда не делись. И с чего бы в ней такая скромность?

— Привет, Изаму-кун, Кавагути-кун.

— Привет. Мы тебе даже писать не стали — сразу подумали, что встретимся у входа.

Что-то ты выглядишь немного помятым.

— Да ничего особенного. Из супермаркета сегодня пакеты таскал, всю дорогу делал ставки — какой из них порвется. Батя утром приехал. Ауру мне почистили от лишнего.

— Так, — наморщил лоб Ханаваро. — Если ты Константин, сын Кощея, то хочешь сказать, что лично Кощей Бессмертный собственной персоной бродит где-то по Сайтаме, и это типа нормально?

Вместо ответа Изаму достал смартфон с открытым мессенджером и помахал им.

«Особое распоряжение. Руководство Старшей школы Сайтама настоятельно рекомендует учащимся...»

— Ааааа, — протянул недзуми. — Ну да. А чем он там вообще занят?

Я очень вкратце объяснил.

— Подожди-подожди. Я правильно понимаю, что у тебя завелась девушка, но она об этом не знает, и ты вызвал целого Кощея, чтобы проверить, та ли это девушка? — у Изаму данные не стыковались.

— Типа того.

Танака-сан-папа и Танака-сан-мама в окружении толпы младших они были заметны издалека. Мы пробрались на трибуну Золотого зала и оказались в самых задних рядах.

— Привет, молодежь, — отец семейства явно был стеснен нахождением в человеческой форме, но вида не показывал. — Она вас почему-то звать не хотела.

— А я ей намекнула, что поддержка друзей — это важно, — мама сияла как хорошо начищенный медный чайник. — Вот наша Томоко, скоро выходит на ринг.

— Какая секция? — полюбопытствовал Изаму. — Томоко-тян очень многими вещами занимается.

— Сегодня оперативное карате, — не без гордости сообщил старший они. — В самом начале идут.

Ага, значит, мы здесь не до ночи.

Первым противником Томоко стала высокорослая девушка абсолютно треугольного внешнего вида. Широкие плечи образовывали ярко выраженную трапецию с узкими бедрами. Создавалось ощущение, что если ее правильно ткнуть пальцем в плечевой пояс, она потеряет равновесие. Я ценителем странных фигур не был.

Впервые за всё время знакомства я решил рассмотреть саму Томоко. Ладно скроенная, с атлетичной фигурой, она в белом тренировочном кимоно выглядела... уместно. Волосы гладко убраны. Кожа чуть бледнее обычного, скулы немного заострились — сказывался стресс перед турниром. Черный пояс, сверкая новизной, перетягивал ее талию.

Старший они проследил мой взгляд:

— Новый подарок. У нее давно черный пояс, но предыдущий выцвел. Она расстроилась, сказала, что в таком соревноваться не пойдет, ей стыдно за внешний вид.

Девушки...

Изаму и Кавагути за моей спиной что-то разворачивали. Младшие они помогали им по мере сил. Это оказался огромный транспарант, на котором все слова были стандартными

японскими буквами, а одно латиницей. Я прочитал и прыснул в нос.

ВСЕ KOZLY, А ТЫ ХОРОШАЯ!!!

Томоко, готовясь внизу к своему спаррингу, глазами нашла нас и быстро прочитала написанное. Ее сложило пополам, а когда она отсмеялась — показала нам знаком, что всё увидела.

— Между прочим, Гражданский турнир — это не менее важно, чем поддержка друзей, — мы провожали семейство они до их жилья, чтобы потом разойтись по домам, и мама Томоко рассказывала, что было не так с последним спаррингом. — Дает опыт социального взаимодействия и позволяет и других рассмотреть, и себя показать.

— Мам, а второе место — это хорошо?

— Конечно, хорошо, — Танака-сан положила руку на пояс дочери. — Ты достойно продемонстрировала все навыки, была вежлива, соблюла регламент и субординацию, оценила соперников и ни разу не травмировалась. Полностью подтвердила свой черный пояс. Отличный результат. Просто противник чуть старше и крупнее. Масса тоже решает.

Я на это лишь хмыкнул, вспоминая события финала турнира.

Некоторые детали не складывались. Противница Томо (как и сама великанша) совершенно не выглядела усталой, побывав в шести схватках подряд.

Это, кстати, была рослая загорелая девица еще выше Томо-тян. В той же весовой категории. Беглый осмотр информационного буклета ничего не прояснил. Онидзука Асука, 23 года, сотрудник полиции. Онидзука, серьезно?

Я решил немного любопытствовать.

— Кошечев-кун, фары притуши, — негромко заметил Танака-старший.

— Ой, — спохватился я, прикрывая горящие зеленым светом глаза, и проморгался. — Лучше?

— Да. Всё заметил?

Я кивнул. Слепок ауры Томоко-тян не отличался от ее истинной формы — передо мной гигантская шестирукая синекожая демоница. Тем удивительнее было обнаружить, что Онидзука-сан, простите за каламбур, тоже они. Краснокожая гренадерша, ростом и телосложением не уступавшая отцу семейства. Но с двумя руками. Хах.

— Получается, вопрос только в привычке? — уточнил я причину поражения подруги, когда мы чуть отстали от основной группы поддержки.

— Моя милая дочь, пожалуй, слишком заиклилась на людском аспекте боевых искусств, — недовольно проворчал мужик. — Все известные и именитые мастера рано или поздно переходят на владение ки. Томо-тян хотя и гениальна и по генетике, и по подходу, упрямо продолжает тренировать только рукопашные навыки.

— Вот как... — я осознавал, что для рукопашников создание духовного оружия — это отдельный сложный трюк.

— Так что если вдруг она решит освоить оперирование энергией — без сторонней помощи не обойдется, — отец семейства улыбнулся одними глазами.

Я уловил всё, что мне хотели сказать.

Я, Изаму и Кавагути стояли на улице перед старым японским особняком, где впервые за много времени в додзё не горел свет. Ну, хоть один день эта семья может позволить себе не тренироваться до упаду.

— Что дальше? — я поинтересовался не просто так. С учетом приезда отца каждый план требовал немедленных корректировок.

— Завтра школа анонсирует какое-то дневное мероприятие с целью улучшения навыков нахождения в человеческом обществе. Но какое — лично мне неизвестно, — Изаму развел руками. — А так всё без изменений.

— Знаю я, что это за мероприятие, — нахмурился Кавагути. — Лично мне уже не очень нравится.

После драматической паузы он пояснил:

— Быстрые свидания.

Мы оторопели. Я не выдержал первым.

— Серьезно? Это когда ты приходишь на вечеринку, а там устраивают короткие свидания с целью познакомиться друг с другом как можно больше людей противоположного пола?

— Да, — скривился Изаму. — Очень популярно в городах, где население много работает и поэтому не может себе позволить тратить время на полноценные знакомства.

— Ой да ладно, — я не верил, что эта толпа ботанов попросту боится девушек. Хотя бенто они себе сами собирали... Значит, бенто-план, выданный Изаму, или не сработал, или дал осечку на каком-то этапе. — Наверняка же есть инструкция?

Мы дружно полезли в мобильники.

— Во, нашел, — я жаждал делиться знаниями. — На быстрых свиданиях девушки обычно сидят за столиками, а мужчины переходят от одного столика к другому через равные интервалы времени — например, пять минут. Таким образом за час каждый пообщается с дюжиной потенциальных партнеров.

— Блин, двенадцать человек... — недзуми был морально подавлен.

— Так, збагойно, мы еще правила не читали. Итак. Правило первое. Будьте опрятны и не отпугивайте собеседников. Чистая одежда, чистая кожа, волосы, ногти, приятный запах. Выбирайте вещи, в которых вам будет комфортно.

Мы оглядели друг друга. Обычная летняя одежда, не новая и не старая. Все постиранные. Изаму дернул носом и вынес вердикт:

— Ага. До завтра в грязи не плавать, днем в душ, чистые шмотки — и нормально. Давай дальше.

— Дальше. Позитивный настрой. Угрюмое и неприятливое настроение скрыть не получится. Представьте себе кислую мину на лице у вашего собеседника — вы, вероятно, сделаете вывод, что продолжать общение с вами решительно не желают. Даже если мимика партнера с вашим присутствием не связана. Дарите положительные эмоции, и они вернутся многократно.

Кавагути унывал на глазах. Я показал на него пальцем и сообщил:

— Вот пример, как делать не надо. Все запомнили? — собеседники закивали. — Тогда дальше. Будьте любезны и приятны. Моральный облик ваших знакомых и родных — тема неудачная, как и политика, как и религия. Душевный стриптиз для первого свидания тоже не подойдет. Хорошие темы — кино, музыка, хобби, книги, животные.

Изаму, услышав слово «книги», отчетливо сделал стойку. Путь мы продолжили в полной тишине.

Ох, весело будет завтра.

К ночи отец не вернулся. Я приготовил побольше еды и, черкнув записку «ЧТО ИЗ КАЛОРИЙ НАЙДЕШЬ, ТО ТВОЁ», пришилил ее на холодильник и с миром ушел спать. Никаких рун, восстанавливающих тело и ресурс. Никаких вспомогательных способов

прокачаться и усидеть на двух стульях. Просто обычный сон. В этом что-то было...

Утром записка была на месте, а батя все еще не появился. Значит, пока что планы не требовали корректировки. С самого пробуждения я наслаждался ощущением тела, очищенного от амулетов и усилителей. Оказывается, я давно забыл, как можно просто функционировать, а не превозмогать на чужой земле. До конца текущего урока.

Потому что...

— Присутствие всех учеников обязательно, — отчеканил сенсей и вышел. По классу прошелся повторный плач царевны Несмеяны.

Я невольно удивился. Оцепенели не только друзья Ладно школьные ботаны с неоднозначной репутацией и сомнительной популярностью в школе в целом... и в классе в частности. Но почему остальные выглядят так, словно их собрались тащить на самую страшную пытку в их жизни? Это же просто вечер социального взаимодействия! Кого бы спросить? Томо, при всех ее немалых достоинствах, вряд ли выдаст адекватный ответ, а значит...

— Кицуки-сан, есть минутка? — обратился я к вечно занятой шинигами.

Реакция показалась странной. Ичика отчетливо вздрогнула.

— Если только одна, — собравшись с силой, ответила она.

— Тогда поговорим по дороге в столовую? — предложил я.

— Я с вами, — влезла Томо и, к моему удивлению, сразу же добавила: — Если Кицуки-сан не против.

Возражений не последовало. Мы неторопливо двинулись по школьному коридору. Я изложил свое недоумение по поводу реакции общественности после объявления вечера быстрых свиданий.

— Тут все одновременно легко и сложно, — начала объяснение Ичика. — Как известно, современное человеческое общество построено на принципе равенства. При таких входных данных идея быстрых свиданий не вызывает отторжения, ведь все участники равны в своих правах и возможностях. Для йокаев же... — девушка замялась, подбирая наиболее подходящий пример. — Представь, что на свидании встретились бакэнэко и инугами. И провели отличное знакомство. И даже понравились друг другу как личности. Положа руку на сердце: как ты представляешь их будущую совместную жизнь?

— Как *kosha s sobaken*, — Томоко явно питала нежность к русским поговоркам.

— Верно, Танака-сан. Ведь важна внутренняя иерархия. Поэтому ученики и нервничают. Однако же тренировка еще важнее: среди йокаев мы немного пострадаем морально, сделаем несколько ошибок, зато среди людей подобное мероприятие — да и взаимодействие в обществе — будет не так рискованно.

— Тяжело вам приходится, — посочувствовал я. — Примерно понял, спасибо за уделенную минутку.

Ичика отправилась в дальний угол. Ей тоже было жаль тратить время на вечернее мероприятие: поговорить с ней на равных окажется мало желающих. Тренировка будет так себе. Жаль.

Я вытер палочки салфеткой и внезапно обнаружил две вещи.

Во-первых, в одном углу столовой кучковались оба Кицуки, а с ними еще несколько старшеклассников. Казуя оживленно жестикулировал, что-то объясняя им, а потом заметил мой взгляд и внезапно замолчал, кажется, слегка побледнев. Ладно, кто я такой, чтобы допрашивать президента школьного совета...

А во втором углу сидел невзрачного вида паренек, которого окружала стайка старшеклассниц. Они щебетали, принимали странные позы и всячески мерялись бенто... кажется.

— А, Кен-кун, — Томо проследила за моим взглядом и помахала ему рукой. Парень расцвел и помахал ей в ответ.

— М? — издал я вопросительный звук.

— Кохай из клуба карате.

— Серьезно? — удивился я.

— А еще посещает клуб дадзен. Медитирует. Он этот... как его... — девушка задумалась, вспоминая. — Сукабус? Секс-бас?

Что? Половой автобус? Сексуальный голос?

— Может, суккуб? — не иначе как при помощи божественного откровения догадался я.

— Да, точно!

— Не совсем, — усмехнулся я. — Если он парень — а судя по стайкам девиц вокруг, по-другому быть не может, — тогда это инкуб. Занятно. Видимо, межнациональный брак — редкая штука.

— Ты знаешь о них? — поллюбопытствовала подруга.

— Да. Многие уверены, что это монстры, которые сосредоточены на сексе. К счастью, неправдивы слухи, порожденные современной поп-культурой. Они ни в коем случае не похотливый аналог вампиров. В каком-то смысле это духи грез и сновидений, кормятся энергией эроса, оно же либидо.

Стайка девушек, у которых разве что сердечки в глазах не мелькали, выглядела странно. Он что, со всеми ними спит? Похоже на банальный сюжет из плохой эротической новеллы для спермотоксикозных школьников.

— Не то чтобы меня интересовали слухи, но это странное зрелище.

— Ну... — Томо задумалась. — Я, помню, случайно услышала о нем фразу «установка залпового огня десятого калибра».

Я закашлялся.

— Что? Ты можешь перевести, о чем это?

— Э... — я постарался подобрать подходящие слова. — У Кена здоровенный отбойный молоток...

— А, поняла, — Томо спокойно вернулась к обеду.

— Тебя ни капли не смущает говорить о подобном? — уточнил я.

— А почему должно? — удивилась она. — Подумаешь, размер полового органа. Кену никогда не победить меня. Я сильнее.

Суровое правило демонов-они: слабаками не интересоваться. Вне зависимости от слабачьих калибров.

— Ясно, — кивнул я и начал убирать пустой контейнер в сумку, будто не заметив странный взгляд, брошенный в мою сторону. Ага, то есть мной ты интересуешься? Что ж, так и запишу: с точки зрения японских демонов-они отродье кощеево слабаком не является.

— Добрый день, Кен-сан! — я подошел, предварительно отрепетировав сцену внутри головы. — Я Константин, ученик второго класса. Томоко-тян порекомендовала тебя как великого специалиста по девушкам. Не уделишь мне пару минут?

— Привет, Константин-сэмпай! — Кен протянул мне узкую ладонь. — Насколько я специалист, знают разве что девушки. Сам оценить не могу. Пройдемся? Прекрасные девы, я

вернусь совсем скоро!

Прекрасные девы хором застонали. Наверное, они меня ненавидели.

— ...И, как назло, в этот момент я нихрена не рассмотрел. Понимаешь, вот и сиськи наружу, и шрам вот он, прямо в глаза бросается. А я как замороженный влип в эту белую кожу, и хоть бы на секунду мозг проснулся.

Инкуб сочувственно на меня смотрел.

— Найти связанную с тобой красной нитью судьбы... дело благородное, наверное.

— Но помогать незнакомому гайдзину в сомнительном занятии за просто так? — согласно кивнул я. — Поэтому готов отплатить, чем смогу.

— А чем сможешь... надо подумать.

Спустя полминуты его лицо просветлело.

— Придумал. Я, конечно, кое-что слышал о твоей фамилии от родни, и с учетом этого было бы разумнее просить ответную услугу... но давай остановимся на цене в сто тысяч йен.

Я слегка поднял бровь. У меня были кое-какие сбережения, расплата меня не пугала. Сто тысяч — довольно внушительная сумма даже для старшекласника. Можно попросить у отца, конечно, но всё же...

— По рукам. Извини, не могу не... почему ты решил выбрать именно деньги?

— Да всё просто. Я живу в общежитии. Большинство девушек тоже. И денег с подработки на лав-отель не всегда хватает, — без тени смущения пояснил инкуб.

Воистину, демон похоти. Я старался держать серьезное лицо.

— Тогда рассказывай свои соображения.

— Придется тебе чуть себя дискредитировать, зато мучиться перестанешь. Девушки постоянно ходят в душ толпами, сейчас одна толпа, после них другая, подглядеть много ума не надо. Помогу чем смогу. Не взъщи, но остальной план разрабатывать будем не раньше завтрашнего дня. Сегодня я занят.

Мы расстались, довольные знакомством и обменявшиеся контактами.

Заглянув перед тяжелым вечером домой, я с удивлением обнаружил, что батя все еще не вернулся. Успокоил себя я быстро: если бы с Кощеем что-то случилось, мне бы сообщили первым. А теперь нужно быстро утопиться в душе, пристойно одеться и пойти, извиняюсь, встречаться.

Изаму и Кавагути ждали у ворот. Мы подошли к спортзалу, и нас встретила, разумеется, Рингёко-сан. Я даже не удивился. А кто же, если не она.

— Добрый вечер, парни! — сэнсэй буквально лучилась какой-то радостной эмоцией, природа которой была мне непонятна. — Вот ваши анкеты! Всех старшекласников разделили на три группы, чтобы вам было веселее и сложнее взаимодействовать с полузнакомыми людьми, а не только с представителями своего класса. Поэтому, — преподаватель сверилась со списками, — вы, Кощеев-сан, и вы, Акихико-сан, идете в зал один, а вы, Ханаваро-сан, сегодня в зале три.

— Что же, значит, зал номер два в состоянии пережить этот вечер без нас, — Изаму, кажется, хорошо выучил правила взаимодействия на свиданиях и практиковать начал сразу же, не откладывая дело. Мы взяли свои анкеты и пошли их заполнять.

Проще не придумаешь.

Ваше имя? Константин.

Ваша фамилия/псевдоним? Кощеев.

Вы мальчик/девочка? Я мальчик.

Ваш возраст, лет? Эээ... Эээ... ладно, условно 17.

Желаемый возраст визави? Эээ... Да что за день. Ладно, 16–17.

Оставив в последних строчках контактные данные, я вернул заполненный экземпляр Рингёко-сан. Та не глядя положила его в непрозрачную папку и протянула мне бейджик, закрытую карту симпатий и карандаш.

— Если у вас с кем-то случится матч, то вас об этом уведомят завтра в мессенджере. Если вдруг никакого уведомления не будет — представьте, что ещё целых две группы прекрасных девушек остались без вашего внимания!

Я внезапно понял, что за эмоцию транслировала сэнсэй. Это было предвкушение исцеляющей боли. Когда тот, кто причиняет боль, поначалу заставляет себя радоваться, поскольку принесет облегчение пациенту. А потом эта радость прорастает в него крепкими корнями. Сильнейшая профдеформация того, кто всю жизнь был связан с медициной. А теперь и с социальным взаимодействием. В каком-то смысле реально боль.

— Спасибо, Рингёко-сан, — я старался быть искренним, но, входя в зал, внезапно застыл на секунду.

Валькирия, имени которой я не знал. Обладательница тела скандинавского аса, носящая шрам от какого-то колющего оружия. Я даже отца вызвал, чтобы тот помог.

Как она может быть той самой, ради которой я проделал дорогу из тайги до архипелага? Я ведь о ней за две недели даже не вспомнил. Оставалось надеяться, что великий рэндом не поставил нас в одну группу в первом зале.

Тащившийся рядом Изаму поднял на меня глаза. Сказал с утвердительной интонацией:

— Константин-кун, у тебя нет такого нюха, как у меня.

— Нет, — согласился я.

— В общем, она там.

— Кто?

— Хильда Свейсдоттир. Ее так зовут.

Я всерьез думал, переступить ли порог и не стоит ли быстро слиться со стеной, но с неожиданной силой недзуми потянул меня за пояс джинсов. Мы оказались в зале номер один.

— Не только мне тут страдать! — инугами был очень доволен этим фактом.

Да, ребята, эмпатия у вас так себе.

— Соберись, тряпка. У тебя есть призрачный шанс убедиться, насколько твои догадки на самом деле твои.

Да уже всё я знал. И убеждаться нужно было разве что для проформы.

За столиком, куда мне следовало сесть на пять минут, я встретил чудную деву, о которой помнил немного. Во-первых, у нее на бейджике вместо имени было написано Cutie. Ну, милашка так милашка. Во-вторых, это была Ямасаки, нурэ-онна из моего класса. Мы мало пересекались. Ее не очень занимали русские личи.

Я поздоровался, улыбнулся ей и с заинтересованным видом спросил:

— Милая, а нравится ли тебе водный спорт?

— Нет, если честно, не любительница. От воды сильно портится кожа. А как тебе наша национальная кухня? Всё распробовал, что оценил?

— У вас шикарно буквально всё, что не соба. С гречневой лапшой не сложилось.

Пять минут мы взаимодействовали на общие темы. Можно сказать, удачная пристрелка... или первая победа. Расстались мы в нейтральном настроении, проведя время

за этой, как ее... фатической болтовней. В карте симпатий я отметил: «Приятный собеседник».

За вторым столиком меня ожидала большегрудая лоля, которая мало помогла мне при первой битве с омлетом тамагояки. Теперь я хотя бы выяснил, что ее зовут Коно.

— Привет, я Константин. Первый раз на быстрых свиданиях. Не сильно волнуешься?

Моя очаровательная партия молча взмахнула своими невозможными ресницами.

— Как ты себя чувствуешь, всё нормально? — мне пора было беспокоиться, или всё шло по плану?

Она залилась краской и опустила глазищи.

Ладно, попытка не пытка...

— Коно-тян, а как ты обычно проводишь свободное время?

Лоля начала с задумчивым видом наматывать прядь волос на палец.

Следующие три минуты прошли в полном молчании. Я не нашелся, что отметить в карте.

Встреча за третьим столиком ознаменовалась радостным воплем:

— Константин-кууууун!

Я недолго думая решил подыграть и тоже заорал:

— Сотен-сааааааан!

Окружающие начали нервно оглядываться, но нас уже было не остановить.

— Я так рада тебя видеть, Константин-кууууун! Ты еще не загнулся от хождения днем, чертово мертвие?!

— Сотен-сааааан! На улице такая парилка и жуткое солнце, а ты так отлично выглядишь! Как ты ухаживаешь за кожей? У тебя ни единой веснушки!

— Константин-кууууун! Я свожу их при помощи крови своих врагов!

— А что же ты делаешь, когда ее нет под рукой?

— А я иду готовить еду, и кровь в любом случае появляется! Если я на кухне, я сама себе враг!

Мы радостно орали друг на друга в подобном духе оставшиеся четыре минуты. За это пятиминутное свидание мы узнали друг друга куда лучше, чем за месяц нахождения в одной школе и совместной готовки в клубе домоводства. С ней было по-настоящему весело.

Она напоследок ткнула меня пальцем под ребро и прошептала: «А нечего было меня малышкой называть». И показала кончик языка.

Я ушел из-за стола с каким-то сожалением, что она не та.

В карте симпатий появилась пометка: «Экстремальное чувство юмора:»).

Свинью, которую подложила мне Сотен, я оценил за четвертым столиком. Там сидела Акира Кагами, наша староста. На бейджике было указано короткое «Аки». И смотрела она на нарушителя фоновой тишины воистину сурово.

— Аки-тян, ты абсолютно потрясающе выглядишь. Твой вкус в подборе одежды не оставляет шансов мировым стилистам.

— Спасибо, Константин-кун, — оттаяла она. — Я много времени посвятила изучению внешнего вида и рада, что ты оценил мои старания.

Ладно, по голове не получил... Дай хоть рассмотрю. Она сидела вполборота, ее точеная талия была идеальна, параметры тела вряд ли выходили за стандарты европейской красоты. Пропорционально длинная шея, несложная прическа, ровный тон лица — девочка с картинки. Наверное, если бы ее пригласили сниматься в журнал, она на страницах

чувствовала бы себя как рыба в воде.

— Аки-тян, а каким видом спорта ты увлекаешься? Наверняка столь роскошная внешность требует многих вложений. — Я не был уверен, что правильно формулирую мысли.

— О, я занимаюсь фигурным копированием... Ой... Катанием.

— А это сложно? — я сделал вид, что пропустил оговорку мимо ушей.

— Да, очень. Ведь на успешное выступление влияет и выбор одежды, и сопутствующая музыка, и каждое движение, которое нужно изобразить...

Я не мог избавиться от ощущения, что она подстраивается под мою позу и жестикуляцию. И сам не заметил, как прошли пять минут.

Создавалось полное впечатление, что я будто поговорил сам с собой. Странные ощущения.

В карте появилась пометка: «Удивительно красивая девушка».

За пятым столиком меня ждала встреча, без которой я бы сегодня прожил. За ним сидела Хильда Свейсдоттир.

— Добрый вечер! Я Константин.

Хильда молчала, скрестив руки на груди. Я смотрел ей прямо в пронзительно голубые глаза, не отвлекаясь ни на абсолютно закрытую одежду, ни на пшеничного цвета волосы, убранные прихотливыми кольцами.

— Как вам на вечере, не избыточно ли общение?

— ...

— Быть может, я сумею узнать, какими судьбами вы в Японии? Здесь не так много людей, чьи волосы не черного цвета.

Все попытки расшевелить ее окончились ничем. Хильда продолжала молчать, смотря в мою переносицу.

Я не стал ничего вносить в карту. Слава силам Нави, пять минут — это конечный срок.

За шестым столиком меня ждала староста одного из первых классов. Из бейджа я узнал, что ее зовут Андо. Она выглядела воинственной и... напуганной, что ли?

— Привет, Андо-тян! Как тебе здесь, на свиданиях? Не слишком нервно?

— Привет! Я не боюсь трудностей!

— Ты такая смелая! — стараясь сохранять серьезное лицо, отметил я. — А как ты обычно проводишь досуг? Есть ли предпочтения в активном отдыхе или в каком-нибудь спокойном?

— Я жажду только учиться!

Через минуту подобного общения она упала грудью на стол и взахлёб разрыдалась.

— Андо-тян, — вот тут уже точно пора было беспокоиться, — что такое? Что я могу сделать? Принести тебе воды или вывести на свежий воздух?

— Не надо, не надо, — девушка вытирала ручьи слез первой попавшейся салфеткой. — Сейчас пройдет.

Через еще минуту она была полностью спокойна.

— Видишь ли, Константин-сан, если лично я не справлюсь с жизнью в человеческом обществе, моей семье конец. Наверное, я слишком хорошо это осознаю.

Я постарался обдумать ее слова, воспринимая ситуацию как интеллектуальную задачу по получению лишних очков влияния. Очень важно при этом было не встрять в чужие проблемы. Душевный стриптиз я и сам не приветствовал.

— Всегда можно попробовать заручиться поддержкой «человека», — я изобразил пальцами кавычки, — который знает о человеческом обществе больше твоего.

— Что ты имеешь в виду?

— Например... — я прикинулся оглядывающимся. — Как насчет Ханаваро Кавагутикуна? Он неплохой парень, на редкость хорошо разбирается в социологии.

— Ханаваро-кун? Но... — девица еле заметно наморщила носик.

Ясно-понятно, вот оно. Перед мной пример той самой внутренней иерархии. Староста-тян только что наглядно продемонстрировала: она принадлежит к тем йокаям, что крыс недолюбливают.

— Тогда Акихико Изаму, он в этом зале, — бросил я утопающей последний спасательный круг. — Только постарайся быть интересней книги.

— Я запомню. Огромное спасибо, Константин-сан, — она аккуратно поклонилась мне, пытаясь не дотрепать прическу.

На этом наша встреча завершилась. В карте возникла пометка: NEVER AGAIN.

А ведь мне на роду написано девиц похищать, а не спасать. И в роли свахи я тоже не силен. Хотя... семейный бизнес такой семейный. Очень спорный момент, согласился я со своими мыслями, усаживаясь за следующее место.

А встречи с восьмой по двенадцатую я не запомнил, потому что после хозяйки седьмого столика меня не интересовало вообще ничего.

Модельная внешность. Короткое кимоно — черное, официальное, ничего лишнего, но не затянутое по фигуре, а свободное в плечах, на манер рубашки. Под него по последней моде были одеты джинсы. Сколько времени нужно было, чтобы поверх завязать пояс оби — я даже не брался оценить. Густо подведенные глаза глубокого зеленого цвета. Острый подбородок, узкое овальное лицо, обрамленное традиционной японской прической. Заколки с металлическими подвесками покачивались в такт ее движениям и перезвякивали. Ворох стильных браслетов на тонких руках то разбегался до локтя, то с шелестом собирался у запястий. Она закинула ногу на ногу и, не успев я сесть, провела по моей голени носком туфельки на эпической шпильке. Меня проморозило на секунду, но не от физического ощущения.

Просто девушка с бейджиком «Айсонаку Уэно» обольстительно развернулась ко мне одним плечом, и воротник кимоно отошел в сторону. Под ее ключицей блеснула крошечная татуировка в виде стрелы русского образца, белой, с серым соколиным оперением.

* * *

— Как все прошло?

— А, Сон-Хо. Мальчишка заглотив наживку.

— Мы так и планировали.

— Да, конечно. Знаешь, я пообщалась с ним лично... в нем что-то есть. Рост, внешность... кажется, он на меня только взглянет, а я уже чувствую себя слабой и незащищенной. Очень необычное ощущение.

— Не говори, что ты на него запала. Он же слабак.

— Фу-фу, неужели Со-тян ревнует? Не переживай, от тебя никто так просто не уйдет.

* * *

Я вынырнул из сна. Снилось полная чушь. Из моря медленной эротично «от бедра» выходила стометровая годзилла. Судя по хорошо развитым вторичным признакам, она точно была женщиной. В зубах кайдзю держала подозрительно знакомую стрелу.

— Кошечееееей, — протянула она, не вынимая стрелы изо рта, — это яааа! Женииииись на мнееее!

Я как-то не совсем таких снов ожидал после знакомства с прекрасной девой.

Почему мы раньше не пересекались? Уэно-тян даже объяснила это, продолжая гладить мою ногу носком туфельки:

— Понимаешь, мы с тобой посещаем совсем разные места. Домоводство мне без нужды, а боевыми искусствами и правопорядком я не интересуюсь...

Если я потерял голову, то было бы неплохо найти ее и прикрутить на место. Потому что весь мой смысл исключительно в уму. Пока что я находился в заплыве в каком-то бескрайнем голубом океане, и собрать мысли в направлении не вчерашнего знакомства не получалось. Уэно — такое тягучее имя. Я впервые думал о девушке больше двенадцати часов подряд. Очень необычное ощущение.

Б-зззз!

«Доброе утро, посетитель быстрых свиданий! Вот ваши матчи по итогам вчерашней встречи...»

Мне даже показалось странным, что матчей было больше одного. Как вообще такое было возможно? Я видел только ее имя. Имя — и контакт в мессенджере.

«Доброе утро, Уэно-тян! Я Константин. Встретимся? ☺»

«Привет! А я только собралась писать тебе =) Сегодня у театрального клуба репетиция, и мне ну очень понадобилась бы твоя помощь. Ставим русские сказки %) поработаешь консультантом?»

«Уже спешу!»

День пролетел быстро. Обед вообще прошел мимо. Мы сидели под большим деревом, дожидаясь окончания перерыва.

Изаму с утра ходил мрачнее тучи. Ему понравилась Андо-тян, староста первого класса обучения. Как назло, судя по матчам, ей он тоже приглянулся. Но...

— Константин-кун, ты понимаешь, что если я начну отношения, то все эти проблемы тоже станут моими? А не то чтобы я сильно рвался их решать! Константин-кун? — инугами насторожился. — Ты вообще с нами?

Кавагути ткнул меня в плечо и, смотря в мои затуманенные глаза, вынес вердикт:

— Изаму-кун, ты можешь не разоряться. Костика здесь нет. Он плавает в океане физического влечения. Видимо, вчера всё прошло слишком хорошо.

— Ладно, последим, чтобы по учебе не просел. Глядишь, и попустится.

— У меня свидание вечером, — поделился я. Глупейшая улыбка растягивала мои губы, хотел я того или нет.

— Всё, безнадежен, — Томоко махнула рукой.

Я внезапно оживился и пришел в себя. Мимо прошла Айсонаку Уэно. Завидев меня, она игриво помахала мне пальчиками. Рядом с ней шел парень образца «мальчик из бойз-бэнда» — атлетичный внешний вид, кинематографично уложенные волосы, навеки застывшее на лице благожелательное выражение. Справедливости ради, интервал между идущими был. Я угомонился и кивнул ему. Он кивнул в ответ, не изменяя мины.

— А это кто? — я проводил взглядом смазливового красавчика.

— Сон-Хо, топ-три популярности среди парней школы. Как видно по имени, он приехал из Южной Кореи. Сильный рукопашник.

Данные не склеивались. Популярный мальчик, киношная внешность, хорошая физическая форма. По идее, он должен не вылезать из додзё. Как сказала сама Уэно, ее не интересуют боевые искусства. Значит...

— Тогда что он забыл в театральном клубе?

— Айсонаку-сэмпей часто зовет его сыграть главные роли в школьных постановках. Сам понимаешь: если герой привлекателен и нравится девочкам, количество зрительниц резко увеличивается. Соответственно, престиж клуба, который может собрать чуть ли не всю школу, возрастает до небес.

— Вот оно как... — я снова ушел было в заплыв, но быстро вернулся.

— Кстати, ходят слухи, что они встречаются. Разумеется, по заветам айдовов оба все отрицают.

— Логично. Стоит узнать, что оба заняты, как количество поклонников резко сократится.

Нет, я точно знал, что они не встречаются.

Театральный клуб занимал территорию актового зала. Огромное пространство было востребовано редко — здесь проводились церемонии открытия учебного года и всякие прочие формальности. Я зашел и с любопытством огляделся.

— Здравствуй, Кощев-кун, — мило улыбнулась моя супермодель, занявшая удобное кресло перед европейским столом. Сегодня ее прическа была куда проще: коса классического вида шла вокруг головы во славу русским традициям. А, они же наши сказки ставят, точно. — Я глава клуба. Присаживайся, пожалуйста. Чаю?

— Благодарю, — я сел в кресло напротив Айсонаку-сэмпей, — если вас не затруднит.

Предложение было скорее уведомительным согласием. Айсонаку-сэмпей вскинула руку, картинно щелкнула пальцами, и прибежавшая младшеклассница споро поставила на стол поднос с угощением, после чего с поклоном встала за плечом главы клуба. Я мельком глянул

на нее. Вытянутое личико, ловкие верткие движения, хитрые стреляющие взгляды. Вероятно, недзуми.

Интересно, какой йокай сама сэмпай? Хороший вопрос. Или специфический вид, или выдающаяся сила, позволяющая выглядеть не просто как человек, а как девушка потрясающей красоты. За такую передерутся все глянцевого журналы, а когда они друг друга переубивают — в очередь встанут подиумы. И тоже друг друга истребят.

Я не хотел об этом думать, но на периферии сознания бродила мысль: что же ей надо от простого русского студента? Конечно, у меня был гарантированный способ разбить маску дружелюбия на любой японской и йокайской морде. Достаточно было добавить сахар в зеленый чай. Но столь убойный прием я берег для особого случая. Дискредитировать себя в этот момент ой как не хотелось.

Кстати, печенки у них вкусные даже на вид. Похоже на работу наших девочек из клуба домоводства.

— Итак, сэмпай, вы говорили, у вас ко мне какое-то дело? — поинтересовался я, откусив голову прыжничному медведю. На вкус ничуть не хуже, чем на вид.

— Да, у меня и правда важный вопрос, — Уэно мило улыбнулась, показывая, что сначала будем говорить по делу. — Как ты, наверное, знаешь, в нашей школе проводятся спортивный и культурный фестивали. Спортивный не для меня, а вот последний состоится в ноябре. Я обучаюсь в школе третий год, и очень хочется отметить его чем-то особенным.

Она отпила чай и закинула ногу на ногу. Вместо обычной школьной обуви на ней снова были туфли на охренительной шпильке. Наверное, в театральном клубе реквизита — хоть засыпья. Или это ее парк туфель...

На ее щиколотке тоже были браслеты — меньше и тоньше, чем на руках. Сколько труда — каждый день надень, сними, надень, сними... Она, чуть покачивая стопой, продолжила:

— И тут я узнаю, что в школу перевелся студент из России. Воистину, это же такая замечательная возможность! Кошечев-кун, ты не мог бы помочь нам поставить спектакль по мотивам русских сказок? Мы покажем сценарий и фрагменты, которые уже в репетиции. Может, что-то из них сгодится.

— Хммм, — задумчиво протянул я в ответ.

На удивление нормальный разумный запрос.

Обсудив детали, мы пришли к соглашению. Я помогаю им со сценарием, потому что я русский умный парень, хорошо знающий культуру своей родной страны. И еще потому что я великодушен. И еще потому что мне это интересно. И еще...

— Привет, меня зовут Сон-Хо, — красавчик кивнул мне. — Я ученик третьего класса, в постановке играю Ивана-царевича.

— Привет, Сон-Хо-сэмпай, — я поздоровался в ответ. — Я Кошечев Константин. Айсонаку-сэмпай позвала меня в качестве консультанта по русским народным сказкам.

— Да, отличная идея, — согласился Сон-Хо. — Если вкратце — мы взяли концепт «Царевны-лягушки» как вариацию бродячего сюжета о заколдованной невесте...

Я смотрел на репетицию, и мне хотелось сыграть Станиславского. Они показали пару фрагментов, а потом посмотрели на мое лицо и дружно прекратили.

— Что-то не так?

Сон-Хо-сэмпай в виде Ивана-царевича был уместен: в меру героичен, в меру способен на подвиги, в меру патетичен. Неплохо. Айсонаку-сэмпай изображала Царевну-лягушку, и даже кокошник на ней выглядел органично, благодаря правильно уложенной косе не падая в

неподходящий момент. Некий Минамото был, разумеется, Кощеем. Вот в последнем и находилась проблема. Не то чтобы парень, чью видовую принадлежность я не определил, играл плохо — для школьника это был весьма приличный уровень. И выглядел он достаточно кощейно, и вел себя как идейный сказочный злодей, которого гречневой лапшой не корми — дай девицу украсть и главного героя по носу щелкнуть. Но будем честны, за такую фальшивку в роли Кощея семья не постеснялась бы проклясть до седьмого колена. Родовая гордость начинала бунтовать.

— У вас злодей слишком европейский, причем с современными ценностями, — начал объяснять я. — Кощей тем и известен, что он, во-первых, чтит русские традиции, а во-вторых, бескомпромиссный и разговаривать должен в другом ключе.

— Может, тогда Сценарист-кун покажет, как правильно? — чуть иронично поинтересовался кореец. Кажется, красавчик-не-знаю-как-тебя-по-имени-кун решил не запоминать мое имя. Почти взаимно. Я бы тоже его проигнорировал, не будь он таким броским.

— Ладно, но потом не жалуйтесь, — предупредил я, откладывая сценарий.

— Опоздал ты, бака-Иван, — грохотал мой голос по сцене. Я хозяйским жестом прижал к себе теплое женское тело. — Быть теперь царевне моей невестой отныне и на веки вечные!

Кажется, я слегка перестарался и выпустил ауру, потому что все застыли. Ладно, не хотят спасать — будем на ходу импровизировать. В театральном клубе я или где.

Я подхватил слегка вскрикнувшую сэмпай на руки и сделал два шага, обозначая переход в кощеево царство. И поставил на место.

— Отныне это твой дом, красна девица. Будешь ты в нем хозяйкой, а мне женой верной.

— Но... — попыталась возразить Айсонаку.

— Иначе заточу я тебя в тереме, — я подошел совсем близко и грозно уставился в ее зеленые глаза. — И станет тебе жизнь не мила!

«Полюбишь и козла», — шепнул я совсем тихо, не зная, что еще добавить.

— Пффффф, — прыснула от смеха девушка. — Стоп сцена! Кощеев-кун, поясни с точки зрения культуроведения: это что сейчас было?

— Первый уровень ухаживаний — показать похищенной девице, что опасность ей не угрожает, — пустился я в теорию. — Цель — продемонстрировать, что Кощей не страшный маньяк-похититель, а идейный злодей и может в самоиронию. Дальше есть еще уровни.

Айсонаку задумалась.

— И что, часто срабатывало?

— А вот это семейная тайна.

— Любопытная у тебя семья, — хитро улыбнулась девушка. — И да, можешь отойти.

— А, точно.

И мы оба не заметили раздраженный взгляд бака-Ивана, то есть исполнителя главной мужской роли.

* * *

— Делайте что хотите, — прохрипело одно из еще сидящих тел. — Но чтобы это был последний визит Кощеева в текущем десятилетии. Больше я пить не могу... Великая Идзанами-сама, заberi меня к себе. Лучше бы я просто умер.

— Не выйдет, — мрачно отозвался кто-то. — Кощеев-младший учится в Сайтаме. Вот придет кошеева тещенька внучка проведать...

— И что?

— И устроят они с Идзанами-ками-сама посиделки. И вот это будет zastolie. И явка полюбому обязательна. Там-то мы и сдохнем.

— Да, лучше умереть заранее.

— Я же сказал, не выйдет. От двух богинь смерти мы точно не смоемся.

— Блжад... — повторил кто-то выученное русское ругательство и, судя по звуку, снова упал головой на стол.

* * *

Кощей Кошеевич действительно явился не утром, а по темноте, и не в понедельник, а во вторник, и еде в холодильнике настал конец. Руководство школы любезно отозвало особое распоряжение, снова разрешив посещать центр города «в квадрате, ограниченном Четвертым шоссе, железной дорогой, рекой Сиба и...» так далее.

Батя быстро уничтожал ужин. Видок у него был тот еще. Он пришел с расцарапанной физиономией, в порванной рубашке и со следами женской помады на шее. Кажется, его пытались загрызть. Или поцеловать? Или то и то одновременно?

— Вы что, еще и пили? — поморщился я от ядреного запаха перегара.

— Ах, какая женщина, — мечтательно протянул отец. — Пили, но не с ней. К нам на огонек заглянуло еще несколько личностей. Пришлось намекнуть, что дама на вечер занята, запечатывать страшного разгневанного монстра не нужно. А надо обнять и приласкать.

Я ущипнул себя за щеку. Больно мне не было. Опустил веки и легонько надавил на глазные яблоки. Когда я проморгался, батя по-прежнему был занят едой и был одет ровно в то же самое. Все-таки не иллюзия. Вот он, мой отец, прямо передо мной, живой и невредимый... после таких-то слов.

Да кощей я или не кощей? Чему я вообще удивляюсь? У него блин восемь жен!

— Поверь, Костя, я прямо с утра шел к тебе. Но тут приперлась целая делегация наиважнейших шишек и начала интересоваться, какого лешего я забыл в их тихой и мирной стране. Пришлось налаживать контакт.

— Удачно? — я не мог не поинтересоваться.

— Конечно, удачно. Они сдались уже к концу первых суток застолья. Слабаки.

Я представил себе типичную русскую попойку со знакомым мне шестируким они, каким-нибудь высокоуровневым шинигами, со всей стопкой храмовых шикигами, а также слетевшимися со всех концов Сайтамы крутыми йокаями и ками.

«Вчера пил с русскими. Чуть не умер. Сегодня снова пил с русскими. Лучше бы я вчера умер».

Подробности налаживания межнациональных отношений мне были не очень интересны.

Вернувшийся из душа Кощей Кошеевич выглядел уже по-человечески. Ни следов воскресного сражения, ни намек на вчерашнюю цистерну sake. Одежда стиралась, с холодильника сняли записку, и было потеряно всего два дня.

— Ну, Костян, — отец последний раз махнул полотенцем по волосам и сел за стол, — а

теперь давай по делу. Что ты разглядел в воскресенье?

— Печати я разглядел. На лисьих хвостах. Много.

— А что тебя в них интересует?

— Я за один день изготовил четыре штуки, а потом чуть не загнулся — как назло, прямо перед промежуточными тестами, — вкратце пришлось рассказать про историю с медпунктом и сидящим там преподавателем ёго.

Экран смартфона вспыхнул подсветкой.

— Секунду.

«Открой окно». Писал Хана-кун.

Я открыл. Из темноты на стол приземлился небольшой герметично запакованный сверток. Маркером на нем было написано: «А. С. Киото»

— Спасибо! — я высунулся в окно, чтобы негромко это сказать в пустоту. С моего третьего этажа было не очень видно, но мелькнувший хвост вроде бы был длинным и безволосым.

— Но перед тем как я узнаю твой способ изготовления печатей, мне нужно кое-кого вызвать.

— Да пожалуйста, — отец уселся поудобнее и приготовился наблюдать.

Я положил пакет на пол, сосредоточился и хлопнул рукой рядом с посылкой.

— Призыв. Абэ-но Сэймэй, изобретатель печати о-фудо.

Вокруг пахло свежим воздухом, на фоне заскрежетали цикады. Передо мной сидел бледный призрак. Абэ-но Сэймэй был пухлощек, и его маленькие глазки с трудом меня нашли.

— Вы Абэ-но Сэймэй, великий оммедзи Киото?

— Да, — бесцветным голосом согласился тот. Ну недзуми, ну силен!

— Вы умерли в возрасте восьмидесяти четырех лет?

— Да.

— Вы изобрели технику изготовления печати о-фудо?

— Да. — На его лице проскользнуло что-то вроде гордости.

Я колебался.

— Вы по происхождению человек?

— Да, — ни секунды не сомневаясь, ответил легендарный храмовник.

— Каким образом вы дожили до столь почтенного возраста?

— Моя мать была кицунэ. Она наложила на меня заклинание смещения ки и кимэ. Таким образом я мог использовать внешнюю энергию для создания печатей. Также благодаря этому я прожил долгие годы и ни разу не ложился больным.

— Сколько печатей вы создали за всю жизнь?

— Четыреста восемьдесят четыре.

— Спасибо, что посетили нас. Вы можете возвращаться.

Я поклонился. Призрак растаял.

— Костя, а что это было?

— Изначально на мысль «с оммедо что-то не так» меня натолкнул разговор с преподавателем ёго. Рингёко-сан мне сказала, что при нормальных условиях ки и кимэ не контактируют друг с другом. Потом она же вела занятие по ознакомлению с оммедо и рассказала о легендарном Абэ-но Сэймэе, который дотянул до рекордного возраста и при этом создавал печати. Вот меня и заинтересовало, йокаем он был или человеком. Если

человеком, то как он дожил до старости, изготавливая печати? А если йокаем, то как он вообще имел дело с печатями? Не мог же он быть полукровкой?

Отец нахмурился. Я продолжил мысль:

— Я и подумал: а не вызвать ли мне его самого, чтобы он лично рассказал, в чем дело. Тогда уже проскочило подозрение, что секрет грамотного обращения с печатями лежит в плоскости объединения энергий. Но сам человек вряд ли мог бы это сделать, нужна помощь извне. У меня потоки нарушены. Значит, можно не только разделить их, но и провести грамотное объединение.

— Поздравляю, это открытие, — Кощей был абсолютно серьезен. — Всё новое — уверенно забытое старое. А как ты до этого дошел?

— Когда я кинул волну в открытое окно, она прошла рядом с боком преподавателя. И на Рингёко-сан расползся медицинский халат. Как мы потом выяснили, ткань халата была из синтетики, а сшит он хлопковыми нитками. То есть волна кимэ стала в каком-то смысле мертвой водой, а мое ки сработало катализатором. хлопок принадлежит к Яви. Он состарился и разложился. Срок разложения синтетических ниток куда больше, поэтому процесс их распада если и усилился, то не так заметен, поскольку протекает не мгновенно.

— И ты в итоге хочешь объединить одно с другим и посылать волны кимэ, но не повреждающие, как обычно, а в прямом смысле тлетворные? — уточнил отец.

— Да. Я думаю, в этом секрете и есть мое усиление.

Отец встал и громко хлопнул в ладони. По комнате прошла дрожь, и по стенам растекся барьер.

— Ну, раз это теоретически возможно, то и практически сейчас что-нибудь соорудим. Я думаю, мне не нужно знать, откуда у тебя биологическая жидкость родственника легендарного оммедзи.

— Это вообще никому не нужно знать. Правда, за такой шикарный подгон я пообещал пригласить одноклассника на каникулы. Бабуля еще когда провожала меня, говорила: мол, если будут друзья, зови их в наше Гадюкино, пусть тайгу посмотрят и в стогу поваляются. Я и пригласил.

— Тощий? — уточнил Кощей Кощеевич.

— Ага, — я улыбнулся совершенно такой же хищной ухмылкой. — Давненько в дом не приезжало свежее мясо.

Я лежал на матрасе и старался не открывать глаза. Кощей гортанно пел, и волны Нави омывали тело, не задерживаясь.

В груди будто сдвигались тектонические плиты. Перед внутренним зрением возникла картинка из медпункта: потоки движения энергии в правой руке. Где-то в глубине мышц перекачивались омерзительные колючие шарики. Казалось, что кожа не выдержит их напора.

Хоп — и ощущение, разрывавшее правую руку, испарилось. Я впервые ощутил чистый поток ки.

Заломило нижние зубы. Наступила очередь левой руки.

Через двадцать минут мне казалось, что из меня вытащили все кости, прополоскали меня изнутри, высушили, отпарили и выпустили чистым и обновленным.

— Теперь ки цепляться не будет, — подытожил Кощей. — Надеюсь, ты готов.

В центр груди обрушилась волна живой воды.

— Карачун, что ты тут делаешь?

Я находился во внутреннем мире. Здесь было светло. Поле, раньше покрытое сухим ковылем, превратилось в роскошный луг. Кое-где сверкали яркие броского вида цветы. Повернув голову, я оценил дом, стоящий на опушке глухого леса. Белый сруб, будто еще пахнувший свежим деревом. На крыше фигура коня-птицы. Скаты были продолжением скакуна, образуя его крылья. Их украшали...

— Это называется причелины, — пояснил Карачун, сядя на лавку перед домом и для наглядности показав костистым пальцем в небо. — Над твердью земли находится твердь неба с солнцем, а выше солнца и луны — хляби небесные. Оттуда на землю льется вода. Поэтому причелины так выглядят. Волнистые линии резьбы — глубина небесной воды, а небольшие кружки — это отдельные капли.

Он помолчал еще немного.

— Что я делаю — понятно. Сижу и не мешаю твоему отцу. А ты здесь какими судьбами?

— Скорее всего, занимаюсь тем же самым.

— Ну, тогда тоже посиди.

Я сел рядом. Что-то делать команды не было.

— Костян, пора домой.

Голос Кощея донесся с той стороны, где, по мнению Карачуна, находились «хляби небесные». Времени прошло всего ничего.

Я открыл глаза. Барьер был на месте.

— Вставай, нужно проверить, как сработало.

Оглядев мою помятую матрасом спину, батя удовлетворенно кивнул и встал напротив меня.

— Делай как я.

По нему начали литься потоки мертвой воды.

Я повторил.

— Ты умеешь усиливать нервную систему?

Я кивнул в ответ.

— Вот самое время.

Я занялся нервной системой, а Кощей, вытянув одну руку, собрал в ладони шар. Я понимал примерно ничего из происходящего. Папа развел пальцы и воткнул их в шар, после чего сфера начала стремительно раскручиваться вокруг невидимой оси.

По нервной системе пробежал жар. Мир должен был стать ощутимо медленнее — но этого не происходило, вращение странного конструкта передо мной продолжалось в том же темпе.

Отец ускорял время для нас обоих.

— Позови оружие.

— Карачун, — в вытянутую руку прыгнула большеберцовая кость.

Это будто была привычная кость... но почему она так вытянулась?

Появившееся мертвенное мерцание было обычным.

Но в моей руке больше не было глефы. Там была коса.

— От судьбы не уйдешь, — покачал головой отец. — Смотри.

Чувство, что на мне появилась какая-то дополнительная одежда, не обмануло. Длинный, до пола, плащ с широченными рукавами состоял из той же дымки, в обрывки которой было одето воплощение моего Карачуна.

— Поздравляю, Костян, ты теперь не только сильный, но еще и быстрый.

Я еще раз осмотрелся.

— А из этой... материи можно еще что-нибудь создавать?

— А, пафоса маловато? — понимающе кивнул отец. — Можно, если сил хватит.

Я поднес ладонь к глазам. Раз уж я теперь одет как надо, что было бы уместно?

Наверное...

Антрацитовые потоки Нави завихрялись на пальцах. Я лепил их так, как мне нравилось. Оперирование родной стихией было приятным. Как будто я вернулся домой из долгого путешествия.

На ладони лежала полумаска в виде нижней челюсти. Я надел ее.

Часть барьера, повинувшись знакам отца, стала зеркальной. Оттуда на меня смотрел Мрачный Жнец.

— Красавец, — подытожил Кощей. — Возвращайся на исходную. У нас еще бабы не обсуждены.

— Пап, а вы с дедом использовали такой же способ? — говорить под маской было легко, ничто не мешало. Я наслаждался новой формой.

— Нет, мы были сконструированы намного раньше. К тому же нам не требовалась взрывная эволюция. В твоём случае сам бы ты такое не провернул, нужна помощь стороннего лица.

Я осознавал свою исключительность.

— А еще, дорогой сын, тебе в принципе труднее. У деда коса, у меня коса, только ты в семье нонконформист хренов.

— И Кен тебе сказал, что есть вариант подглядеть в душе, когда эта цепочка девиц пойдет мылить друг другу попки?

Я уже вкратце рассказал Кощей о том, что я делаю в Сайтаме, и о цепочке событий с валькирией Хильдой. Вкратце упомянул о быстрых свиданиях и о сэмпae с татуировкой под ключицей.

— Да этого не может быть, — констатировал батя. — Просто потому, что этого не

может быть. Мы в Японии. Здесь не делают татуировок. Или твоя новая красotka из якудза, или там что-то другое.

— Слушай, а встретить нареченную — это как? Я сразу пойму, что это моя пара? Или она будет вешаться мне на шею? Или мы начнем читать мысли друг друга?

Мысленно я схватился за голову. Костик, что ты мелешь? Заткнись, просто заткнись. Перед тобой Кощей, у которого восемь жен. Что он тебе расскажет о нареченной?

— Чисто технически это будет ощущение родства душ. Не физическое влечение и не какая-то абстрактная отметка на теле, — отец смутился, понимая, что сейчас топчется по моему больному месту. — И, да, у кого-то она одна, как у твоего деда. У кого-то побольше... кхм. Ладно, давай разберем особенности поведения японских девушек. Что там с помощью знающих людей... эээ... знающих?

Я уже сидел в мессенджере.

«Кен-кун, привет. Чем занят?»

«Привет, лич-сан. Не поверишь, ничем. Подскочить к тебе? Я живу в соседнем крыле».

«Уже ставлю чайник».

— О, суровая мужицкая компания. Привет, Константин-сэмпай. Здравствуйте, господин, — Кен протянул руку. — Я Кен Нагано, учусь в первом классе старшей школы.

— Кощей Кощеев, очень приятно, — протянул ему руку отец. Кохай не удивился.

— Так что, — уточнил вечерний гость, принимая чашку с чаем, — сегодня по плану мы подглядываем за бабами в душе?

— Фу, как пошло звучит, — Кощей предложение явно понравилось.

— Если это звучит пошло, то предлагаю заняться вуайеризмом относительно банных процедур прекрасных дам. Но смысл от этого, уверяю, не изменится.

— Тогда приступим. Кен-кун, у тебя есть какое-то предложение, к тому же, ты говорил, тебе известно, когда кто посещает душевую.

Кен достал блокнот и начал рисовать в нем схему женского общежития, отмечая слуховые окна и особо выдающиеся пригодные для засады кусты, По его уверениям, в них спокойно поместилось бы пятеро, и наш рост не был бы препятствием. На том мы и решили. Сверившись с часами, инкуб схватился за голову:

— Так, мужики, быстро собираемся. Ваша северянка будет на месте через четырнадцать минут, а еще заныкаться надо.

Уговаривать нас не было нужды.

Входов в душевую было два: из корпуса и с улицы. Небольшая стайка демониц толпилась недалеко от второго, сосредоточенно пиная что-то лежащее на земле.

Когда поток девушек всосался в двери, мы вышли из тени. На брусчатой дорожке лежал зонтик.

— Зацените, сейчас будет весело, — Кен наклонился к валяющемуся предмету. — Больно тебе, бака-каракаса?

— Ой больно, — прохрипел зонтик.

— А чем же ты занимался?

— Подглядывал, — голос стал плачущим.

— А может, отнести тебя куда-нибудь?

— Хватит над ним издеваться, — урезонил шутника Кощей. — Видишь, ему и так досталось.

— Пф, дилетант, — фыркнул инкуб и аккуратно обошел неудачника по дуге. Мы

направлялись в стратегически важные кусты.

Кощей занял самое выгодное место. Рядом с ним расположился Кен. Я уселся по остаточному принципу там, где нашел более-менее свободное пространство. Ветки втыкались в затылок, и я периодически шипел. Отец оглянулся и на всякий случай поставил барьер, глушащий звуки и не дающий заглядывать внутрь. «Хамелеон!», не преминул похвастаться он. Мы сделали вид, что оценили.

— В принципе японские девушки отличаются от европейек и уж тем более от русских, — вполголоса Кощей рассказывал нам интересные факты, пока объект наблюдения

не появился. — До конца XI века женщины в Японии находились на весьма высоком социальном уровне: у них были те же права, что и у мужчин, в вопросах брака, труда и даже наследования имущества. Всё потому, что исповедовали только синто. Восемью миллионами божеств правила верховная богиня Амаэрасу. Потом в Японию пришел буддизм и всё испортил, поскольку утверждал превосходство мужчин над женщинами.

— Итого роль женщин и в обществе, и в трудовой деятельности сильно просела, — добавил Кен.

— Всё так. Однако же буддизм нравился многим представителям правящего класса. Женщина чиновника должна была стать изящной, заботливой, ответственной, тихой и покорной домохозяйкой. Поскольку право на самоопределение у них отняли, им пришлось принять такой облик, что впоследствии сказало на всех японских женщинах, особенно высокого происхождения.

Меня несколько удивило, что правящий класс обращался за гаданиями к оммедзи, а исповедовал буддизм. Впрочем, двуличие для власть предержащих — дело обычное.

— Что до женщин более скромного происхождения, вроде выходиц из семей крестьян и ремесленников, там всё куда легче: к примеру, браки гораздо чаще были по согласию самих жениха и невесты. То есть жить было просто, если вы не аристократ. Но общественное давление в семьях, где имелся хоть сколько-нибудь высокородный предок, сохраняется по сей день.

— По крайней мере, общество избавилось от странных представлений об одежде, — прокомментировал Кен. — Традиционное японское кимоно подразумевает, что самая эпическая порнография, которую может показать женщина — это шея, поэтому проститутки спускали воротник кимоно чуть ли не за лопатки.

Стайка девушек, ни одна из которых нас не интересовала, выпорхнула из душевой. Их сменили следующие. Женское общежитие очень отличалось от мужского: мы обычно толпами не ходили.

— Вот ваш клиент, — Кен вытянул руку. Я проследил за направлением, в котором он показывал.

Я спокойно относился к женскому телу. Все-таки я вырос при матриархате: шесть теток и богатая компания сестер. Поэтому рассматривал Хильду как картинку. Пшеничные волосы, расплетенные из прически, без которой валькирия не появлялась, ниспадали до самых колен. Стройные, сильные ноги. Стыдливо сплетенные на груди руки; на пальцах белеют суставы человека, не привыкшего к физической работе. Она перекинулась словом с кем-то, и ее полные губы обнажили крупные, ровные зубы. Оказывается, улыбаться она тоже умела. Плоский и твердый живот с прекрасно прорисованными мышцами, длинная гибкая шея и плавность движений выдавали прирожденную воительницу.

А что я чувствовал?

Необходимость рассмотреть шрам на груди? Не то чтобы я хотел. Мне нравилось разглядывать Хильду, воспринимая ее как античное изваяние амазонки, лихой наездницы. Как Венеру Милосскую. Как несуществующую серебряную статую Таис Афинской.

Но думать о том, что мне судьба обнять эту женщину, взять ее в жены или даже просто украсть — вот этого мне не хотелось.

Кен достал айфон и аккуратно отстроил зум. Сделал пару фотографий.

— Все всё рассмотрели, можно больше не сидеть?

— Да, пора, — Коцей решил прихватить барьер с собой и снял его только за углом мужского общежития. Нас ожидал долгий вечер по уши в обсуждениях.

— Мужики, — не выдержал инкуб по дороге, — а вы оба чего такие спокойные? Мы вообще-то за голыми девушками подглядывали. В душе.

Коцей Коцеевич даже не задумывался над ответом.

— Кен-кун, у меня восемь жен и без счета любовниц.

— А у меня, соответственно, шесть теток, семь сестер, куча двоюродных, — подключился я. — И периодически кто-то из них бегаёт по дому без лифчика. Ты нас чем удивлять собирался?

Инкуб окончательно потерял самообладание.

— Мужики, отсыпьте, а?

Мы сели за столом. Я лишний раз благословил коллекцию складных стульев, которую оставил мне предыдущий жилец. Кактус на подоконнике изображал четвертого участника собрания. Надеюсь, он мужского пола и от наших разговоров не покраснеет.

— Смотрите на грудную клетку вашей валькирии, — Кен достал айфон и развернул фотографию. — Анатомия мышц в этом месте никак не нарушена, кости ровные, надкостницы не выпирают, мечевидный отросток не деформирован...

Мы смотрели на него, а не на фотографию.

— Что? Я в медицинский готовлюсь!

— Ааааа, — выдохнули мы.

— Так вот. Травмы на этом месте не было. Однозначно. Пятно, — Кен очертил пальцами форму, — скорее всего, родимое. Странного цвета, согласен. Но оно явно пигментированное. Они бывают чуть рельефными, это в рамках нормы.

Батя с такой силой хлопнул себя по лбу, что кактус вздрогнул.

— Я всё это время думал, что валькирия — фигура речи! Как ее фамилия, Свейсдоттир?

Мы подтвердили.

— Три баклана, вот мы кто. Ваша Хильда — второе поколение. Ее мать, Свейс, из первого поколения. Знаете, что такое валькирия?

— Мы сейчас знаем, что ничего не знаем, — процитировали мы классика.

— Это порождение мудрости Одина от смертной женщины. Грубо говоря, Один страшился конечности существования и поэтому решил оставить что-то после себя. Девять штук девок ему родила одна женщина, и еще около трех десятков появились чуть позже. Они унаследовали настрой своего воинственного отца, а главное — все несли на себе родимое пятно. О первом известно из легенд, второе же скорее слухи, но я склонен им верить. То, что мы считали колотой раной, в каком-то смысле она и есть: это отметка копья Одина, но не травматическая, а как принадлежность к роду.

Он залпом допил свой чай и яростно захрустел печенькой.

— Тьфу, аж разозлился, насколько всё тупо. Имена и фамилии у скандинавских народов

клепаются традиционно: имя, а потом отчество. Записывается оно как фамилия. Свейс — женское имя, потому что ни одна валькирия не обязана отчитываться перед обществом, от кого у нее ребенок. Свейсдоттир — это «дочь Свейс», и не более того. Ларец открывался просто.

— Кен-кун, — с надеждой спросил я, — а ты случаем постановки театрального клуба не отслеживаешь?

— Ну, меня грозили пригласить, потому что за мной сразу прибежит целая толпа великолепных дев. Хотя тому же Сон-Хо-сэмпая я, конечно, не противник.

— Меня интересует Айсонаку Уэно, их глава.

— Снова подглядывать? — встрепенулся инкуб.

— Не стоит, — я чувствовал себя не в своей тарелке от мысли, что обнаженную Уэно увидит кто-то из тех, кому это зрелище не должно доставаться. — Скажи, по какой причине японская девушка может носить татуировку под ключицей?

Кен наморщил лоб.

— Первое, и самое очевидное. Она якудза, причем должна это не скрывать. Сразу скажу, что Айсонаку Уэно — не якудза. О ее семье я в принципе не очень много знаю, клан достаточно закрытый и обеспеченный. Однако они старые йокаи. В преступность у них не принято влезать. И тем более делать это открыто.

— Вариант с якудза мы уже откинули, — откликнулся Кощей.

— И правильно, — согласился Кен. — Второй вариант: это не настоящая татуировка. Временная. Такое не порицается. Что они ставят в этом году в театральном клубе?

— Русскую сказку.

— Какую? — напирал демон.

— Царевну-лягушку, — я был полностью подавлен.

— Это которая ждет доброго молодца на болоте, он ей стрелу засылает, а потом рад бы с ней жить, но приходит злой Кощей Бессмертный и всё портит?

— Ее самую, — отец нахмурился. — Костян, тебя хотят наколоть по какой-то причине. Задницей чую. И твоя прекрасная леди о тебе знает больше, чем тебе хотелось бы.

Я не собирался этому верить и вслух ничего не сказал.

— Ну, я сделал всё, что мог, всё, что мог. Если вдруг речь пойдет о голых девушках или понадобится моя консультация — пишите, звоните, посылайте вестовых, — Кен допил чай и отправился к выходу.

— Если вдруг я тоже могу быть тебе полезен, дай знать, — я перевел на его счет положенное количество йен и теперь был совсем небогат. Впрочем, дело того стоило.

— Обязательно, — инкуб отправился домой. Вероятно, даже к себе.

— Костя, — отец собирался подытожить произошедшее. — Я тоже... всё, что мог. Осталось только одно: напутствие.

Я напрягся.

— Да не в женщинах дело. Поскольку ты физический конструкт, ты можешь изготавливать печати — как, собственно, и я. Пользуйся, больше не сломаешься. Оммедзи откажут тебя учить, гарантирую. Книг по оммедо мало, и все копии контролируются. Придется осваивать самостоятельно. Не перестарайся, от оммедзи до охотника — один шаг.

Это я помнил.

— Что до рун — на архипелаге они могут сработать не как на большой земле. Ты уже сам заметил. Чем руны в принципе отличаются от печатей: они работают сами, и носитель

не нужен, они могут напрямую взаимодействовать с внешней энергией. Да, это выглядит удобным: нарисовал и забыл. Но что отлично работает в энергетических потоках на большой земле, то не всегда хорошо на острове. В школе ведь есть какой-то клуб, который этим занимается?

— Да, имеется, — я вспомнил самый молчаливый зал, который меня впечатлил месяц назад еще при просмотре дополнительных занятий.

— Так вот, тебе туда не надо. Привлечешь лишнее внимание. Об этом грустно говорить, но до возвращения на материк о рунах придется забыть.

— Альтернативы?

— Возьми ткань из Нави и налепи печать прямо на ауру. Должно помочь.

До такого поворота я бы вообще не додумался. Воистину, одна голова хорошо, две лучше. Когда-нибудь...

— Мне пора, — отец улыбался. — У тебя своя дорога. Ауру мы починили, с валькирией разобрались. Дальше сам.

— Когда ты уезжаешь? — я знал, что он со мной ненадолго, но все равно было грустно.

— Завтра утром. Как раз выйду с тобой и напрямиком в аэропорт.

— Хорошо. Спасибо, пап.

— Да на здоровье, — грустно было не мне одному.

* * *

Хильда с удивлением смотрела на собеседника.

— Ты говоришь, я могу восстановить свое доброе имя вот так просто?

— Да, Хильда-сан, именно это я и говорю. Мне больно смотреть, как такая исключительная красотка постоянно страдает от мужланов, не имеющих никакого представления о приличиях. Надо же и девушкам отводить душу?

— Спасибо. Я верила, что в школе остались и вежливые парни, — если бы валькирия была хоть чуть импульсивнее, она наверняка бы бросилась обнимать оказавшего ей такую услугу.

— Если мы не будем поддерживать друг друга, на что мы годимся? — Сон-Хо поднял брови в картинном недоумении. — Если захочешь, знаешь, что делать. Моя задача — поставить в известность.

* * *

Утро началось на этот раз все-таки с кофе. Вчерашние печенки отлично дополнили завтрак, после чего Кощей вскинул свой рюкзак на плечо. Мы обнялись напоследок.

— Плакать не буду, уж извиняй, — я знал, что он отправляется туда, куда хочет. Здесь нужно было радоваться, а не разводить лицемерные родственные сопли.

— И не надо, — Кощей тоже был спокоен. — Ты хорошо живешь в Яви, твоих навыков более чем достаточно. Мы обязательно встретимся.

И я это знал. В Нави, где находилась большая часть царства Кощеева, время текло принципиально по-другому. Мы обязательно встретимся — когда-нибудь.

На его рюкзаке висел новый брелок — крошечная сувенирная фигурка лисы. Я сделал вид, что не заметил.

На каждом уроке преподаватели как заведенные начали рассказывать, что в конце четверти нас ждет еще один промежуточный тест. Только Рингёко-сан не стала нас страшить:

— Скажу так. Если вы нормально слушали курс ознакомления с искусством оммедо и основ безопасности выживания в обществе, то в дальнейшем ваше функционирование будет настолько насыщенным или спокойным, насколько вы сами захотите. Поэтому простой коротенький тест — и хватит. Ваша учеба — зона вашей ответственности. Хотите выжить — выживайте. Не хотите — ну, значит, не выживайте, это же элементарно.

Вторые классы заметно выдохнули. Готовиться к сдаче таких предметов было всегда проще, зная, что из тебя не станут вытряхивать последние крошки.

Вечером я открыл свой шкафчик, чтобы сменить обувь, и с некоторым удивлением уставился на сложенный лист бумаги, украшавший мои кроссовки. Я его точно там не оставлял.

— Что там у тебя? — тут же сунул свой любопытный нос недзуми. — Неужто лав

леттер!

— Что?..

— Любовное письмо.

Изаму был более скептичен.

— Думаешь? Разве на таком не должно быть нарисовано, допустим, сердечко?

— Изаму-кун, ты перечитал манги, — покачала головой Томо-тян. — Это вызов на поединок.

— И у кого из нас многовато манги? — возразил инугами. — Кому в старшей школе вообще взбредет в голову заниматься подобными глупостями?

Я закатил глаза и развернул письмо.

— Ну, мои любопытные друзья, читаем хором и больше не сомневаемся в общемировой глупости.

— Если тебе дорога ее жизнь, то приходи один после школы в здание заброшенной больницы на Сарухара Кемпинг, — без выражения прочитала Томоко. — А? О ком речь?

— Да чтоб я был в курсе... — я ни в чем не был уверен и быстро перебирал в уме знакомых.

Танако Томоко стоит рядом. Выглядит оптимистично невредимой. Кицуки Ичику я сегодня видел как минимум на занятии у Рингёко-сан. К тому же вызывала сомнения чья-то наглость угрожать шинигами и члену клана, которому принадлежит школа. С девушками из клуба домоводства мы только что расстались. Их уже успели похитить? Оперативно...

— Во-первых, странно. Во-вторых, любопытно. Надо пойти.

— Мы с тобой, — быстро вставила Томо-тян.

— Кощев-кун, тебе настолько нечего делать? — удивились парни.

— Томо-тян, — я старался донести мысль, поаккуратнее выбирая слова, — я понимаю, что ты умница, красавица, спортсменка и komsomolka, но сама подумай: куда ты тащишь двух книжных ботанов? Эта записка, вероятно, не шутка. Там может быть опасно.

Изаму-кун, судя по виду, собирался обидеться, но наморщил нос.

— Как назло, Константин-кун прав. Наши боевые навыки оставляют желать лучшего. Местность для меня вообще не знакомая. Из-за строительной пыли я даже нюх нормально использовать не смогу.

— Изаму-кун, — я положил ему руку на плечо. — Я тебе, наверное, никогда не говорил. Но я в прямом смысле бессмертный. Не искушай судьбу. Ты будешь полезным, когда я вернусь и меня нужно будет натаскивать к промежуточным тестам. Ты, Кавагути-кун, уж тем более. И заберите мою сумку, пожалуйста. В ней нет ровным счетом ничего, что сейчас помогло бы мне. А вот тетради завтра точно пригодятся.

Недзуми всё это время молчал. На умной мордочке была видна работа мысли.

— Ну, Томо-тян, если тебя тянет на приключения — не могу тебе в этом отказать. Пойдем?

— Пойдем, — Томоко смотрела на жизнь как на одно большое приключение.

— Думаешь, с ними все будет в порядке? — с легким беспокойством спросил Изаму, смотря в уходящие спины друзей.

— Я думаю, что ты маловато читал. Это же Кощев, сын Кощея, внук Кощея Бессмертного.

— И все же...

— Так, Изаму, соберись. У нас еще дела сегодня. Нам надо связаться с Кицуки-сан.

— Каким из?

— Кицуки-девочку, Ичику-тян. И хорошо бы она не слышала, как я ее называю.

Мы шли в указанное место. От школы дорога была прямой, потом извивалась. Старые нестриженные деревья закрывали обзор.

— А у тебя что, уже есть личные враги? — Томоко интересовалась порой очень нетривиальными вещами.

Я задумался. С одной стороны, у каждого кощера рано или поздно они появлялись. Сами, как мыши из средневековых легенд, зарождавшиеся в кучах старого грязного тряпья. С другой стороны...

Кицуки Казуя сказал мне: «Также тут учатся наследники многих древних кланов йокаев. Для которых ты, Кошеев-кун, бельмо на глазу». Когда это было? Наверное, целую вечность назад. Может, больше... Первый мой день в школе. Он что-то рассказывал мне о местном обществе, но мне было настолько жарко, что я почти ничего не запомнил. О чем это было?

— Томоко-тян, а напони мне, пожалуйста. В школе учится множество различных йокаев.

— Да, — согласилась великанша. — Представлены все-все-все, от тануки до младших ками.

— Они это делают затем, чтобы...

— ...влииться в человеческое общество и сохранить качество жизни. Потому что есть два пути для йокайской семьи. Первый — это сидеть отшельниками и вести быт как сотни лет назад. Традиции сохраняются, молодежь растет, всё идет по накатанной. А второй — это интегрироваться в социум, принять человеческую форму и получать таким образом средства для содержания своего старого особняка и новый опыт, помогающий расширять сознание.

— Специально заучивала? — я заметил обилие лексики, нехарактерной для обычной речи они.

— А то, — улыбнулась она. — Для меня запомнить столько умных слов, между прочим, целый подвиг.

— А расскажи мне еще, чем занимаются старые кланы.

— Старыми кланами мы называем ретроградов, которые до сих пор пользуются древней моралью «выживает сильнейший». До них по неизвестной причине не доходит, что люди при помощи интеллекта и несложных инструментов сумели подавить йокаев даже численно за последнюю тысячу лет. Если за каким-то из видов и есть будущее, то это явно хомо сапиенс. Соответственно, старые кланы верят в приоритет йокаев перед людьми хотя бы потому, что каждый йокай — порождение Страны желтых вод. А туда рано или поздно придет каждый человек.

— Стой-подожди, — я окончательно запутался. — А хотят-то они чего?

— Да понятия не имею, — призналась Томоко. — Моя семья не любителю общаться с ретроградами. Мы уверены, что к какому бы миру ты ни принадлежал, нужно развиваться. А заниматься этим в Стране желтых вод — дело гиблое, там эволюционировать некуда. Вот здесь, — она обернулась и обвела рукой город, лежащий в стороне, — есть чем заняться. А там...

«А там все мертвые», подумал я, но вслух произносить не стал.

Жить в городах, чтобы почувствовать себя живыми. Верх цинизма, но способ обрести смысл. Достаточно валидный способ, справедливости ради.

Мы, кощери, пребывали преимущественно в Нави. До тех пор пока душа не окрепнет

достаточно, чтобы положить ее в магический конструкт, мы могли находиться там долго. Время в запредельном мире течет по-другому. Его не считают месяцами или годами.

Здесьние йокаи жили в Ёми ровно по такому же принципу. Пока не проведено магическое укрепление тела и души, демон или зверь не могут выйти в мир живых. Они живут вне времени. Выходя из Страны желтых вод, они получают принципиально другое ощущение: трехмерное пространство вокруг отличается, к тому же появляется течение времени. Иллюзия жизни? Наверное, нет. Это и есть сама жизнь.

Если кощеев и кощеек ничто не смущало в сложившейся ситуации, то насчет йокаев я не был бы так уверен.

— Томоко-тян, — позвал я.

— Да, — с готовностью откликнулась спутница.

— А сколько тебе лет?

— Семнадцать, — быстро ответила Томо.

— А до того как ты появилась в мире живых?

Она задумалась.

— Знаешь, Константин-кун, я не помню. Помню, что еда была хуже на вкус. Что света было меньше. А сколько времени я там жила — не знаю даже, можно ли это сосчитать.

Что и требовалось доказать. Никто из нас не мог сказать, сколько нам лет. Потому что до выхода в мир живых время было весьма относительным.

В каком-то смысле странная цена бессмертия. Дороговато.

Я очень надеялся, что в дальнейшем это хоть где-то объяснят более понятным языком. Однако же сейчас... я мог поклясться, что каждый из нас слышал: «Ты еще не дорос». Ну да, где мы с нашими пустыми головами и бесконечными амбициями — а где продолжение рода.

Зачем мне эти мысли прямо сейчас и прямо здесь?..

— Смотри, нам сюда.

Где-то тут начиналась территория старой заброшенной больницы. За невысокой оградой виднелся запущенный сквер, где когда-то прогуливались пациенты.

Мы вошли в старый парк. Темнеть пока не начинало, до сумерек около двух часов. Это я хорошо вижу в темноте, насчет Томоко не уверен. Ничто ничего не предвещало. Было тихо и спокойно, как в любом другом безлюдном месте. Остатки когда-то разбитых клумб, нестриженные кусты, ржавые прутья арматуры в участках, обветшавших за годы...

— Впереди препятствие, десять метров, — передразнил я навигатор. У главных ворот центрального больничного корпуса скучала знакомая фигура.

— Курода-кун? — удивилась Томоко, не доходя до огромных створок метров десять. — А что ты здесь делаешь?

— Да так, играю роль массовки, — усмехнулся тот. — Этакий дворецкий в сцене «первое препятствие на пути доброго молодца».

Он взмахнул бокенон и, приняв пафосную позу, воскликнул:

— Ты не пройдешь! — после чего картинно застыл.

Вечерний стрекот цикад был ему ответом.

— Да ладно, — Казухиро принял обычную позу скучающего человека. — Шутка. Можете идти, Кошеев-кун, вам дальше. А вас, Танака-тян, я попрошу остаться со мной. Тут вообще весело. Не смотрите, что я подпираю стену.

— Томо-тян? — взглянул я на подругу.

— Я тебя догоню, — отметила мне широкой ухмылкой пацанка.

— Танака Томоко, вторая дочь лидера клана Танака, Шестирукого Демона-Разрушителя. Форма: человеческая. Количество рук: две. Цвет волос: черный. Цвет глаз: карие. Рост: сто семьдесят шесть сантиметров. Параметры тела: обхват груди сто два, обхват талии семьдесят, обхват бедер девяносто четыре. Размер груди: четвертый. Средний балл...

— Эй!

— Тебя что-то задело? Или я ошибся?

— Сказать-то что хотел?

— Я все о тебе знаю, Танака-тян. И в курсе, как ты зациклена на людях и их так называемых боевых искусствах. Это же такая глупость.

Казухиро Курода прищурился и, не получая ответа, продолжал.

— Я за тобой следил. Проиграть на турнире только потому, что ты слепо уверовала в свои навыки и необходимость сохранения человеческой формы...

— Слышь, — Томо поковыряла пальцем в ухе. — Можно покороче, я болтать не любитель. Ты к чему клонишь?

— Ты не пройдешь. Сдавайся и поворачивай назад. Я сильнее.

— Да н...

Воздух разорвался, словно мимо девушки пронесся крошечный сверхзвуковой истребитель.

— Сладких снов, принцесса, — камаитачи подхватил оглушенное тело, аккуратно опуская девушку на землю. — Надеюсь, впредь ты будешь внимательнее.

Удар в основание черепа гарантированно вырубал любой теплокровный конструкт вне зависимости от видовой принадлежности. Человек то был или человеческая форма — не имеет значения. Совсем другое дело, если бы они заранее укрепила тело с помощью ки, но... история не терпит сослагательного наклонения.

— Сила, выносливость, скорость — выбери любые два. Толку в силе, если противник быстрее? Полежи какое-то время здесь.

Камаитачи пожалел, что разболтался. В воздухе сгушалось что-то... нетривиальное. Пахло необычной опасностью.

«Останусь пока с ней», — решил он. Убивать противника в его планы не входило. Помогать ему умирать, впрочем, тоже.

Хищник достал из воздуха две тонфы и снова принялся. Случись что, обороняться придется в одиночку.

— Вы хотите сказать, что он получил анонимку и реально пошел в указанное место?! — Кицуки Ичика почти кричала в трубку.

Успокойся, Ичика, тихо, тихо. Ками ты или где. Сейчас разрулим. Вот только выясним, куда идти и кого там пинать.

— Координаты мне, быстро! В мессенджере!

Пока они едят, как раз есть время переодеться.

Привычным жестом Ичика надела черное рабочее кимоно. Секунду подумав, достала маску.

Только международных скандалов на вверенной территории не хватало.

«Да я не сомневаюсь в Кощееве. Проблема вообще не в нем. Просто когда на небольшой площади появляется слишком много мертвой энергии, там такое может вылезти на закатном солнышке погреться...»

Черная тень черкнула взглядом по экрану смартфона и выскользнула из дома. Бежать было недалеко.

* * *

— Карачун, — я выхватил из воздуха оружие. Пока что привычной глефы вполне хватит. Кто знает, что там дальше.

Я быстро продолжал двигаться к главному корпусу, потихоньку начинавшему разваливаться. Были видны упавшие балки и покосившиеся опоры.

По моей груди расплескалось желтое пламя. Рубашка начала тлеть кое-где, но не вспыхнула. «Надо же, в самом деле хлопок. Этикетка не соврала», неуместно удивился я.

Пока я соображал, рука очертила глефой полукружие передо мной, и источник огня сменил место дислокации. Ага, так работает. Я перехватил оружие двумя руками и, медленно прокручивая глефу, затруднил к себе доступ. Что бы это ни было, ему ко мне не подойти незамеченным.

— А я здесь, — в сторону моей правой руки прилетел красный хвост. Лисий, что ли?

Я отбил неожиданную атаку, пытаюсь вспомнить, кому принадлежит голос.

— Между прочим, это я достоин ее руки, а не ты, — голос был наполнен неясной обидой. На меня надвигалась фантомная волна цунами. Мой мозг точно знал, что воде взяться неоткуда, значит, настоящая атака пойдет с другой стороны.

Я заблокировал тот же хвост,двигающийся, чтобы подсечь мне ноги. Терракотовые глаза недовольно вспыхнули откуда-то сбоку, чтобы сразу же пропасть. Морок воды исчез. В меня полетели сотни стрел. Я выставил глефу перед собой, чтобы отбить их. «Это мираж. Удар будет слева». Спасибо, Карачун в моей голове. Нижним лезвием я смахнул спрятанную атаку, особо не напрягаясь.

— Эй, ты так слона не продашь. Выходи. Пока что у тебя получается маловато и слабовато.

Цикады злобствовали как последний раз в жизни.

— Ну, раз ты не хочешь по-хорошему...

Я собрал Навь у тела и пустил круговую волну кимэ, чтобы развеять лисий морок.

Сон-Хо проявился слева и выдохнул в меня еще один поток огня. Рубашка начала тлеть чуть активнее.

— Это ты меня позвал? — поинтересовался я.

— Можно и так сказать, — его кирпичного цвета глаза полыхали неясной мне неприязнью.

— Кощеев, а Кощеев, — красавец-кореец был не в духе. — Даже если не я тебя позвал. Я бы в порошок тебя стёр, чертов лич, и у меня есть на то причины.

Я был польщен таким вниманием к своей персоне и даже опустил оружие.

— Сон-Хо-сэмпай, тебя какая муха укусила? Я насыпал соль в твой кофе? Плюнул тебе в бенто? Наступил на твой роскошный хвост? Чем вообще обязан?

Я рассматривал его. Желтая кожа — слишком желтая даже для корейца. Зрачки узкие, вертикальные; глаза постепенно багровеют. Он явно частично выходил из человеческого облика и не старался его удерживать. Одинокий хвост бил в разные стороны, поднимая облачка пыли.

— Она обещала мне место в своем клане. Обращала на меня внимание. Смотрела на меня, поддерживала. А в последнее время говорит только о тебе. Константин то, Константин сё. Тошнит.

Он сплюнул. Я подумал, что, может, разобраться раз и навсегда будет годной идеей.

— Я не претендую на твое место, Сон-Хо-сэмпай.

Лис нехорошо нахмурился.

— Совсем не претендую. Вообще. Я не виноват в том, что приглянулся ей. Женщина вольна выбирать. Я тебе не соперник. Если сейчас мы выясним отношения, тебя это устроит?

А если нет, то в Кощеевом царстве появится симпатичный коврик. Положу под ноги, чтобы было чем греться тоскливыми зимними вечерами за прочтением Некрономикона. А можно таксидермисту отдать...

— Устроит, если разберемся как мужчина с женщиной врукопашную, без ки и без прочих усилений, — быстро проговорил он. — Здесь и сейчас.

Врукопашную, значит?

Как было в этом старом анекдоте? Чтобы вступить в рукопашный бой, боец обязан долбить автомат, пистолет, нож, поясной ремень, саперную лопатку, бронежилет, каску; подобрать идеально ровную площадку, на которой не валяется ни единого камня и ни одной палки; найти второго такого же раздолбая...

— Я согласен.

Я показательно убрал оружие, сорвал обрывки рубашки и начал снимать ремень. Второй раздолбай был в наличии, и ремня он не носил.

* * *

Ее ожидали у старой ржавой ограды. Узенькая мордочка. Умные глаза-бусинки. Подергивающийся носик. Недзуми быстро шевелил вибриссами и повернулся на звук. Ичика прыгнула на землю. Вразвалку к ним подошел песочного цвета большой беспородный пес, скрывавшийся в тени разросшейся глицинии. Низко висящее солнцехватило огромное пятно, чернеющее на его боку.

— Сводку мне, — потребовала ками.

— В открытом пространстве мира живых — две лисицы, мужского и женского пола, —

Кавагути, не стесняясь внешности, быстро перечислял происходящее за оградой. — Три итачи. Русский лич. Одна женщина, видовую принадлежность определить не могу, пахнет как человек. В параллельном пространстве Ёми что-то происходит, как будто стягивают силы, но точку соприкосновения миров найти трудоемко, пока этим не занимался.

— Не три итачи, а один камаитачи в боевой готовности, — поправил инугами, тоже подержав носом. — Это Казухиро Курода. Мы обучаемся в одном классе, и уж его запах я точно ни с кем не спутаю. Видовая принадлежность женщины — северная валькирия в обычном облике, у нее шампунь узнаваемый. Рядом с камаитачи без сознания лежит синекожая они, это Танака Томоко. Дышит хорошо. Про параллельное пространство — согласен. Могу выяснить.

Над головой начало посвистывать. Сгущался сильный ветер. Шинигами присмотрелась.

— Хорошая работа. Ничем заниматься не надо. Бегите за Танака, с собой возьмите камаитачи и быстро подальше отсюда в любое доступное место. Немедленно. Здесь аякаси.

— Но... — пес не собирался сдаваться.

— Да, Кицуки-сама, — быстро кивнул недзуми и потянул приятеля за собой. Оба исчезли за оградой.

Ветер поднимал камни, ветки, обломки зданий, опавшие цветы и полз в сторону шинигами. Девушка, выхватив из воздуха духовное оружие, встала напротив медленного надвигающегося торнадо, в центре которого она угадывала знакомую ауру.

— Отлично, все ушли — кивнула шинигами. — Теперь нам никто не мешает устроить чисто девичьи посиделки.

Онрё-онна, появившаяся в центре, без выражения смотрела прямо перед собой. Ичика, вдохнув, стукнула посохом по земле, поднимая барьер. Холодало.

* * *

Лис перестал пламенеть и принял человеческую форму. Мы встали на исходную. Абсолютно не вовремя в голове проскочила мысль про «рей».

Драка дракой, а вежливость никто не отменял. Я поклонился.

Мой противник замешкался на долю секунды, но тоже поклонился. Время начинать.

Я ударил не думая: правая рука в левое подреберье. Он легко увернулся от удара, даже не удивившись. О чем он думал? По рассказам, кореец был великолепным рукопашником. С его точки зрения, у меня не было шансов. Но он был бы рад сначала причинить мне боль. Отыграться.

Сон-Хо быстро толкнул кулак вперед в мое солнечное сплетение. Сжатые пальцы встретились с моими мышцами. Достаточно, чтобы обидеть, но серьезно не травмировать. Этакое быстрое напоминание, кто из нас весомее. В Нави нет времени. Разве один из нас старше? Кто знает...

Я хмыкнул, быстро ударив в ответ левым крюком. Застигнутый врасплох, он отшатнулся, едва избегая удара. На долю секунды он потерял равновесие. Шагнул, восстановил баланс. Увидел, что я открылся, и рванулся вперед.

Вот твое слабое место, да? Только что из звериной формы. Ты обычно держишь равновесие хвостом. Но сейчас у тебя нет хвоста. А в человеческой форме я выше, и мои руки длиннее. И к комплектному хвосту я не привык. Сплошные преимущества. Я не думаю,

что азиатам в рукопашном бою каждый день встречается двухметровая каланча.

Серией коротких ударов в корпус я заставил его снова потерять равновесие и подсек опорную ногу. Преимущество было очевидным.

Самое время проверить, чего стоят выжатые триста сорок кило.

Он искал баланс, но хвост не помогал.

Ты не сможешь это заблокировать.

Я ударил. Когда ты выжимаешь треть тонны, достаточно просто стукнуть противника сверху.

Сон-Хо рухнул на землю как подкошенный. Я проверил состояние. Дышит нормально. Поза расслабленная.

Ладно, пусть тут полежит.

Я выровнял его тело в устойчивое боковое положение. Дурной тон есть дурной тон. Моя дорога только начиналась.

* * *

Камаитачи повернулся на звук шороха. К нему вышли пес и огромная метровая крыса.

— Какого хрена шуршите? — тонфа в правой руке смотрела в нос инугами.

— Курода-кун, — Изаму выражался как можно мягче и доступнее. У мелких хищников был недоверчивый нрав, как показывал опыт. — Сейчас вокруг очень много некроэнергии. Слышишь ветер? Скоро здесь будет аякаси. Ты силен и быстр, но за тобой лежит Танака-тян. Нам нужно забрать ее и свалить подальше.

— Откуда ты знаешь? — нервы Казухиро за последние десять минут порядочно расшатались. — Ну аякаси, и что? Я с ней не справлюсь?

— Не справишься, — уверенно произнес недзуми. — Судя по торнадо, которое на нас надвигается, противник опытнее. С ней хочет разобраться Кицуки Ичика. Когда шинигами сражаются в полную силу, наша единственная цель — не мешать и не попадаться под руку.

Казухиро продолжал стоять в оборонительной позиции, колеблясь между потерей лица и желанием сохранить статус кво.

— Камаитачи, не выделывайся, — устало вздохнул инугами. — Тебе что приказали? Никого не пускать? Так больше никто и не придет. Твоя задача выполнена.

— Но я должен стоять на страже у ворот, — Курода старался скрыть неуверенность. Интеллект никогда не был его сильной стороной.

— Тогда дай нам забрать Томоко-тян и стой сколько угодно, раз не хочешь себя дискредитировать, — предложил недзуми.

Камаитачи выдохнул. Это решало все проблемы.

— Да пожалуйста.

Крысенок дернул носом. Великанша сохраняла человеческую форму, даже оставаясь без сознания. Вот это самоконтроль. У нее отличный тренер.

Инугами принял человеческое обличье и аккуратно поднял подругу.

— Мы уходим, — вскинув ее на плечи, сообщил он на всякий случай.

— Кавагути-кун, мы не выполнили команду шинигами, — усомнился пес, отойдя за пределы территории старой больницы. — Нам нужно было уговорить камаитачи не только отдать Томоко-тян, но и убраться отсюда.

— Изаму-кун, тебе что, не пофиг? — резонно возразил недзуми, по пути убирая йокайскую форму. Остренький носик становился обычным, вибриссы втягивались. Внешний вид морды лица все равно оставался грызуньим.

— Пофиг, — согласился Изаму, концентрируясь на своей ноше.

— Эх, зря не пошел в театральный, — камаитачи проследил за уходящими, убрал тонфы и полез в карман за смартфоном. Работу нужно было выполнять до конца, благо от охраны лежащего без сознания тела его любезно освободили. — Друзья у нее такие друзья. Что бы я без них делал.

Он аккуратно подбирался к месту, где Сон-Хо уже скандалил с Кощевым. Смотри-ка, парни еще даже не раскачались. Выбрав режим съемки видео, Казухиро навел камеру.

— Слева Сон-Хо, частично выходит из человеческой формы, выпустил хвост, — тихие комментарии дополняли мутноватый видеоряд. — Справа Кощев Константин, сохраняет человеческую форму, в правой руке духовное оружие — двухлезвийная глефа, рукоять костяная. Сон-Хо насыпает лисьи мороки, Кощев на них практически не реагирует.

Наблюдать приходилось на расстоянии. Органы чувств работали прекрасно, но в руке был обычный человеческий смартфон, и далеко не последнего поколения. Камаитачи поморщился: конечно, лисьи мороки на запись не попадали. Нужно было подобраться поближе и снимать чуть под другим углом, чтобы не пропустить полноконтактное взаимодействие. Это было рискованно, но качество съемки совсем дрянь.

— Блин, камера реально ни к черту, — хищник поморщился, снова пытаясь навести увеличенный зум на сцену боя. — Надо было все-таки спиздить айфон.

Не преуспев, он выдохнул и рассыпался на три одиночных итачи. Тоненькие ласки распутались и разбежались. Одна взяла в лапки слишком большой для нее телефон и свела фокус камеры. Вторая залезла на удобное дерево. Третья взялась комментировать запись утончившимся голосом.

— Слева Сон-Хо, стоит, перестал насыпать иллюзии. Хвостом не пробил ни разу. Дважды дохнул огнем на Кощева, и на том почти сгорела рубашка. Кажется, его не смутило. Кощев убирает оружие, раздевается, снимает ремень. Сон-Хо принимает человеческую форму. Скорее всего, русский кусок нежити заморочил его, и сейчас будут выяснять отношения врукопашную. Да, похоже на то. Кланяются. Обмениваются ударами. Сон-Хо пропускает подсечку, теряет равновесие. Кощев наносит удар сверху. Сон-Хо падает без сознания. Кощев укладывает его в позицию для обморочного состояния. Уходит в сторону главного корпуса больницы. Следую за ним. Конец первой записи.

Маленькие пальчики клацали по сенсорному экрану: пока одна ласка удерживала смартфон, вторая набирала сообщение и прикрепляла запись.

«Нахожусь на операции по вербовке К.К. Первая встреча: кумихо (1хв) против русского лича (чел.ф.). Поблизости аякаси (онрё, телек-з) и шинигами (ледяная). Кумихо некомб.»

Сообщение отправлено.

Сообщение доставлено.

Сообщение прочитано.

«Продолжай наблюдение»

Онрё шла вперед, перебирая узкими босыми стопами. Ее длинные волосы вздымались волнами, пока она дирижировала ветром, и в шинигами направлялся какой-нибудь предмет. Подбираясь к ауре противника, импровизированный снаряд покрывался коркой льда и замедлялся под встречным вьюжным потоком. Взмахом посоха Ичика разбивала его,

поднимая столпы снежинок. Мелкими осколками куски шпукатурки и ключья арматуры отлетали в стороны, не причиняя снежной королеве никакого вреда.

— Знаешь, умершие души плохо помнят свою жизнь. Ты, наверное, тоже. Река Санзу, всё такое. Одно я помню точно: мою жизнь забрал мороз. Я была совсем молодой школьницей. Внезапно налетела метель, я от страха забилась в какую-то каморку. В апреле вообще никто не ожидает метели. Там, в крошечной комнатушке, куда вроде бы складывали дрова или что-то подобное, я медленно коченела от холода.

Ичика смотрела на противницу, и в ее взгляде было нечто похожее на сочувствие. От посоха по руке пополз хрустальный морозный узор.

— Так быстро? Ладно... — Ичика сбросила черную куртку ги и осталась обнаженной до пояса. Морозные узоры загустели и перекинулись на спину.

— Шинигами черпают свою силу в смерти. Смерти людей. В том апреле многие погибли. Не так много, как во времена ото-сама, но страх закрепился. Точнее... он окреп вновь, и это придало ускорение веры. К Ёми поднялись обращения людей, что не желали такой смерти и молили спасти их от холода. Поэтому Идзанами-ками-сама выделила меня.

Онрё продолжала орудовать элементами ландшафта. Она уже подошла достаточно близко — настолько, что они обе находились в эпицентре. Два потока — холодный ветер и телекинез — сражались друг с другом, засвистывая на разные мотивы. Осколки стекла и бетона кружились, искрошенные в крупную пыль. Снежинки крошечными лезвиями врубались в них, измельчая и делая безопасными.

Ледяной панцирь сковывал движения шинигами, выбеляя ее кожу.

Такой же панцирь начал стремительно нарастать и на ее противнице. Та подняла узкие черные брови, но продолжала командовать мусорным ветром.

— В душе я та же девочка, боящаяся одиночества и холода. Мои мечты и сожаления — это ее наследие. Общие понятные желания: ходить в школу, завести кучу друзей, готовить бенто по утрам. Встретить особенного человека и жить с ним долго и счастливо.

Лицо шинигами подо льдом пошло трещинами, когда она попыталась улыбнуться, словно вспомнив что-то. Или кого-то.

— Мне жаль и тебя. Ты стала безумным безголосым демоном мщения. Не просто так. У тебя тоже была свои мечтания. В тебе это еще есть — под струпьями ауры, под занавесом из твоих чудесных волос. Ты тоже хотела чего-то, пока была жива.

Онрё застыла в двух шагах от Ичики. На распущенных черных прядях оседали снежинки. Толстый ледяной панцирь покрывал ее кожу целиком. Воздетые руки замерзли в причудливой позе, достойной запечатления.

— Жизнь несправедлива, но смерть уравнивает всех, — вздохнула шинигами.

Удар посоха разбил ледяную фигуру аякаси на мелкие прозрачные кусочки.

Земля покрылась слоем бетонной пыли.

Барьер упал с тихим звоном. Снег начинал таять.

— Апчхи! — тихо чихнула Ичика, убирая посох и вдевая руки обратно в рукава ги.

С легким шорохом на нее накинута меховую шкуру.

— Отскаре, — поздравил ее с завершением работы брат, обнимая за плечи. — Ты чихаешь как котенок.

Девушка смущенно порозовела. Она старалась сражаться исключительно в одиночку. Одежда сильно стесняла движения ее ауры в плечах, что бы она ни пробовала надевать. Девушка не могла обнажиться даже перед родными: внутри всё восставало.

Не так уж легко примириться с причиной своей смерти, чтобы она же стала источником твоей силы. Однако по сей день сотни, тысячи людей верят в нее, просят о защите.

— Ненавижу холод.

* * *

За очередным поворотом (наверное, уже пятым или шестым) я услышал громкий вздох. Кто-то живой?

— А, явился не запылится.

— Хильда? — удивился я. — Добрый вечер. Это ты позвала меня?

Дочь Севера недоуменно подняла бровь.

— Нет. Я получила известие, что ты будешь в определенном месте в определенное время без стопки своих прихвостней. И решила тебе напомнить, что вообще-то ты меня оскорбил. Опозорил, если хочешь. Еще и предка моего в это вплел.

— Хильда, я сожалею и готов объяснить, что происходило.

— Не смей вообще заговаривать со мной.

Фразу «а еще я подглядывал за тобой в душе» точно стоило оставить при себе.

Она прошептала под нос какое-то слово. Кажется, «валькирия».

И вокруг нее начала сгущаться ослепительная аура.

Как там отец говорил? Бьет — значит, любит?

У меня были мрачные предчувствия.

Передо мной стояла легенда.

Снежно-белые одежды ниспадали до земли. Рукава-крылья обнажали сильные руки. Кираса, богато украшенная чеканкой крупной чешуи, прижимала платье к бедрам, оставляя свободными плечи. Гравированный наборный пояс охватывал осиную талию. Кованый острый нос сапога намекал, что будет больно. Хильда стояла абсолютно прямо, как изваяние, и копьё в ее руке выглядело, будто она никогда не выпускала его из пальцев. Ее золотой шлем, в котором отражалось клонившееся к закату солнце, сверкал высокими металлическими крыльями, вздымавшимися к небу. Небольшой круглый щит в левой руке был куда скромнее прочего облачения: простое дерево, неброская окантовка и непритязательный умбон.

«Кажется, в Вальгаллу меня не пустят. Скажут, рожей не вышел. Вон у них какие валькирии, куда уж мне на их фоне».

Я понимал, что сейчас просто извиниться будет недостаточно. Она даже не станет меня слушать. Весь ее вид говорил, что оскорбление должно смываться только и исключительно кровью. Впрочем, здесь крылась и проблема. Хильде вообще было не под силу меня ранить, и для этого существовала вполне конкретная причина, которую я озвучить не мог — всё равно она не поверила бы. Оставалось включить режим «пусть девочка отведет душу». После этого, возможно, у меня станет на одного врага меньше... если только Хильда не окажется намного, намного умнее и не поймет мою причину раньше, чем хотелось бы.

Но постановка должна быть постановкой, иначе зачем это всё.

— Карачун.

Я выставил перед собой глефу, мол, готов.

Валькирия напала.

Я даже не особо старался блокировать атаки. Град колющих ударов сыпался со всех сторон. Я получал умбоном щита по голове, кромкой — по шее, древком копья — по хребту, иногда парировал особо броские замахи. Хильда носилась рядом, позвякивая звеньями пояса, и отрывалась на мне за все мои прегрешения.

Она выдохлась минут через пятнадцать.

— Да какого хрена ты вообще еще жив?! — она опиралась на древко копья. Длинные волосы спутались, воительница переводила дух.

Я стоял, и на мне не было ни единой царапины.

— Как тебе сказать. Мой отец Кощей Бессмертный. И в роддоме меня вроде не подменили.

Ее лицо исказилось яростью, и валькирия напала снова. Копьё мелькало перед глазами, светлые волосы вились смерчем — эту женщину вообще ничто не сумело бы научить. Эх, горячие северные девы...

С цирком было пора завязывать.

Я щедро влил ки в нервную систему и уже в следующее мгновение исчез из виду. Я был за спиной противника. Стоило отдать Хильде должное: да, она успела среагировать. Хорошие рефлексы ли, а может, отличная скорость реакции... Но когда она развернулась — меня там уже не было. Я прекрасно понимал то, что не доходило до противника: бить друг друга духовным оружием — абсолютно бесполезное занятие.

Валькирия — это чудо-девка, главная задача которой — ни разу не пиво разносить. По своей функции она очень похожа на шинигами, который отслеживает, чтобы всем досталось правильное посмертие. Она при всем желании не может отправить на тот свет кощя, который и так одной ногой постоянно там. В Вальгаллу она меня тоже закинуть не может: рожа у меня кривая, и я уже об этом упоминал.

Здесь возникает приятнейшая коллизия. Ее оружие — оружие бога смерти, оно умеет ровно две вещи: даровать уход в Навь и разбивать ауру. Одно от другого на самом деле не очень отличается. Мое оружие — это предшественник косы жнеца. У Карачуна примерно те же данные. Ситуация патовая. Ни один из нас не может повредить другому до тех пор, пока мы держим в руках духовное оружие.

Я подождал. Она когда-нибудь должна была выпрямиться и выставить копьё. А когда это случилось, в один шаг рванулся вперед.

Из моей спины торчало навершие копья. Своей цели я добился: теперь мы стояли вплотную.

— Остынь, горячая голова.

А затем я размахнулся и со всей силы ударил лбом.

Баммммм! — отозвался золотой шлем.

Легко контуженная дочь севера упала как подкошенная.

Она пришла в себя очень быстро. Сказывалась боевая подготовка.

Спесь с нее слетела вместе со шлемом. Хильда не стала подниматься и просто села там же, где находилась, скрестив ноги под платьем, ожидая, пока пройдет гул в голове. Шлем подобрала и положила на колени. Золотые крылья по обеим сторонам шлема продолжали издевательски сиять.

Я одним движением выдернул из себя ее копьё и протянул хозяйке.

— Ладно, твоя взяла, — сдалась она. — Но ты же расскажешь, в чем дело и почему на нас обоих ни царапины?

Я не стал расстраивать ее и сел напротив. Если я не сообщу, то я уж не знаю, кто сообщит. К тому же я собирался ограничиваться только раскрытием свойств духовного оружия. Я прекрасно помнил, как получил от Казуи с его электровишней и как здорово морозит Ичика, не касаясь противника. Правила — для лохов, физика — для всех. Как только к манипуляции энергией добавляется какое-то дополнительное физическое свойство, прекрасно работает любое оружие. Но если враг тоже использует чистую энергию, эффективность кулака переоценить невозможно. Про посохи, как по мне, Хильде знать было рановато.

Через две минуты рассказ был окончен.

— Это что, всё? — ожидаемо не поверила Хильда.

— Всё, — я развел руками в извиняющемся жесте.

— Ну ты и... бака.

— Sama dura, — не остался в долгу я.

— Иван-дурак.

— Между прочим, сейчас обидно было, — вздохнул я и протянул ладонь для рукопожатия. — От имени моего рода приношу извинения твоему роду, Хильда Свейсдоттир. Я был не прав. Все проблемы начались из-за моего невежества и более не повторятся. Мир?

— Мир, — протянула и свою руку валькирия, понимая, что большего она вряд ли

добьется. — Кстати, ты не в моем вкусе.

Приняв обычную форму, она собрала волосы в косу и ушла не оборачиваясь.

— Женщины... — проворчал я, провожая гордую дочь асов взглядом. — А теперь...

Как и герою сказки, мне нужно было спасти еще одну красну девицу. И я догадывался, что главный злодей еще не раскрылся.

* * *

У старого особняка в японском стиле стояли трое. В додзё горел свет. Всё было как обычно...

— Нет, ну какого черта? — возмущалась Томоко. — Мало того что я даже мяукнуть не успела, так еще и по башке получила так бездарно!

— Томо-тян, потом его на оконотомияки намажешь, — пытался успокоить ее Изаму, неприлично радующийся возвращению подруги в сознание. — Найдешь и в честном бою выскажешь всё, что думаешь.

— Он хоть что потом сделал? — великанша нервно одернула юбку.

— Ты не поверишь, — краем губ улыбнулся недзуми. — Достал две тонфы и охранял тебя. Всё это время. Потом пришли мы и забрали тебя. Давай ты отоспишься, как-то объяснишь родителям происходящее — если захочешь, конечно, — и увидимся завтра.

Оставив изумленную они на пороге, Изаму и Кавагути зашли за угол.

— Итак, давай подытожим, — предложил крысенок. — Мы, вероятно, кого-то спасли и сделали что-то полезное.

— Наверное, — с сомнением произнес инугами.

— И как мы проведем остаток вечера? Лично я собираюсь вернуться. Мне очень интересно, почему остался камаитачи.

— Есть предположения?

— Некоторые есть, — уклончиво произнес недзуми, перекидываясь в привычную форму. — Надеюсь, нюх поможет.

Восемь лап унесли их в тень.

* * *

* * *

— Слева Кощеев. Без рубашки он остался еще в предыдущей драке, но сохраняет человеческую форму. Руки пустые. Справа Хильда Свейсдоттир, валькирия, внучка Одина. Девушка применяет высвобождение духовных ресурсов, ее форма выглядит как одоспешенная воительница со щитом и копьем. Кощеев держит в правой руке духовный клинок. Хильда осыпает его градом ударов, также она пользуется щитом как ударно-дробящим оружием. Хотя копье и щит достигают цели, ран на Кощееве не оставляет ни то, ни другое.

Одна ласка уставилась на вторую. Все трое переглянулись. Соображений по данному

поводу не было.

Хищники сменились. Теперь смартфон держало животное, которое ранее с дерева отслеживало события. Комментатор получил место наблюдателя, а на его место пришла ласка, порядочно уставшая статично держать мобильник.

— Прошло около четверти часа. Валькирия увидела бесплодность попыток. Пытается поговорить с Кощеевым. Тот как будто раздражен. Куда-то делся... ой.

Все животные застыли и в панике закрутили головами.

— Я не вижу, где Кощеев. Есть вероятность, что он передвигается быстрее скорости звука. Хильда снова перешла в наступление.

Звон золотого шлема оглушил бедных хищников. Они замотали головами. Забытый выпущенный из тонкой лапки смартфон лежал на земле. Трое ласок синхронно трянули ушами и заняли исходную позицию.

— Приношу извинения за перерыв в наблюдении. Кощеев проткнул себя копьём валькирии, оглушил ее и, кажется, до сих пор не получил ни единого повреждения. Пожимают друг другу руки. Хильда уходит.

Крошечные пальчики бомбардировали экран мобильного:

«Вторая встреча: валькирия (продв. ф.) против русского лича (чел.ф.). Духовное оружие личу не повредило. Валькирия получила по голове и сдалась».

Сообщение отправлено.

Сообщение доставлено.

Сообщение прочитано.

* * *

С глефой в руке я бежал по лестницам главного корпуса бывшей больницы. Где-то наверху билась аура. И я точно знал, чья.

На приваленной бетонным блоком двери висела печать, которую я разрезал в одно движение. Два лоскутка упали на пыльный пол. Ногой я отшвырнул препятствие. За дверью...

— Я знала, что ты придешь! — Айсонаку Уэно бросилась мне на шею, обильно обливая мой голый торс слезами. — Я обязательно верила, что ты должен спасти меня. Я столько натерпелась под этой печатью! Мне было так страшно! — она буквально висла на мне, ища спасения.

Я машинально гладил ее по спине, успокаивая. Она продолжала рыдать, вытирая слезы длинным рукавом.

«Костян, здесь что-то не так. Будь готов к сюрпризам».

Я не был настолько самоуверен, чтобы не услышать Карачуна. Там, где всё выглядело неочевидным, не было советчика лучше. Пальцы плотнее легли на рукоять глефы.

Она наконец успокоилась и перестала хлюпать носом. Вокруг ровным счетом ничего не происходило. Я тоже выдохнул и убрал оружие.

— Как ты вообще сюда попал? — Уэно была мастером по расспрашиваниям, это я давно заметил.

— Всё началось с листа бумаги.

Я вкратце описал события конца дня. Слушателем девушка тоже оказалась отличным:

ахала, охала, хваталась длинными пальчиками за щёчки и делала удивлённые глаза ровно там, где в истории случался неожиданный поворот.

— Сон-кун сказал, что ни с кем не хочет делиться мною, — опечаленно проговорила Уэно, бессильно вытянув руки вдоль тела. — А ведь мои родные просто предложили ему протекцию. Он кореец, у него практически никого нет. Понятие «семья» для них — это дорастить ребенка до более-менее самостоятельного существования. А потом они или сами выходят из родных дверей, чтобы не возвращаться туда, или их чуть ли не выпинавают на улицу, чтобы место не занимали. Они все вынуждены или работать в поте лица, или лезть в кредиты, или зубами вырывать гранты на обучение.

Озлобленность Сон-Хо становилась более объяснимой. Молодой лис, не имеющий за душой ничего и не поддерживаемый никем, засмотрелся на девушку из благополучной семьи... Значит, она тоже лисица? Могу ли я это спросить?

Могу, но, наверное, не хочу.

— Раз уж ты сегодня герой, — Уэно отошла к окну и достала зеркальце, чтобы оценить урон внешности, — давай я тебе вкратце расскажу, почему многие интересуются моим обществом и при чем тут мой клан. А то потом меня будут похищать в среднем раз в квартал, а ты так и не узнаешь, по какой причине.

Ее голос стал чуть тише, а тембр понизился. Я подошёл ближе.

— Моя семья — одна из самых старых не только здесь, в предместье Токио, а вообще на архипелаге, — начала она. Рассказ обещал быть длинным. — Когда-то мы жили у храма Инари, и в эти времена святым местом было не только здание храма, но и огромные площади леса, занимающие много танов. Оммедзи видели в нашей семье подтверждение благосклонности Инари, и тории всегда сверкали свежей краской.

Ее глаза подернулись лёгкой мечтательной дымкой.

— Потом людям потребовалось больше места. Они решили, что храму вполне достаточно скромного парка. Весь наш лес вырубил. Оставили небольшой кусочек. Старшие родственники понимали, что этот процесс скорее правило, нежели исключение, и давно подсуетились, введя нескольких в общество и приобретя землю для постройки дома. На этой земле до сих пор стоит наше поместье.

Она вышла из марева воспоминаний и воззрилась прямо на меня.

— Но, если честно, с потерей привычной жизни мы так и не справились. По неизвестной причине люди плодились в жутком темпе, и вокруг спокойных мест вырастали города — как здесь. Люди продолжали бегать по своим человеческим делам. Они позволяли себе перевести дух раз в год или пару раз, а всё остальное время решали проблемы, которые сами же и породили. Корпоративный кодекс! Смерть от переутомления! Этикетные заморочки! — она всплеснула руками. — И представь себе, им ни капли не смешно! Хотя бы потому, что некогда об этом задумываться. Сами себя загнали в капкан!

Я упорно не понимал, к чему она ведёт.

— Многие старые кланы давно присматривают тех, кого они могли бы взять в семью, чтобы вытащить весь мир из этого хомячьего колеса. Чтобы построить нормальное общественное управление и остановить бесконечную урбанизацию ради урбанизации. Чтобы всем стало лучше, нужно настроить процессы и отрегулировать потоки...

Я будто вынырнул из очень интересной книги, и у меня возникали неудобные вопросы.

— Уэно-тян, — я вдохнул.

— Да, Константин, — она смотрела на меня каким-то очень характерным взглядом.

Как родитель на подростка, объясняя, почему тот должен при чистке обуви стирать шнурки. Потому что. Потом поймёшь. Сейчас стирай. Разберёшься, когда станешь взрослым.

— Ты хочешь мне сказать, что я должен идти вместе с вами изменять Японию к лучшему, чтобы люди перестали дохнуть на работе и плодиться с положенной природой скоростью?

— Нет, — она положила ладонь мне на щеку. — Я хочу сказать, что ты достоин большего, чем эта кучка школьных ботаников, которые дальше своего носа в жизни не высунутся. Твоя семья тоже вряд ли сильно поддерживает тебя, иначе ты не приехал бы на чужбину в одиночку, справляясь со школой и хозяйством, в прямом смысле учась варить макароны. Ты хорош, но ты один. С нами ты не будешь один. Ты вообще не думал бросить всё это домоводство и присоединиться ко мне?

— А? — я был удивлен резким переходом с одного на другое.

— Ты каждый день проводишь время то за книгами, то за плитой. Разве не продуктивнее использовать таланты напрямую? А если ты беспокоишься о еде, то я бы могла готовить тебе. Я очень хороша в кулинарии. Или тебе важнее количество? Не волнуйся, мы можем о тебе позаботиться. И даже защитить.

— Защитить? — я окончательно потерял нить рассуждений.

— Знаешь, Константин. Ты необычен. Сообщество йокаев... нет, вообще все обитатели Ёми подчиняются иерархии силы. А ты другой. С момента поступления с одинаковой легкостью общаешься с сестрой президента студсовета и презренными школьными заучками. Может, этим их и подкупаешь. Но ты странный, словно не от мира сего. Потому что ты гайдзин? Или вы все русские, такие? Что дает тебе такую уверенность? Сила или же незнание? Любопытно. Поэтому я заинтересовалась тобой. Я все знаю о тебе. Оценки не блещут. Двадцать пять баллов по специальной социологии — уровень младшеклассника. Кое-как сдал промежуточные тесты. Физическая подготовка не подарок. Ки не владеешь. Может быть, ты в состоянии стать сильнее, но ты одинок, и здесь твоя слабость. В этом мире слабый подчиняется сильному. Я вижу в тебе громадный потенциал. Присоединяйся к моей семье. Мы обучим тебя балансировать энергию, и ты встанешь рядом с нами, чтобы в обозримом будущем совершать поступки, судьбоносные для всего общества, как йокаев, так и людей.

Она наконец замолчала.

Я решил подытожить:

— То есть ты позвала меня сюда, чтобы пригласить в ваши стройные ряды нонконформистов и реформаторов, потому что вам недостает свежей крови и новых соображений?

— Вроде того, — улыбнулась она.

Попалась в собственную ловушку, Айсонаку-сэмпай. Ну как же так. Ты ведь умна, как можно было не заметить самого очевидного.

С другой стороны, я тоже не увидел, что вместо печати на входе в комнату была простая разрисованная тряпочка.

Было слегка обидно, что такая красавица общалась со мной по столь нелепой причине.

«Да вы, сучки, рыбного супа пережрали», — на родном русском подумал я. А вслух произнес:

— Если это ты меня позвала, корейский лисец-то здесь при чем?

Ее лицо резко стало серьезным.

Края губ уползли вниз.

Зрачки начали вертикально вытягиваться.

Рука убралась с моего лица.

Она, разделяя слова, произнесла жёстко:

— Ты. Мне. Отказываешь?

И, не дожидаясь ответа, мир вокруг завизжал.

Я не понял, откуда внезапно полились полчища йокаев. Они висли на моих голых руках.

Скрежетали когтями по моему торсу, оставляя глубокие кровавые борозды. Горящие желтыми огнями глаза. Кричащие глотки. Распахнутые пасти, с уголков которых висят длинные нитки слюны. Шерсть, вставшая дыбом. И везде — хвосты, хвосты, хвосты, дубинками ударяющие по ногам, по ребрам, по плечам, по голове...

Под градом ударов я не мог разглядеть буквально ничего. Правая рука рефлекторно защищала лицо. Я сделал шаг назад.

За спиной оказался пустой оконный проем. Полет с верхнего этажа выдался недолгим.

Я лежал на спине, а из моей правой глазницы торчала короткая арматура.

Хватит Яви на сегодня. Сегодня я умер.

— Привет, баб Мора!

Я стоял посреди залитой дневным светом горницы. Всё было с детства знакомо: и резная посуда на открытых полках, и вязаный половик у двери. На простом деревянном столе в глиняном кувшине по сей день стоял пучок бессмертника и засушенной пижмы, которую прабабушка просто обожала.

— Костенька! — она всплеснула руками, и мы бросились обниматься. — Какими судьбами сегодня, милый? Умер, что ли? Кому проиграл?

— Гравитации, баб Мора, — в этом мне было не стыдно признаться.

— Ооо, да бессердечнее этой сволочи я и не помню никого! — притворно изобразила серьезное лицо прабабушка. Немногочисленные морщинки собрались у глаз и губ.

— Слушай, — спохватилась она, — мне Марьюшка рассказывала, что ты нынче в Японии. Да вот я подробностей не знаю. Давай честно обменяемся: я тебе расстегай свежий и гречневой каши с маслом, а ты мне душу потешишь рассказами! А?

Эх, бабуль! Я за миску гречневой каши сейчас мог бы записаться в евреи и на скорость продавать снег эскимосам! Знаешь, чем соблазнить!

— И вот эта беловолосая, ты прикинь, вокруг меня бегаёт, бегаёт, копьём своим тычет, а ощущение, будто деваха вообще в школе не училась. А ты представляешь, — я вылизывал старую деревянную миску после второй порции каши, — я же ее реально за суженую принял! Не дурак я, нет? Сама говорит, что дурак! А теперь Уэно-тян... обидно мне... она же красивая, умная... вот даже попыталась убить... я все думаю, гадаю, она это или не она? Рассчитывал на одну, а нашел совсем другую!

Прабабушка слушала с пониманием, почти не перебивая. Потом поймала паузу.

— Костик, я вот тебе что скажу. Суженую или суженого встретить сложно, а узнать как раз проще некуда. Тебе ничего не потребуется объяснять и уж тем более оправдываться. Человек то будет или нежить — всё равно, не имеет значения... Навь даёт тебе пару, с которой вы друг друга понимаете, с самого начала, безусловно, всегда и до конца жизни. Можете потом что угодно друг с другом делать: хоть ругайтесь, хоть воюйте, хоть волком войте, хоть друг с другом живите — но вот это понимание уже навсегда.

Под мерные движения челюстей думалось отлично. Бабулина мысль дошла легко и усвоилась на пять баллов.

— Спасибо тебе за науку, баб Мора! И за еду, конечно. Гречка великолепная. Что ты с ней делаешь, что она такая вкусная?

— Томлю я ее, Костик. Это высшая кулинарная магия! — она подняла указательный палец, чтобы отметить важность момента, и всё равно засмеялась. — Короче, знаешь, что в поисковике забивать. Только мультиварку купи сначала. И, да, надо бы пнуть Марьюшку да Кощея, чтобы и мне интернет провели. Сижу как дура с мобильного, — она махнула в воздухе смартфоном.

Мы напоследок сделали селфи, и я, тепло попрощавшись, ждал, пока она закрутит Навь так, чтобы максимально сократить мне обратную дорогу.

Проводив правнука, Мора перебрала в голове события последнего года. Кажется, младшего Кощея каким-то образом втягивает в центр одной из ситуаций, история которой чуть дольше, чем хотелось бы. Может, местные в курсе? Не нужно ли вмешаться вовремя, своими руками или чужими?

Она сняла с полки огромное резное блюдо, смахнула с него пыль, а потом примерилась, что б сегодня туда положить. Казалось, поднос рассчитан, чтобы подавать на нем тушу взрослого кабана. Взгляд упал на огромный вилок белой капусты. Стодится.

Плюхнув посреди блюда капусту, она перебрала в воздухе пальцами, и кочан начал крутиться вокруг своей оси, а потом покатился по окантовке исполинской тарелки. Орнамент, которым был изукрашен центр подноса, начинал зажигаться, а потом пропал в черной дымке.

Посреди дымки появилось лицо женщины: белолицая, с крошечными вишневыми губами бантиком, плосконогая, с черными волосами, уложенными в прихотливую прическу. Из узла волос торчали десятки шпилек: с камнями, с атласными цветами, с каплями, металлическими цепочками и ракушками...

— Привет, Моронька! — радушно поприветствовала дама владелицу блюда. — Чем сегодня обязана, луна моя?

— И тебе привет, сестрица Ида! — лица обеих женщин в самом деле неуловимо напоминали одна другую. — А я к тебе сегодня с рекламацией потребителя! Какого ж лешего твои детишки моими кидаются?

— Ой-ой, — изумилась восточная сестра, — давай-ка ты, свет мой Морана, мне целиком все расскажешь. И кто, и куда, и зачем. А потом накажем кого надо, починим кого потребуется...

* * *

* * *

Айсонаку Уэно задумчиво смотрела на переломанное тело, лежащее на старой бетонной плите. Такое в их планы не входило. Багровая кровь растекалась и капала с торчащей арматуры, впитывалась в цементную пыль.

Свора хвостатых и когтистых демонов толпилась вокруг. Какие же они всё-таки тупенькие, когда их много, и они мелкие, с досадой подумала лисица. Только обратно дай им шерстью обрасти — сразу деградируют до уровня обычного необученного енота. Потрясающая скорость.

Кицунэ высунулась из оконного проема и подняла голову. В небе происходило что-то странное.

— Открыть Источник, — небесный голос был бескомпромиссным. Он отзывался в крупных костях, сотрясал грудную клетку и отдавался где-то в глубинах черепа.

Завихряющийся черный поток образовал смерч и хвостом ударил в грудь лежащему кощею. Лужа крови стремительно уменьшалась. Обратно она вливается, что ли? Кости с хрустом принимали форму, привычную для магического конструктора.

Лежащий поднял руку и обломал арматуру, торчащую из глаза, будто это была сухая

ветка. Встал и с тошнотворным хрустом потянулся. Колотые и резаные раны затягивались без следа.

Кое-кого из слишком впечатлительных йокаек стошнило, на что лисица лишь поморщилась: слишком нервные. Слишком заигрались в людей.

— Источник открыт. Эффективность один процент.

— Спасибо, — стоящий на своих ногах и выглядящий абсолютно невредимым Константин Кощев помахал рукой куда-то в небо. И настала тишина.

* * *

Я оглянулся. Рубашка пала смертью храбрых еще две встречи назад. Надеюсь, она попала в вещевую Вальгаллу. Брюки в хлам, проще выкинуть, чем чинить. Кроссовки пропалены в нескольких местах. Целой вещью был одинокий ремень.

В чем завтра в школу-то идти?

«Это единственное, что тебя сейчас беспокоит?» — осведомился голос в моей голове.

Вокруг меня стояли полчища монстров. Серая шерсть, коричневая шерсть, черная шерсть... Гладкие хвосты, пушистые хвосты, полосатые хвосты... Горящие глаза, слюна, капающая с клыков у хищников. И сплошь девки. Хорошо хоть сейчас не вопили.

— Что, не ждали? — я криво улыбнулся. — Ну и ладно. Я вам тоже не рад.

Прищурился, глядя на верх здания. Айсонаку Уэно смотрела на меня своими огромными глазищами, на ее лице явно был написан первобытный ужас. Я очень хотел надеяться, что она здесь ни при чем.

Толпа пришла в движение. Вперед вышел десяток йокаек, смахивающих на драных кошек. Каждая била из стороны в сторону двумя тощими хвостами. На кончике каждого хвоста наливалась искорка.

«А я тебе говорил, будут сюрпризы».

Знаю.

Я вытянул руку, концентрируя энергию на кончиках пальцев, собрал маску и надел ее. Ощущения восхитительные, как будто меня недавно родили. Мир был свежим и ярким, хотя я и стоял посреди ломаной бетонной плиты, по которой меня совсем недавно размазало гравитацией.

Мне открыли Источник, признав меня как чародея и подтвердив, что мой конструкт достаточно укреплен и отныне мог выдержать любую хтонь, в которую я захотел бы влезть. Семейное благословение, для получения которого нужно было умереть. Вот с этого момента я официально и уверенно стал с заглавной буквы Кощев, который был волен распоряжаться жизнью и смертью. Своей ли, чужой ли — не имело значения. Теперь я был по-настоящему бессмертен, а не как раньше, просто находился в бронированном конструкте псевдочеловеческого тела.

— Жнец, — проскрежетал мой и одновременно чуждый голос.

И меня окутало Навью. Она согревала и холодила, пьянила и оставляла голову совершенно чистой. Родная стихия...

Кошки продолжали копить огоньки на хвостах. Я знал, что бакэнэко атакуют огнем. Они не знали, что меня это больше не впечатлит. Я был совершеннее, правильнее, сильнее. Маги, волшебники, колдуны, чернокнижники, волхвы... Перед лицом меня как

новорожденного Кощея эти слова бледнели. Я находился в звании русского Чародея.

Ранг уточнять, правда, не требовалось. «Подмастерье». Но здесь это вроде никому не интересно.

Я вытянул руку, и в ладонь легла коса.

Потому что времена подросткового нонконформизма прошли, и традиции надо чтить.

— Карачун, а покажись.

«Похвастаться захотел?»

— Нет, припугнуть надо кое-кого.

Над косой появилось бледное свечение. Контуры человеческого черепа с горящим внутри смертным пламенем. Я мог поклясться, что у него есть свое выражение лица.

— А ты пижон.

— Ты тоже, — Карачун ослабился. — Я пока тут летаю.

— Подожди, — я остановил его. — Я в жизни не поверю, что ты такой один.

Череп мигнул, как будто его включили и выключили.

И раскопировался на еще пятьдесят штук.

Нервы бакэнэко не выдержали такого издевательства, и первая пятерка, бросив в меня округлые желтые огоньки, кинулась на меня с когтями наперевес. Я скучаяще отмахнулся от них обушком косы. Серые тушки отлетели и послушно остались лежать.

— Следующие, — подытожил я, проводив их взглядом.

Я мельком подумал, что баланс у моего нового оружия несколько... неудобен? Скорее непривычен. Надо будет попросить у деда пару уроков.

«Ага, он тебя пошлет косить. После двадцати гектар живо научишься».

Вторую партию желающих укусить меня за Навь я отправил в другую сторону волной кимэ. Одного движения руки хватило, чтобы создать серповидной формы колебание энергии, и еще одного — чтобы послать его в нужную сторону.

А быть Кощеем мне нравилось, надо сказать.

Направив ки в нервную систему, в следующие два движения я проредил толпу, даже не взмахивая косой.

«Эй, мне оставь, я вообще первый раз вылез», — Карачун всё это время ревниво смотрел на мои перемещения.

— Да пожалуйста. Только вот сначала ты меня научишь распространять страх смерти.

— Легко. Возьми мертвой воды. Преврати в мелкодисперсный спрей. Дохни разок.

Я сделал.

— Так?

Дрожь, распространившуюся по толпе оставшихся комбатантов, я слышал едва ли не физически. Их клыки неудобно клацали. Некоторые поджали хвост.

— Так. А теперь-то можно?

— Да пожалуйста, — новый я был потрясающе великодушен. Распространять угрозу одним своим внешним видом — бесценно.

— МВА-ХА-ХА-ХА!!! Я СОЖРУ ВАШИ ДУШИ!!!

И хвосты тоже пообгладываю с удовольствием.

Творилось полное сумасшествие. Повсюду летали черепа. Они адски хохотали. Кусали обезумевших, метавшихся туда-сюда йокаев. Те, кто получил косой еще в самом начале, уже пришли в себя и сливались со стенами. А посреди всего этого невозмутимо стояла моя высокая фигура в черном, поигрывая зловещего вида косой.

Это не было битвой. И даже сражением. Это была месть, избиение слабых сильным. Ведь они все-таки угробили меня насмерть. Такое с рук я спустить им не мог.

— Время пожинать плоды.

Я смешал в себе две энергии — и ничего не почувствовал. Будто всю жизнь этим занимался.

И взлетел — привычно, без резких движений, интуитивно.

Следующим по плану было тотальное уничтожение. И я направлялся на последний этаж, где в оконном проеме среди брошенных бетонных блоков стояла заварившая всю эту кашу. Ее четыре хвоста бились, поднимая облачка пыли.

Когда я вернулся в комнате тем же путем, которым оттуда вышел, она не нашла ничего умнее:

— С-сдаю...

Кицунэ Айсонаку Уэно умерла, когда взмах косы отделил ее голову от тела. А в следующий момент она вновь оказалась жива. В вертикальных зрачках плескалась паника. Длинными дрожащими пальцами она ощупывала невредимую шею.

— Мне, верно, показалось? Или ты что-то сказала о сдаче? — скучающим тоном осведомился я.

— Этого не было? — она кое-как выдавила из себя вопрос.

— Кто знает...

Я видел собственное отражение в ее радужках. Мои пугающие зеленые глаза приблизились к ней вплотную. Я хотел думать, что в пламени смерти она вновь и вновь видела собственную гибель.

— Рискнешь проверить, насколько больно это будет в реальности?

А ведь я не каждый раз делаю такие предложения прекрасным девам, подумалось мне с усмешкой.

Она испуганно поджала хвосты и панически замотала головой.

— Я сдаюсь, Кощеев-сама.

— То-то же, — выдохнул я.

Наконец-то все закончилось.

«Маленький наивный Костик», — Карачуна что-то веселило.

— Можете располагать слабой никчемной женщиной как вам вздумается.

— Э? — я внезапно перестал понимать происходящее.

— Желаете разложить меня прямо здесь? — четыре лисьих хвоста робко подметали пол, и она начала спешно раздеваться, ластясь к своему новому хозяину, такому могущественному и властному.

Слабый подчиняется сильному, да? Значит, она только что встретила идеального альфа-самца.

* * *

Недзуми уже триста раз проклял свое любопытство с мыслью «Слабоумие и отвага, вот как это называется». Высокие лапки быстро перебирали ступеньки. Если бы все недзуми клана лезли куда попало, домой возвращаться было бы некому. «Наверное, не просто так меня в семье не любят. Шпыняют за то, что я неправильный. Высовываться все детство

пытался. Почему я просто не могу быть нормальным?»

Инугами вообще особо ни о чем не думал. Как только он начинал ломать голову, бег песочного цвета лап сильно замедлялся. Камаитачи не было. Его запах не получилось найти в округе — или его невозможно было уловить. Место, опаленное лисьим огнем, тоже было пустым. Наверняка Курода забрал того, кто сражался первым. Знать бы, кто это был. Лисий мерзкий запах бил в нос буквально на каждом шагу. Каждое неприятное дело воняет лисой, что в истории, что здесь. И еще кошками, которыми вытерли стены во дворе старой больницы... Потом разберемся. Сейчас просто нужно было успеть.

Когда Кицуки Казуя и Кицуки Ичика, издав издав заметив остатки белой тряпочной печати, бежали по направлению к нужной комнате, они столкнулись в дверях с двумя зверьми, в которых после определенных усилий опознали Акихико Изаму и Ханаваро Кавагути. Пришлось заходить вместе.

Картина выглядела на редкость странно. Раздетый до пояса Кощев Константин прижимал к стенке полуголую красотку, напряженно дыша, и что-то шептал ей на ухо, определенно неприличного содержания.

Недзуми зачарованно смотрел на картину, засовывая руку за пазуху.

«Мне же всё равно никто не поверит».

Парочку оторвал от очень важного занятия щелчок фотокамеры смартфона. Крысенок деловито спрятал мобильник обратно.

— Вы... это... продолжайте, — он неопределенно показал лапой куда-то в угол.

— Простите, что потревожили, — одновременно произнесли Изаму и Казуя, спешно разворачиваясь, чтобы уйти.

Ичика со странным выражением лица переводила взгляд с обнаженного торса парня на неприкрытые формы Уэно.

— Я... — голос гайдзина слегка дрогнул. Кажется, до него дошло, как ситуация смотрится со стороны. — Я все могу объяснить.

— Да! Я тоже! У Кошьева-сама столько фетишей! Я в совершенном восторге, — подлила масла в огонь Айсонаку Уэно.

* * *

* * *

— Конец записи.

Три ласки убрались подальше в тень старого дерева и отправляли последнее сообщение, прикладывая видео. Жаль, но человеческая камера засняла едва ли четверть от происходящего. Разве что комментарии спасут дело.

Очень хотелось неуместно пошутить на тему недостающего попкорна. Тогда одно животное могло бы держать смартфон, второе комментировать, а третьему как раз оставалось есть кукурузу из большого стакана. Можно было бы периодически меняться. Но вот уж чем не озаботился.

«Тебя не заметили?»

«Нет, я был скрытен и отбил запах».

«Отскаре. Держи в курсе».

* * *

Я вывалил перед друзьями стопку из шести учебников, по два на каждого. И сверху положил три печати, позволяющие быстро выучить написанное. По моим расчетам, печатей должно было хватить и на промежуточные тесты в конце четверти, и на изучение выложенных книг.

— Это что? — обалдел Кавагути.

— Японско-русские разговорники, — мило улыбнулся я. — Один туристический и один бытовой.

— Твоя улыбка слегка пугает, — пожаловался Изаму.

— Я знаю, что вы вообще-то в царство Кощеево собрались, однако за пределами наших владений еще целая Россия, — пояснил я. — Поэтому решил устроить вам небольшую экскурсию. Начнем с Москвы, а там через большие города до Новосибирска — и к нам. Деревня! Стога, в которых можно валяться! Озеро! Лес! Баня! Русская еда!

— Традиционная? — прищурился недзуми. Я кивнул.

— У-ху! — вскинула руки Томоко. — Москва! Кремлин! Пойдем в Мавзолей?

— Э... я пропущу, — я постарался аккуратно обойти тему.

— Почему? — изумилась она.

— Скажем так, в моей семье считается крайне невежливым нарушать покой других личей.

А то проснется еще... вся страна на уши встанет.

* * *

Девять длинных тонких хвостов отбрасывали девять теней в свете уличного фонаря. Бай Гуан была очень занята: она волновалась, как бы не проснулся ночной сторож. Его работой было охранять мемориальный парк, однако в последние полгода парень увлекся сакэ и по ночам преимущественно квасил под маринованную черемшу, после чего спал до утра как убитый. Лисица могла только поражаться странностям человеческого вкуса. Алкоголь она на дух не переносила.

Бай Гуан добралась до могилы Рисы Камэи. Оpoznать ее было несложно: фанаты до сих пор приносили цветы и фотографии. Все ярусы надгробия были уставлены догоревшими уличными свечами, а на вертикальных столбиках висели гроздья крупных брелоков, любовь к которым она демонстрировала при жизни. Лиса вытянула переднюю лапу и нащупала среди свеч небольшую каменную фигурку. Отлично, всё на месте.

Обметя собственными хвостами пространство перед надгробием, Бай Гуан когтем нарисовала на земле странного вида круг и запела без слов. Тихий глубокий голос потек между камнями, чтобы потревожить обугленные кости той, что уже ничего не могла слышать. Стояла глубокая ночь, и песня не могла повредить никому из живых. На то и был расчет.

Потребовалось не так мало времени, как хотелось бы. Чертовы методы чертовых шинигами. Однако намоленный алтарь, которым и была простенькая каменная фигурка, всё-таки сработал. Из нарисованного круга пошел еле заметный дымок. К концу песни перед Бай

Гуан полностью проявилась босая прекрасного вида девушка. Ладно сложенная фигура, отточенная годами тренировок в зале. Черная хорошо подогнанная одежда. Броский шрам поперек шеи. Длинные волосы, окутывавшие тело духа и спускавшиеся чуть ли не до колен. Только лицо было уже не белым с синими чертами, а обычным.

Онрё подняла глаза на лису. Взгляд был осмысленным.

— Добрый вечер, Камэя Риса. Я Бай Гуан.

— Я знаю, — тихо произнесла онрё. — Ваше жизнеописание, как и биографию семи великих китайских певиц, изучают в школах в рамках темы Второй мировой войны. Вы мой кумир. Я тоже была вокалисткой.

— И хорошей, — китайской лисице хули-цзин было очень приятно думать, что ее человеческое воплощение в каком-то смысле вошло в историю. — Пожалуйста, напомни мне: почему ты добровольно ушла из жизни?

— Мое агентство поставило невыполнимые условия контракта, — голос Рисы был тих и печален. — Сначала они запретили мне любую личную жизнь, а потом подставили ради скандала. Ради рейтинга они распространили слухи о моих отношениях с другим айдолом, хотя их не было. Меня затравили.

— И ты готова спустить это прямо так только потому, что тебя проморозили до самых потаенных уголков души?

Риса вспыхнула черной дымкой и с удивлением посмотрела на свои руки. А потом на лисицу — с благодарностью.

— Да, — польщенно улыбнулась хули-цзин. — Теперь ты намного сильнее. Не благодари. Это мой подарок, чтобы ты реализовалась в полной мере. Токио следует сровнять с землей. Я тоже в этом уверена.

Бай Гуан, приняв человеческую форму, проводила онрё взглядом. Ее аура теперь выглядела намного лучше. Разрушений она сможет принести несравнимо больше.

— А теперь... — лисица достала из сумочки белую стрелу и задумчиво повертела ее в руках. — Вот вопрос. Что же мне делать с моим будущим мужем?

Больше книг на сайте - Knigoed.net